

Экклизии

Неополитики

Джордж Лиминима Эккисици Неополитики

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24615617
SelfPub; 2017*

Аннотация

Некогда в обычном московском дворе жила группа молодых советских учёных. Через сорок лет судьба собирает совсем немногих оставшихся из них вместе. Странные события сегодняшнего дня и тайны их прошлого закрутят новый водоворот событий, центром которого является поиск ответов на вопросы, волнующие вас сегодня.

Предисловие

Есть мощная дилемма в современном мире – это гигантская разница между уровнем технического прогресса и социальным устройством общества. С широко раскрытыми глазами и неприятием мы наблюдаем коллизии, происходящие в современном мире. Ещё лет 30 назад мы считали, что в XXI веке будет установлен прочный мир во всём мире, и люди приступят к завершению борьбы с заболеваниями, старением, социальным неравенством и загрязнением окружающей среды. Да, бозон Хиггса, адронный коллайдер, новые сверхмощные телескопы, геномная инженерия, клонирование, нанотехнологии – с одной стороны. А с другой – вспышка насилия по всему миру, враньё и подавление инакомыслия, государственные перевороты и рост коррупции, экономические кризисы и бегство населения. Из глубин небытия, как казалось, вырываются варварство, братоубийство, религиозные распри, терроризм поражает страны, как чума, и вот, уже пошли разговоры о Четвёртой мировой войне.

А что на индивидуальном уровне? Вроде технологии дают нам широчайшие возможности: не вставая со стула, можно получить практически любую информацию, оформить заказ на покупки и путешествия, установить круг общения на любую тему, увидеть звёзды и планеты, творить, общаться и работать. Мы можем обучаться, исследовать и создавать необычайные процессы и вещи. Но принесло ли нам развитие технологий долгожданную свободу мыслиеизъявления и

самовыражения, взаимопонимания и признания? К сожалению, однозначно не ответить. Страх улицы и общественных собраний возрос, увеличилось число голодающих и проживающих за чертой бедности, вернулись репрессии. Рак перерастает в пандемию, и, как ни странно, растёт число неврозов и депрессий, включая суициды. Человек по-прежнему зажат, нервозен и бесправен, а интернет чаще использует как отхожее место.

Как же так? Почему наш высочайший интеллект в научной и технической сферах, наши новые знания, доступность культурных и духовных ценностей не приводят к росту чувства счастья и гармонии, чувства нужности и защищённости, открытости и общей свободы? Одна из причин – это то, что человечество не направляет высоту своего потенциала и лучшие умы на решение задач социального и политического характера, на создание ясной, прозрачной и логичной системы. Коррупция, преступность и терроризм – не в книгах, они за окном. Задача эта совсем не проста, она очень многоаспектна, и если даже эти аспекты раскладывать на взаимодействующие составляющие, то их исследование затрудняется тем, что, в отличие от физической системы, они способны менять свои характеристики и поведение под воздействием изучения информации о них.

Решение этой задачи я хочу разделить с Вами – с тем, кто не боится браться за «неодолимое», в ком чувство совести, морали, справедливости не позволяет мириться с окружаю-

щим вертепом, в ком стремление к гармоничному и достойному скрежещет об окалину и грязь сегодняшней действительности. Эта книга – не учебник, а приглашение к разговору. Читая, спорьте, но не хулите, а предлагайте. Я постарался обойтись без ругани и обвинений, чего прошу и у Вас.

Что-то Вам покажется простым и знакомым – так и должно быть. Встраиваясь в систему, оно обретёт полный смысл. Просто двигайтесь дальше, можете перескакивать с главы на главу, выбирая интересное. Но всё же эта книга построена на системе, которая начиналась с физических, а далее и метафизических построений. От их основ исследование пошло дальше – через экономику и психологию, физиологию и социологию. От общего к частному. Но изложение пойдёт обратным порядком – от простого к сложному. Я не хочу потерять Ваш интерес на общем теоретизировании, до него, возможно, дойдёт после насущного и актуального. Старайтесь следовать предложенной логике повествования.

Книга написана в литературном жанре и построена в основном на дискуссиях главных героев, чтобы начать наш разговор с Вами. Строя будущее, следует оглядываться назад и думать о последствиях, искать безопасные, постепенные и гармоничные пути поиска и внедрения идей и механизмов. Без революций и потрясений, без обвинений и насаждений. Как если б старое опало, как пожухлый лист, а на его месте началась новая жизнь. И надо отдавать себе отчёт в том, что старое и реакционное будет использовать идеи, заложенные

здесь, чтобы, извратив и переврав, создать себе «костыль» или «подтяжку» – за этим надо будет следить совместно, следить и упреждать. Система, как я надеюсь, должна получиться устойчивой, защищённой и саморазвивающейся. При достаточном наборе элементов она сложится, как пазл, и самостоятельно начнёт исправлять недостатки и выявлять попытки искажения.

Представляю на суд читателей первую часть книги, в которой даются необходимые элементы для понимания и построения будущей системы, а также происходит знакомство с главными героями, что, надеюсь, будет для Вас интересным.

Глава 1. Астрофизик

Вот седовласый астрофизик, учёный с мировым именем, лауреат премий и носитель почётных научных титулов, счастливый тем, что наконец, после долгих десятилетий, воплотился в жизнь один из великих проектов его института. Сегодня, как и обычно, он засиделся допоздна в своей лаборатории, синхронизируя данные нового космического радиотелескопа с данными радиообсерватории в Пуэрто-Рико. Но ночевать в институте давно запрещено, и он выходит на мороз, спеша на последний троллейбус. Своей машиной он так и не обзавёлся, так как его зарплата не дотягивает до уровня водителя троллейбуса, уже знакомого и привычного приветливого парня, так и не окончившего среднюю школу и приехавшего на работу из далёкой солнечной страны. Но

нашего профессора это не задевает, много чудного и несуразного видел он в своей жизни, не меньше видит и сейчас. Одно он понял – за право свободно мыслить, пусть даже в рамках собственной головы, надо многим поступиться.

Последние сто лет, а возможно и ранее, люди развитого интеллекта, неважно в какой сфере, представляли опасность для тех, кто управлял толпой, с крестом ли, орлом или звездой на груди. Его наставник и учитель работал поначалу за колючей проволокой под надзором красноармейца с винтовкой, а далее была разработана система короткого незримого поводка, работающая и сейчас. Вжимая голову в плечи, проходит он мимо полицейского патруля, по опыту не ожидая от них ничего хорошего. За стенами институтской лаборатории его права становятся эфемерны, равно как и безопасность. Случись чего – адвокаты недоступны, их гонорар начинается от шести зарплат начальника лаборатории центра, и это только начало, далее нужна сумма на преодоление коррупционного барьера, равная финансированию бюджетной темы научной лаборатории за год. Государству же всё безразлично, при подаче даже обоснованного заявления будет отписка или встречное обвинение. В коррумпированном обществе взятка является энергией, приводящей в движение любой госмеханизм. Человек, пытающийся провести свои требования и гражданские права просто по закону, как налогоплательщик, рассматривается как лицо, нарушающее установленные правила, и попадает в сумрачное, вязкое простран-

ство из неадекватных заявлений, отписок, игнорирований, а нередко и противоправных действий.

«Вы просто инертны и даже не пытаетесь ничего делать!» – вскричал как-то наш Астрофизик и стал бегать по инстанциям с заявлениями и жалобами, с закладками в Конституции, выписками из Административного и Уголовного кодексов. Родня и коллеги висли у него на руках, умоляя не делать глупостей. По счастью, в очередном кабинете ему попала молодая прокурорша, которая, отпаивая его чаем, терпеливо объяснила ему существующие реалии. О том, что и в отношении неё закон не исполняется и она живёт с мужем и ребёнком который год в коммунальной квартире. Пожалевав его как отца, она сделала несколько звонков, урегулировавших последствия его походов, а на заявлении написала: «Взято на контроль». Никто так ничего и не исполнил, но и зла не сделали. А наш герой вернулся на высокие орбиты своих звёзд и диапазоны пульсаров.

Скрипя удобными ботинками «Прощай, молодость!» по солёным прогалинам, вошёл он во двор своего дома, заставленный невымытыми машинами. Там, где когда-то была хоккейная коробка, возведённая им с приятелями и аккуратно обсаженная деревцами, теперь была площадка, мощёная тротуарной плиткой. Верхом на страшеньких лавочках сидели златозубые парни, вытеснившие местных хулиганов, и ангажировали пьяненьких страшилок. Их коллеги по цеху завалили подъезд тюками и коробками и старательно утрам-

бовывали мешки в лифт. Старый лифт возил их на самый верх, на чердак, где ушлый управдом сдал чердачное помещение под предлогом ремонта. Глядя из-под низко надвинутых шапок, работяги расступились – за порядок в подъезде отвечал их смотрящий.

Заселение гастарбайтеров началось при первом управляющем ТСЖ. Везде царил бардак и раскардаш. Управляющий же погряз в суде с муниципалитетом за право устанавливать «ракушки» и ограду для двора. Второй судился с первым, так как бюджет оказался пуст, плюс долги, и ремонтировать было не на что. Тогда следующим управляющим избрали бизнесмена. Тот составил план, начал ремонт собственными силами, но быстро сдался, погрязнув в текучке, которая сопровождалась полной утерей документации предшественниками, продолжающимися дрызгами с городом, авральными работами, пьянками постоянно меняющихся работников и пр. Собственный бизнес стал страдать, и бизнесмен самоустранился. Дрызги жильцов вылились в интернет, началось их настоящее противостояние. К регулярным неплательщикам коммунальных услуг присоединилась ещё добрая четверть.

В этих обстоятельствах замглавы муниципалитета настоятельно порекомендовал «перспективного управляющего» – естественно, как оказалось, непристроенного родственника. Тот сразу после утверждения пришедшим на голосование «большинством» жильцов перебрался жить в цокольный этаж. Город тут же выделил средства на ремонт труб и ис-

правно работавшей котельной. Заменяли зимой асфальт на внутридомовой дороге и зачем-то бордюрный камень. Практически весь цокольный этаж, за исключением комнат домоуправления, был сдан в аренду, а одно из чердачных помещений каким-то чудом переведено в категорию жилых помещений и заселено гастарбайтерами.

И тут случился казус – кто-то из «гостей» в праздничный день тиснул в лифте недавно переехавшую блондинку. На разбор прямо из-за праздничного семейного стола примчался её покровитель – невысокий мужчина квадратного телосложения. После ужасающего акта членовредительства он провёл построение всех жильцов чердака, показал удостоверение и объявил новый порядок: теперь все гости стали ответственными за уборку подъезда по вывешенному внизу графику, чистоту придомовой территории и, позже, её охрану. А также мелочи, как то: регулярная мойка машины Мармеладки, как он называл свою пассию, и доставка сумок с продуктами к её двери. За численность проживающих наверху и их еженедельную поверку ответственным вскоре стал участковый, не хотевший быть обвинённым в распаднике нелегалов и должностной халатности, а может и ещё чего. Следом мужчина спустился в цокольный этаж, и там досталось управляющему, с которого, в частности, был введён подушный оброк с каждого чердачника. Позже, по настоятельной рекомендации гостя, оформленной соответствующим письмом, управляющий ввёл электронную систему до-

ступа проживающих в подъезды, а карточки с электронными ключами не за бесплатно раздал проживающим.

С тех пор дом засиял. Неплательщики подолгу стояли, матерясь, у подъезда, ожидая, что кто-нибудь откроет дверь, и после недели мытарств и тысячи письменных жалоб подписали с ТСЖ график реструктуризации долга в обмен на ключ. Летом, вернувшись с отпусков, народ обнаружил, что хоккейная коробка снесена, деревья попилены, а на их месте тротуарной плиткой выложена площадка со скамейками и металлической оградкой. Управляющий активно помогал городу осваивать ресурсы, направленные на родственные производства. Жильцы вскипели, ведь коробка была единственным местом, где можно было сыграть в футбол и баскетбол, а зимой покататься на коньках. Сажены деревьев же всем двором возили из соседнего лесопарка. Страсти дошли до того, что было привлечено телевидение, перед камерами которого жильцы излили весь гнев. Вскоре вышла ожидаемая всеми передача. В ней рассказали, как благодаря одному талантливому руководителю удалось за год из бардака создать образцовый дом и двор. Показали чистые подъезды с системой электронного доступа, опрятный двор с импровизированной охраной и камерами, новым асфальтом и крашеным бордюром, показали центральную площадку с лавочками и мини-клумбой, рассказали о былых проблемах с задолженностями и неплатежами. И интервью молодого энергичного руководителя. Тот сразу после выхода передачи легали-

зовал чердачников. Были введены в штат уборщики, охранники, озеленители, ремонтники и прочие с солидным уровнем оклада. А если кто-то хоть пискнет о реально получаемых деньгах, то выгоняли сразу по трое, как, впрочем, и за другие провинности. Такая вот круговая порука для бесправных. Расходы же естественно компенсировались значительным увеличением коммунальных платежей жильцов за счёт увеличения калькуляции на новые статьи затрат.

Среди жильцов и так уже был раскол, и тут партия «не надо возникать, хуже будет» обрушилась на активистов, обвиняя их в удорожании. Другая часть вообще на всё забила, так как им надо было добывать хлеб насущный и детей растить, а не дрызгами заниматься. Поскольку бумаги от жильцов шли во все инстанции не первый год, они уже всем осточертели, и шансов получить оттуда поддержки не было. По времени как раз надвигалось годовое собрание – основной инструмент реализации собственниками своих прав. Однако «партия справедливости» была уже в меньшинстве, а управляющий набрался опыта, и в результате в один из дней, после ряда переносов даты мероприятия, жильцы получили через почтовые ящики утверждённый протокол общего собрания, где все действия управляющего одобрены вместе с отчётом и всё, естественно, было совершенно по закону.

Как так получилось, я не буду рассказывать, дабы не учить заинтересованных дурному. Ревизор товарищества, на которого тоже надеялись – солидная дама из топовой аудитор-

ской компании, привлечённая к работе во времена бизнесмена-управляющего и отлично себя зарекомендовавшая – также утвердила отчёт, правда с целым веером гневных замечаний по несущественным вопросам. Мало кто знал, что скандальная программа «Рет Люда» («адюльтер» наоборот) того же телеканала, что сделал программу об управляющем и дворе, поймала нашего ревизора на измене мужу прямо в собственном офисе. Программа об этом в эфир не вышла, ревизор получила все рабочие материалы телепередачи на руки...

Именно в это время наш Астрофизик, считавший каждую копейку и подначиваемый юристом-народником из общественной организации, бегал по правоохранительным кабинетам, размахивая кодексами, где, как мы уже знаем, и получил прививку химерной адаптации к установленному порядку. И слава богу, без последствий, ну или почти. Однако параллельно, интуитивно ощущая реальную нить полотна, он отписал письмо старому знакомому, работнику госбезопасности, сопровождавшему его в былые времена в поездках с циклом лекций и семинаров по Франции. Тогда у них сложились приятельские отношения, и Астрофизик счёл возможным именно сейчас обратиться к нему с просьбой, проведая, что тот ушёл далеко наверх. Своё письмо он начал со слов «мон шер»...

Именно с этих слов – «мон шер» – начал свою речь коренастый человек в дорогом костюме, внезапно вошедший ве-

чером в институтскую лабораторию. В нём наш герой сразу узнал патрона Конфитюрки или, говоря по-русски, покровителя Мармеладки. Мужчина выглядел серьёзно и дорого и говорил на неплохом французском, что, может быть, и выглядело вычурно, но, учитывая наличие в комнате других сотрудников, было оправдано, не говоря уж о том, что эффективно. Его появление в стенах всё ещё режимного института и использованное обращение сразу ответили на вопрос о предмете его визита. Он заверил визави в своём совершеннейшем почтении и даже искренне улыбнулся.

Возможно, так и было: его домашняя протезе поначалу сильно ныла, что он поселил её в дыру, а не в элитную постройку. Но тот объяснил ей, что это цивильный дом, сплошь заселённый интеллигенцией – врачами, академиками, конструкторами. А антураж он скоро поправит, главное – среди кого живёшь. Отдельно он отметил известного астрофизика наверху подъезда. Девица понимала, что вопрос на самом-то деле в половинной цене от реально элитного аналога. Но приняла правила игры и разместила на своих незатейливых страницах в социальных сетях среди прочего обложки зарубежных работ академика, как она его называла, поднимая в глазах подруг статус своего жилища.

Так вот, в своей речи, при всём её недружелюбном окрасе, патрон де Конфитюр поблагодарил профессора за его хождения и петиции и сообщил, что, несмотря на вызывающий манер его действий, принято решение о строительстве но-

вой хоккейной коробки на маленьком сквере перед домом, а лично ему объявлена жёлтая карточка за неэтичное поведение.

Футбольный термин был использован не случайно. Дело в том, что хоккейной она была зимой только для детей. На самом же деле она являлось гладиаторской ареной для футбольных баталий среди мужчин близлежащих домов. Особенно зимой, когда мяч превращался в заледеневший каменный снаряд, начинались brutальные схватки. В специальной защитной экипировке они носились по запорошенному снегом льду и били по мячу своими канибадамскими ботинками с такой силой, что когда мяч врезался в деревянные щиты ограды, раздавался звук, от которого подпрыгивали и крестились старушки в квартирах. Хотя выше пояса бить не разрешалось, вратари рисковали получить сотрясение мозга от попадания в голову. Игра была быстрой, с бортами, стоял крик и ругательства, но всегда без мата, за игрой следила масса зрителей с балконов и окон. Играли на интерес: пара бутылок коньяка, ящик пива или более прозаичный бидон квашеной капусты. А то и просто на «жопки», когда проигравшая команда вставала спиной полусогнувшись и получала серию пенальти по заднему месту. Поверьте, каменным мячом – это совсем не сахар. Но главный приз, конечно – это звание победителя. И чаще всего им становилась команда хозяев, то есть та, в которой играл наш академик.

Да, он был совсем не синюшный червь от науки. Под дра-

повым пальто и шапкой с очками скрывалось высушенное, жилистое тело азартного бородача, который никогда не пропускал ни лыжных гонок, ни марафонов. И поздороваться с ним за ручку было когда-то большой честью для любого местного хулигана. Так что коробка эта была символом мужской доблести в микрорайоне, и её снос был актом, оскорбляющим достоинство и память бойцов, сродни публичной кастрации.

Услышав о возрождении коробки, наш профессор вцепился взглядом в гостя и неучтиво спросил, понимает ли тот, что скверик относится к общежитию другого госинститута, земля эта не муниципальная, а федеральная, и вопрос надо решать с государством. «L'état c'est moi» («Государство – это я») – ответил гость и сопроводил это таким взглядом, что слова будто продавились от переносицы до мозжечка учёного. «Так, да не так!» – вдруг прозвучало позади.

В дверях стоял седовласый академик – директор астроцентра, замечательный человек, в прошлом борец-любитель, депутат разогнанного Верховного Совета, уже история и последний столп науки. Гость отнёсся к появлению директора снисходительно, и даже не собирался представиться. Но слова принадлежали не ему. Из-за спины академика выступила немолодая, но всё ещё эффектная женщина с восточным типом красоты. Гость знал её по недалёкому прошлому, знал случайно, через, пожалуй, единственного своего друга. И то, что было ведомо ему, ставило его в тупик.

Она обладала властью непонятной природы, более весомой, чем ведомство гостя. Будучи замдиректора НПО со сходным с центром названием «Астрофизика», она была недостижима и неуловима. Но и встречи с ней тоже избегали, просто боялись. Сокращённая вместе с огромным числом сотрудников, она вроде как бы совсем исчезла. И тут...

Она стояла во всём блеске, в переливчатом зелёном платье с подобием крупной чешуи. Наш удав де Конфитюр напоролся на гораздо более крупную анаконду. И однозначно, умом и интуицией понял две вещи: первое – это встреча не случайна, и второе – надо ретироваться достойно, но спешно и, желательно, не разговаривая. С большим достоинством, отвлекающим движением и уместной прибауткой-извинением он скользнул в коридор и растворился в нём. Оценив скорость и изящество манёвра, директор понял, что он был лишь сопровождающим, и спросил свою спутницу:

– Кто это?

Он был явно не рад нахождению незнакомца в стенах его центра.

– Исхименит, – ответила она и, почему-то повернув голову к нашему физику, добавила: – Я расскажу Вам позже.

Она сделала пасс рукой, и учёные постепенно вышли из ступора, провожая взглядом удаляющуюся пару.

Кто такие исхимениты, я Вам тоже расскажу позже. Частично персонажи, которых Вы встречаете здесь, являются героями совсем другого повествования, и здесь, не упоми-

ная их имён, я привожу лишь очень краткое их описание и повествую об их мыслях и деяниях, относящихся лишь к теме данной работы, чтобы Вам не так скучно было читать. А пока позвольте вернуться к тому позднему вечеру, когда наш первый герой, возвращаясь домой, протиснулся между тюками гастарбайтеров и стал взбираться по лестнице.

Физик равнодушно шмыгнул наверх, за годы в нём выработалась толерантность. Он даже вступил с гостями в симбиоз, сдав по требованию жены на лето свою квартиру. Взамен он получил простенький ремонт и вроде новую газовую плиту. Его сейчас больше расстроило, что он запачкал пальто, протискиваясь между машинами у подъезда. Одна принадлежала беспечной девице, взявшей за пример Мармеладку и пытавшейся наплевательским поведением обозначить свой повышенный социальный статус. Вторая – старому приятелю Астрофизика, некогда доросшему до директора предприятия, но недавно дошедшему до критической точки в отношениях с министерством из-за своего упрямого нежелания работать по «системным» правилам, в которых профессионализм и достижения были совсем не главными. Вопрос о его уходе был уже решён, жена разразилась очередной истерикой, и, плюнув на всё, он вернулся жить в свою старую квартиру, принадлежащую матери. Усталый и простуженный, после стояния в многочасовых пробках, он не нашёл в себе силы на поиск места у дома или пешую прогулку от дальней парковки и бросил грязную машину у подъезда,

мысленно извинившись перед соседями.

Проходя лестничные площадки, наш герой вспоминал былые времена, как, приходя друг к другу в гости, они часами и ночами спорили, рассуждали о бытии, о мироздании, его законах и поведении, о человеческой ответственности за отъём тайн у вселенной и многом прочем. Толпою аспирантов и разнородных младших сотрудников переходили от одной лестничной площадки к другой и, прокуриив одну квартиру, шли пить кофе и спорить дальше в другую. Могли ли они тогда предположить, что история завалит весь их научный локомотив на обочину и время распылит их по странам и континентам? Что звоня в Нью-Йоркский институт, он будет слышать всё тот же неугомонный смех однокашника из соседнего подъезда, а позвонив в Харьковский институт, слышать обиженную речь их старого приятеля и некогда жизнерадостного завсегда́тая компании? Как же так всё вышло, разве такое будущее они себе представляли?

Но вот и последний этаж, его квартира. Всё те же работы теперь вынимали тюки из лифта и заносили наверх, на чердак. Снова пришлось протискиваться. Дешёвая железная дверь клацнула, открываясь, и он вошёл в прихожую. Уже оттуда он увидел, что на их маленькой кухне разыгрывается МХАТовская сцена: заломив руки, жена декларировала: «Нерусское, нерусское там всё!»

В гостях был сын, уже маститый специалист-ITшник, давно и осознанно покинувший Родину. Искренне беспокоясь о

родителях и мечтая их перевезти, он, помимо прочего, занимался переводом, компиляцией и подготовкой к публикации серии работ отца, готовя материальное обеспечение его старости и, главное, поддерживая интерес к его имени для ещё возможного перехода его на новое достойное рабочее место.

– А что же здесь русского-то? – Сын обвёл глазами кухню, бросил взгляд в окно. – Мебель – итальянская, шторы – шведские, техника и телевизор – европейские, машины – немецкие, японские... Берёзки? Иван да Марья? Так берёза с дубами и рябиной растёт по всей средней полосе – и в Германии, и в Канаде. Иван и Марья – имена иудейские, а у нас с вами имена греческие, так как веры мы византийской.

– Не ёрничай, здесь наша земля, могилы предков, их труд, их подвиг!

– Земля? Наша? Да здесь припарковаться-то негде! Кругом заборы да шлагбаумы. Летом, помнишь, на лодке остановиться негде было, весь берег в запретных табличках. И про могилы! Если б я налом не проплатил, где б вы деда хоронили, а?! А как его лечить не хотели и недолеченного из больницы вытурили? Это при всех его заслугах, наградах и подвигах! – Он снова повернулся к окну и кивнул подбородком на соседний дом. – Шёл к вам, заводских снабженцев встретил, они продукты бывшему начальнику производства носят. Какой человек был! Гроза! Министру обороны среди ночи звонил. А сейчас – немощный, нищий старик, глаза на мокром месте, и кланяется, кланяется за картошку и хлеб, за

то, что хотя бы эти не забыли, навешают. И про культуру ты мне не говори, то, что приезжает к нам в отели на шопинг и по делам – это всё выхолощенная, пустая публика, за очень редким исключением. Не читают, не знают, не думают. Пошлость и злоба.

– Но тебя-то здесь вырастили и выучили!

– Кто меня выучил, все вперёд меня уехали. Вот только кто вырастил, – посмотрел на отца, – чего-то упирается. Вроде уж низвели в самый низ, только что ещё квартиру не отобрали – нет, всё упирается. А ведь там приглашают, ждут... Дом вам в кондоминиуме присмотрел, там соотношение русских больше, чем у вас в вагоне метро. Целая улица, русские вечера каждую субботу, всё приличная публика, из окна форель ловить можно!.. Тридцать пять миллионов уже из страны выехало, и совсем не колхоз.

– А случись чего, кому мы там нужны? – Мать недоумённо пожалала плечами. – Здесь какая-никакая поликлиника своя.

– Вот именно – никакая! Забыла, как тебе там пневмото-ракс заведующая уколом забацила? И ничего, уверен, она работает и дальше. Там, случись что, есть страховка и гарантированные гражданские права, а не липовые. Не скажут «нету тела – нету дела», я тебе примеры до утра могу перечислять, хотя ты и сама всё знаешь.

– Сын, сын! – прервал его физик. – Я знаю всё, что ты хочешь сказать. Не надо. Не надо, всё и так понятно и известно. Я знаю, – он помедлил, – ты вернёшься, со своими ребятами,

вы все, с детьми и жёнами. То, что происходит – это наша вина, моего поколения. – Он говорил тяжело, с большими паузами. – Я не знаю, как исправить, я умею лишь хорошо делать своё дело и буду делать его до конца, чтобы вам было куда возвращаться... Ты уж прости.

Он замолчал, его руки с выступающими венами лежали на клеёнчатой скатерти. Только указательный палец подрагивал, словно выписывал что-то мелким почерком в воздухе.

– Сколько возможностей не использовали, сколько людей потеряли! Я вижу, что страна во власти вора, вижу плесень реваншизма, пожирающую умы и наше будущее. Но вот что делать – ума не приложу, не понимаю. Чем лучше я делаю своё дело, тем хуже – мной, моим трудом туранчоксы прикрывают страшные лица жулья и бездарей, отбивают растасканные деньги. Но уезжать не буду. – Он замотал пальцем правой руки перед носом невидимого оппонента. – Свою ношу надо нести до конца. Я всегда был честен и знаю: судьба даст мне шанс за это что-то поправить, внести свою лепту, может, хоть кому-то помочь, чтобы не было так стыдно перед вами, избавиться, как говорит твоя мать, от этого когнитивного диссонанса фрустрированной личности. – И он криво усмехнулся.

– Да не нагоняй на себя напраслину. – Сын сел. – Не ты один голову ломаешь, и вины твоей тут ни в чём нет. И диссонанс – он не внутриличностный, а как раз между личностью и бытием, то есть страной, с её парадигмой и укладом.

И это не та ситуация, в которой, не справляясь, ты должен измениться сам. Наоборот, здесь необходимо изменить страну, окружение. И отдельные личности здесь ни при чём, вопрос, понимаешь, системный.

– Вот смотри, – продолжал он. – Феноменологически на сегодняшний день политический уклад в этой стране мыслители обозначают как президентско-монархическую республику. Прагматически же речь идёт об эволюционирующей форме ордынской сатрапии. В психике человека, как известно, в его подсознании очень чётко укореняются успешные модели поведения, особенно те, которые при встрече производят болевой или устрашающий момент фиксации. При длительном воздействии и собственном положительном опыте они оседают в геноме человека как устоявшиеся программы и выживания, и развития. Ордынская модель сатрапии или самоуправляемой колонии сформировала и задавала дальнейшую форму развития российской государственности. И её живучесть и эффективность была доказана столетиями. Она же сформировала отношение государства к человеку как статистической единице дохода и ополчения. Отношение же человека к власти было сформировано как к сакральному престолу, центру, который всё знает, понимает и видит. Судить, размышлять, решать – это удел главы, остальные должны рьяно исполнять приказы и пожелания, соревнуясь в исполнительском мастерстве и холопьем угаре, при этом благоговей от своей причастности.

Подавленное личностное развитие, неразвитая система критичности и ответственности приводит к инфантильности человека, его боязни свободы. Свободы действий, свободы суждения и принятия решений. Последнее – одна из самых энерго-, психо– и интеллектуально затратных функций любого человека, то, чего пытается избежать любой живой организм, если только он не приучен к этому регулярными тренировками и занятиями и эффект от этих затрат для него очевиден и привычен. В отсутствие тренировки работает энергосберегающая функция, и ответственность, с благодарностью от облегчения, перекладывается на того, кому она положена по «статусу». Но внутренняя мораль, которая является проявлением божественного и высшего в человеке, внутренний закон развития, как высшая доминанта, не могут быть подавлены извне или враньём самому себе!

Он всё больше и больше заводился.

– И возникают нарастающие противоречия, для временного подавления которых используются суррогаты о сакральности власти, взятые из религии, и химические инвазии, вроде алкогольных возлияний. Однако это порождает крайнюю неприязнь к тем, кто на это не пошёл, им сразу вменяется в вину покушение на коллективные устои и безопасность. И чем сильнее сам себя унижает человек, тем ярнее он нападает на того, кто этого не делает или пытается освободиться, и тем самым человек ещё больше себя унижает и загоняет. Унижается перед вышестоящим и, в свою

очередь, упивается властью над нижестоящим и ненавидит живущих по-другому. Это и есть главная проблема тоталитарных систем. Сообщество свободных личностей должно строиться по другим законам.

Тут он закашлялся и налил себе заварки, подождал, пока мать вскипятит чайник, выслушивая её замечания по поводу недоказанности передачи моделей психического поведения через генетический аппарат, и через минуту, глотнув горячего чая, рьяно пахнувшего ароматом свежей лимонной цедры, продолжил:

– Так вот, наличие этого внутреннего индивидуального противоречия приводило бы к нарастанию напряжения и подрыву системы через бунты, восстания и революции, если бы не наличие врага. Россия всегда воевала, потому что война требует мобилизационного положения, этого необходимого атрибута ордынской модели, при котором все ненужные раздумья и внутренние неурядицы теряют своё значение. «Вот кончится война, тогда и...» Если врага нет, его создают – модель требует. Диктат и беспрекословное подчинение – наиболее рациональная модель при военном положении, и подвергать это сомнению есть противодействие «героической» борьбе или враждебное поведение.

И, наверное, главное! Мы отдаём, сдаём своё важнейшее чувство самости, ответственности перед людьми и богом царю, главе. И поскольку сделка эта ничтожна по совести, мы начинаем оправдывать её, наделяя правителя несуществую-

щими, практически божественными чертами. И чем порочнее наши действия, тем злее мы их защищаем. «Царь непогрешим!» Когда в России произошёл гигантский кровавый большевистский эксперимент по смене режима, всё одно – страна скатилась к выбору мудрого и справедливого царя, пусть и называя его генсеком. Остальные, коих было уже немало, стёрты с лица земли.

Это, повторюсь, было predetermined уже в геноме русского человека, так же, кстати, как и миллиардов азиатов – таких же бывших ордынских колоний. Жажда строгого, но справедливого батюшки-царя – это и есть чаяние практически всего гражданского общества России, если его вообще так можно назвать. Поэтому в противостоянии первого президента и парламента народ поддержал «царя», несмотря на всю незаконность его действий. И подставил снова шею под хомут и спину под кнут... И повёз... И выстроить ничего не смогли, и перенять у других – мы ж особые, Третий Рим, нам никто не указ! Вот и откатились через века во времена Ивана III. А с учётом пропитавшего всё духа уголовной романтики, вороватости и пьянства, выстроили подобие усовершенствованной зоны. А кто не согласен, ломанулись отсюда при первой возможности. Правда, вместе с ними и насосавшиеся новые хозяева с отпрысками.

– Про орду, зону и клептократию мы начитались и наслушались всего такого, – прервал затянувшийся монолог отец. – Правда в твоих словах есть, спорить не буду, но по

поводу народонаселения и новых устоев ты сильно обобщаешь. Хотя бы мы с матерью тебе прямое опровержение.

– Я говорю о кривой Гаусса, о нормальном распределении, и естественно, есть 32%, которые под него не попадают.

– Не думаю, что поминание Гауссова распределения здесь корректно, но мысль твоя, впрочем, понятна. Только я не об этом вообще хотел сказать. Ты знаешь наше правило – не критиковать, если тебе нечего предложить. Иначе можно долго воду в ступе толочь.

– Ты хочешь услышать от меня программу переустройства громадного, напрочь, патологически аберрированного государства? – Он начал сжимать и уплотнять руками в воздухе воображаемый шар, крепко вдавливая в него пальцы.

– Именно, коротко, тезисами, пунктиром, давай! Только без умных словечек и болтовни, без рассказов о моральных ценностях, свободе или о том, как у них там сделано. Дай физику, механику действия, чтоб здесь заработало. – Старик откинулся на стуле, и в сумраке комнаты с единственной горящей декоративной лампочкой-светильником его черты заострились, а взгляд стал жёстким и холодным.

Сын улыбнулся – да, именно таким отца знали и боялись на учёных советах, защитах диссертаций и дипломов. Хотя со временем он помягчел, подобрел, и это тут же сказалось. На кухню вернулась мать, выносившая мусор, упёрлась на него корящим взглядом, тот затряс понимающе головой и сказал:

– Хотя бы пару идей, ты ведь человек умный, общаешься с такими же, читаешь, думаешь. Куда идтить, с чего начать?

– Я к этому, собственно, и вёл, профессор. – Он продолжал тихо улыбаться. Он любил своего запальчивого отца, а уж смутить себя прямым вопросом давно никому не позволял. У него была хорошая школа. – Наша компания, – продолжал он, напустив на себя масонской загадочности, – совместно с лабораторией Энхауза разработала программу перемагничивания генома человека, исходя из заданных параметров, и его корректировки по методу Брыля.

– Чего?!

– Вот смотри. Всё помещается в портативном устройстве. Он вынул из внутреннего кармана коробочку и извлёк из неё цилиндр хрустального вида с металлическим орнаментом, поставил на стол и нажал кнопку на крышке. Верхнее металлическое кольцо съехало чуть вниз, колба испустила серию ярких вспышек с загадочным электронным свистом, и вся комната озарилась переливчатым светом, по стенам и мебели побежали цветные звёздочки-огоньки. Кто-то громко бздякнул пустой чашкой о блюде. Профессор устался на сына, как на умалишённого, тот в ответ рассмеялся.

– Шучу! Шучу! Сам на это попался. Ты извини. – Он продолжал смеяться. – Просто ты так начал на меня наседать. Кстати, это сувенир. «Лампа счастья» называется. Смотреть каждый день по две минуты. Программирует нейроны головного мозга на счастье. – Он выключил устройство, положил

в коробку и пододвинул к отцу. – Заряжается от mini-USB.

– Ага, я понял. Спасибо. Знаю кому показать. – Он тоже заулыбался. – Есть тут один специалист по НАТОвскому климатическому оружию и зомбопрограммам.

Он посмотрел на жену, та тоже понимающе кивнула. На минуту все замолчали и сидели, улыбаясь, думая о своём. Видно, лампа всё же сработала...

– Ну а если серьёзно, – сын подался вперёд и облокотился на стол, – у меня есть некая концепция, с чего начать. – Он возвращал аудиторию к прежнему разговору.

– С осознания и принятия нашего азиатского мировоззрения и мироустройства. – Старик явно находился в улучшенном настроении и вертел в руке сувенир. Эффект от лампы, видимо, ещё не прошёл.

– Это само собой. Первое – это понять и правильно сформулировать, то есть определиться, что такое государство. Я как-то поискал определения в интернете. В общем, все сходятся на том, что это организация политической власти и администрирования, обладающая аппаратом и механизмами принуждения общества, бла-бла-бла, с целью его управления, обеспечения функций, бла-бла-бла, отделённое от общественной жизни, бла-бла-бла, определяемое территорией и населением и прочее. То есть это абстрактное устройство, механизм с механизмами, где человек и общество отстранены и являются объектами воздействия, включая принуждение, для их же блага, с указанием во многих определениях,

что конечным бенефициаром (простите, выгодоприобретателем) или заказчиком является власть – власть политической партии или господствующего класса. Добавляющие последнее, видимо, пытаются выглядеть честными и пронзительными.

Чтобы было проще, я проведу аналогию с фирмой или компанией. Конечно, открытой акционерной, как соответствующей идеологии демократической концепции. О единоличном владении говорить не будем, официальные королевства в наше рассмотрение не входят. Так вот, берём АО со своим аппаратом, структурой, средствами и способами производства. Реальная стоимость определяется по балансу, рыночная – котировкой акций и деривативов или умением представить себя с хорошей стороны. В укрупняющейся компании рабочий персонал всё больше подбирается по клеткам штатной структуры, а не по индивидуальным достоинствам и характеристикам. Управляющий персонал – в силу развития внутренней бюрократии и интриг, по принципу удобства и безопасности действующих членов. Выше стоит правление, совет директоров, независимые директора и собрание акционеров, которое понимает и видит только то, что ему дают понимать. Растём, укрупняем, офисы-пентхаусы, лимузины – и организация пожирает себя. Займ за займом, кредитом на кредит – и точка – санация с временным управляющим. Расплачивается в итоге на государственном уровне...

– Народ, то есть твои акционеры.

– Правильно. А в случае общественно значимых компаний и банков – народ через механизм господдержки. Руководство на золотых парашютах планирует прочь. По закону компания отвечает только своим капиталом.

– И?

– Я изучал разные компании. Есть, конечно, и другой подход, который мы реализовали в своей фирме. В нашей сфере IT-технологий каждый специалист уникален, каждый тщательно подбирается, и нередко рабочее место создаётся непосредственно под человека. Как часть контракта, у него есть право покупки акций компании по льготной цене. Это такой бонус. Хорошо работаем – акции растут, работники получают больше прав на покупку акций, ведь их тут же можно продавать с прибылью. Но все держат их на руках, наблюдая ежемесячно за их ростом, и снова покупают. А деньги возвращаются в оборот компании. Это, конечно, упрощённо. У всех подогревается общий интерес работать лучше, радоваться за успехи коллег, предупреждать об ошибках и пр. В общем, микрохозяева. Среди недели – совещания по апдейту фирмы, рассматриваются все, даже несуразные предложения по оптимизации и развитию. Система приобщения персонала к управлению компании. Директора по направлениям, как охотники за головами, рыщут в поиске достойных программистов – это товар штучный, некоторых отслеживают с колледжа. Наш капитал – интеллект и отдача. Есть даже

система, порядок трансферта между отделами, чтоб просто так не переманивали.

– А кадровик? Есть у вас? Он вообще тогда нужен?

– Есть, но это вообще отдельная история. Он обеспечивает всё, что не относится к работе. Билеты на самолёты, на матчи и шоу, гостиницы. Подарки жёнам и детям, техосмотры и ремонты машин. Организация дней рождения, именин. Встречи и проводы делегаций, корпоративы. Всё про всех знает. Разработал приложение и заставил всех заполнить со всеми личными данными, включая родственников. Мы его зовём Спрутелло, мега-активный итальянец. И при этом полная программа допобучения и профподдержки тоже за ним. У нас такое мини-государство со своим флагом и кодексом поведения. Бухгалтерия на аутсорсинге, но есть спец, который за ними следит и даже аудиторам клизмы вставляет. По его требованию мы две топовые компании сменили из-за несоответствия цены качеству – тот самый случай жирных котлов с надутыми щеками. Он же консультирует персонал по налогам, страховым схемам, помогает заполнять бумаги. Есть контрольная группа, следящая за всеми работниками и управленцами, из своих же работающих специалистов, и есть третейский суд.

– Понятно, понятно. Мечта компьютерщика, чтобы ему чипсов подсыпали и зад подтирали. – Мама видела всё по-своему. – А жён в рестораны или детей на праздники и в школу тоже помощники водят?

– Я просто хочу сказать, что мы рассматриваем человека, специалиста, как основную ресурсную единицу, обеспечивая ему фон и поддержку для максимальной производительности, – игнорируя колкости, продолжал сын. – И это окупается, это оправдано. Вот, к примеру, произошёл случай.

Из-за внезапного банкротства нашего крупнейшего заказчика мы попали в финансовую дыру. Мы собрались все вместе, ситуация была угрожающей. Банки в то время ввели ужесточение кредитной политики, а мы, вместе с другими контрагентами нашего заказчика, автоматом попали в лист ненадёжных. Надо было найти нестандартный выход или закрыться. И тогда, вместо того чтобы выставить требования по зарплате и экстренно скидывать обесценивающиеся акции, все работники решили скинуться, включая тех, кто работал на удалённом доступе. Люди сами спасли свою фирму, без посторонней помощи. Аналогию со страной сами можете провести. Всё оформили продажей опционов на акции нашей компании на старых условиях. А через две недели мы подписали контракт с другой корпорацией и за месяц доработали продукт под неё. Получили деньги и аванс под следующий этап. Акции ещё подросли, и все получили только выгоду от этого кризиса.

Так и государство должно рассматриваться не как машина, пережёвывающая людей и ресурсы, а как общность людей со взаимными интересами, объединённых общей культурой, историей и чёткими правилами проживания. Человек,

а не недра, должен быть основным ресурсом. В него надо вкладываться, растить как личность и профессионала, основу правопорядка и национальной культуры. В современной цивилизации стоимость традиционных ресурсов убывает, их заменяют новые высокотехнологичные материалы и процессы. Именно знания, технологии составляют основу капитала государства, так же как и основу его оборонной мощи. Ваша нефть – лишь игрушка в руках нескольких монстров, она может упасть в разы, оставив без порток в первую очередь народонаселение. А государство, которое первое добьётся результатов в разработке холодного термоядерного синтеза или в вакуумной энергетике, получит надолго доминирующее положение в мире. И создавать этот капитал, управлять им смогут только подготовленные, обученные и развитые специалисты. А чтобы не потерять их, они должны ощущать себя государством, быть его сутью и принципалом.

Он замолчал, обдумывая, как сформулировать свою мысль, чтобы лучше донести и не пойти по второму кругу. Отец же сидел, упёршись лбом в ладонь, смотрел в пустое блюдце, и не было понятно вообще, участвует ли он в разговоре. Возникшей паузой воспользовалась мать:

– Сынок, если ты позволишь, я долго слушала... Нельзя так уж упрощать истоки действительно раблепного поведения нашего народа. – Она возвращалась к середине разговора. – Нет в нашей крови ничего ордынского, как хотелось бы некоторым. Это показали исследования генетиков. Во вся-

ком случае, не более, чем количество, объяснимое пограничным смешиванием. И по духу мы – не они, это всё разговоры в пользу обиженных. Словечко это – «сатрапия» – ты взял из персидской истории, где Кир выстраивал государство по тем же принципам, что и Чингисхан, задолго до появления последнего. Так что подобное развитие событий носит скорее системный исторический характер, а не случайный и исключительный, «жертвами» которого мы стали. В Средние века победила та модель государства, которая доказала свою эффективность, и если бы Московское царство не прошло столь болезненную и жёсткую централизацию, вряд ли бы оно устояло от нашествий других государств, и в первую очередь западных. Те тоже проходили через такие же процессы: и централизация, и затяжные опустошающие войны. Иногда в исторических процессах достаточно одной дополнительной детали, чтобы полностью поменять картину. Такой, как сильный военный или религиозный лидер. В нашем случае это и православие, и огромные расстояния, на которых плотность информационного обмена и контроля резко падает. А это почти всегда приводит к самодурству, лени и непредсказуемому, затаённом ожиданию реакции сверху. И скидывал наш народ царя, и заплатил огромной кровью за право жить без него, но только выстроить что-то принципиально новое не смог. Не хватило знаний, да и сейчас тоже не хватает. И не забудь про десятки миллионов убитых и репрессированных в ещё совсем недавней истории. Для лю-

бой страны и нации, какой бы передовой она ни была, это тяжелейшее шоковое поражение, приводящее к духовному параличу. Что до твоей концепции развития государства как набора развивающихся свободных личностей, то это звучит, конечно, красиво. Вот только личность, развивающаяся без жёстких рамок и надлежащего контроля, почти всегда будет направлена в сторону распушенности. Борьба между внутренним желанием и внешним ограничением создаёт почву для творчества...

– Ма, тебя уносит совсем в сторону.

– А ты не перебивай, я лишь хотела напомнить тебе кое-что, те же уроки Древней Греции и как закончился золотой век государства свободных граждан. Мы слишком плохо знаем, понимаем и ощущаем процессы, лежащие в основе построения сложной и многовариантной системы, называемой государством. И чтобы убедиться в этом, достаточно включить телевизор и увидеть весь этот бардак, творящийся сегодня повсеместно, повсеместно. Конечно, государство строится на людях, которые, – она опять по-актёрски подняла указательный палец, – есть союз противоречивых стихий, мечущийся огонёк под воздействием борющихся ветров. И если проявлять излишнее внимание к человеку, то надо изучать и стихии, которые воздействуют на него и порождением которых, собственно, он и является. А это заведёт нас опять в теософию, философию и метафизику. И упрощёнка твоей фирмы как модель на больших размерах и процессах просто

развалится.

– Меня отец просил лишь привести концепцию, пример. По-твоему, получается...

– Мать! Правда, уже шарики за ролики заезжают, – внешне и резко вмешался в разговор отец, устало посмотрев на спорящих. – Я просил – он привёл. Как физик, могу сказать одно: качественное изменение частей системы приводит к многократно качественному изменению самой системы, к возникновению внутри неё принципиально новых связей и взаимодействий. И тут он прав, правильное государство – это общество, построенное на принципах, содействующих многоплановому развитию именно человека как личности. А ты права в том, что хорошо бы знать, куда идти, прежде чем рисовать, как идти, и что человек бесконечен в познании, так как развивается вместе со знаниями о нём. Но вся наша история, история развития, включая науку – это просто движение вперёд без осознания конечной цели. Это наш путь. И... Не, вот и меня чего-то понесло. Я уже устал, надо идти спать, завтра опять на работу. Последнее, что хочу сказать: чтобы переменить вектор развития страны, нужна не только чёткая концепция построения оной и «предпосылки», но и простой жизненный механизм перехода. А откуда это всё возьмётся, кто это будет делать, я совершенно не вижу, и никто не видит. Ситуация патовая. Баю-баиньки, – помахал он рукой присутствующим, а может и всей стране.

Отец тяжело встал из-за стола, то ли от мыслей, то ли от

усталости. Сын стал собирать посуду и попросил оставить хлопоты на него, чтобы ещё немного подумать и успокоиться перед сном. И моя посуда на маленькой кухне, он думал, как странно, что земля русская полна умными людьми, но их мнения никто не спрашивает, ибо они переполнены сомнениями. Предпочтение же отдаётся людям решительным, которые оперируют, в основном, своим мнением и интересами и не заморачиваются по всяким пустякам... И как вообще порочна эта система, и как прав отец, что выхода не видно, и как, должно быть, ужасно неприятно ему осознавать это.

Однако всё не так и плохо, ведь люди могут создавать то, что раньше казалось невозможным. Вот покатится камешек с горы, и случится то, что должно случиться. И тот, кто нам мешает...

Глава 2. Кассандр

Как-то давно, сидя рядом с караванным верблюдом на песке с закопанными в нём ящиками оружия и провожая взглядом самолёты «дружественной авиации», один бывалый спец-контрразведчик задумался, что за странный позывной «Кассандра» ему дали и почему он так потом за ним и закрепился. Кирпич энциклопедии, заменявшей тогда интернет, поведал ему историю несчастной провидицы и вестницы бедствий. Сходство было очевидным, не внешнее, конечно. Подобно ей, он многое видел наперёд, ему это было очевидно, но его никто не слушал, не воспринимая ни фак-

ты, ни логику, ни доскональный прогноз событий. Сколько жертв, катастроф и просто несчастных случаев можно было бы избежать, если бы высокое, напыщенное начальство внемлило разумным доводам профессионала. Как всё вообще могло бы выглядеть по-другому. Но взамен он слышал. «Этот ваш опять накаркал, чёрт». Злоба и раздражение.

Он был человеком аналитического ума, специалистом высшей пробы, свободно владел арабским и тремя европейскими языками. Второй факультет Высшей школы госбезопасности. Его умение предвидеть стороннему человеку могло показаться действительно экстраординарным. Возможно, и вправду здесь не обошлось без каких-то специальных способностей. Его уважали как коллеги, так и НАТОвские спецы – какую-то часть жизни он проработал открыто в представительстве. Даже спустя десятилетия он получал приглашения посещать с визитом сёмьи «коллег» в Норвегии, Германии и Франции. Кто мог преломить барьер его тяжёлого взгляда и высокого ценза, тот впадал в крайнее к нему расположение, в основном из-за незаурядных человеческих качеств.

Не менее интересной его частью была жена – постоянный спутник и помощник в работе, награждённая именным оружием и заслуживающая отдельного рассказа, что, к сожалению, выходит за рамки нашего повествования. Но чтобы не сложилась превратная картина, надо добавить не менее важную его сторону – он был боевиком: мощным, решительным,

быстрым, командным, надёжным, находчивым и весьма везучим. Везуч он был и в шпионаже, за что в своё время получил правительственную награду. Он, как и его товарищи, служил своей стране и своему народу, но не режиму. Поэтому когда им в девяносто третьем приказали стрелять в народных избранников, защищавших Белый дом, они сделали свой выбор и вывели сдававшихся людей из здания, закрывая собой. За это их и расформировали.

Понимая, что теперь надо не спеша осмотреться и хорошо всё обдумать, наш спец решил воспользоваться отставкой, чтобы исполнить свою мечту – уехать пожить в маленький домик на Волге, топить печку, рыбачить на лодке. Грибы, ягоды и парное молоко. Поначалу так и было, но вскоре стали приезжать знакомые – время было лихое, и его навыки были крайне востребованы. Кому поднять бизнес, кому защитить семью, кому вернуть служебные деньги и многое, многое прочее. А ему тоже нужны были деньги – скудные запасы быстро истощились.

Брался далеко не за всё, но сидеть и киснуть в глуши его не привлекало. Он часто выезжал за рубеж, вывозил и, наоборот, возвращал целые состояния. Бывало, возглавлял оборону, но главное – выстраивал переговоры и цепочки людей. Но и это не входило ни в какое сравнение с его предыдущей работой. «Я словно трактор, к которому прицепили столовую вилку», – жаловался он жене. Но к большому бизнесу он не приклеился, ему совсем не импонировали правила, по

которым тот развивался в стране. Поэтому он раз за разом возвращался назад в избу на берегу, но не только для того, чтобы сидеть в кресле у печки и читать любимые книги.

Все деньги, получаемые от дел, он вкладывал в развитие собственного рыбного хозяйства. О том, что все сторонние дела рано или поздно закончатся, Кассандр знал наперёд и искал надёжный, стабильный источник дохода. Сначала внешне всё выглядело странно и неприятно. Его обворовывали во время отъездов, обворовывали и в пребывание, спуская дамбу ночью при участии его же охраны из местных. Но он освоил правила игры, заведя все необходимые связи и уникальную охранную организацию из привезённых бойцов. Скоро укрепил свои позиции территориально и экономически, и каждый год количество рыбных резервуаров прибавлялось.

Их структура выглядела странной – так, к примеру, один из прудов был выкопан вообще на вершине холма. Но всё имело свою суть и назначение. Тот верхний пруд был назван «барской купальней», ибо был выложен морёным дубом, имел великолепный вид на излучину реки, а вода в него подавалась через фильтры и далее ниспадала каскадом и водопадами в лежащие ниже резервуары. Там же стояли простенькая баня и летняя кухня, и все гости оставались очень довольны, а воду в купальне принимали за минерально-лечебную. Но на этом все изыски и заканчивались, вся остальная территория выглядела дикой, за исключением кругом

накопанных прудов и прудиков.

Как-то, спустя годы, во второй половине августа к нему приехал старый товарищ, а ныне руководитель его ветеранской организации, но не один, а с высоким действующим чином из их линейки. Тому уже давно обещана была уникальная рыбалка у «проверенного кадра». Лето переменялось на осень, и рыбалка во всех видах удалась. Мужики заболтались, сидя в подстывшей воде купальни, и, когда поняли, что пора вылезать, были уже сильно посиневшими от холода. Чтобы не простыть, решили употребить настойки на травах, обильно украшавшие стеллажи на кухне. Хозяин открывал банку за банкой, но гости бранились, говоря, что все они выдохлись, градуса нет, хотя в реальности все настойки, как и гости, были далеко за сорок. Так уж бывает с сильно подмёрзшими людьми. Когда дело дошло до самогона на берёзовых углях, все оттаяли. На столе уже появилась горячая картошка с грибами, соленья, ну а про рыбу во всех её видах и икру и говорить не приходится.

Когда утром солнце взошло над рекой, почётный гость уже был на ногах. В каком бы виде и где бы он ни просыпался, он всегда отправлялся на пробежку. Его сердце было как мощный мотор и с лёгкостью гоняло по широченным артериям кровь, в какой бы пропорции она ни была перемешана с алкоголем. Он не успел ещё далеко отбежать от дома, когда случился конфуз. Желудок не выдержал вчерашних деликатесов и возлияний и разразился жуткой резью и

расстройством. Генерал прямо-таки отпрыгнул в кусты и попытался снять штаны, но плохо завязанный бантик верёвки превратился в подлый узел. Он рванул верёвку со всей дури, речь-то уже шла о секундах. Есть в жизни моменты, когда жуткое недомогание превращается в удивительное облегчение... «Если бы ещё не эти чёртовы комары да муравьи», – подумал генерал, но тут вдруг случилось нечто.

На том самом месте, где он резко свернул с дороги, остановился мотоцикл и, судя по виду, хорошо знакомому по фильмам про войну, это была немецкая военная мотоколяска. А уж военный человек даже сквозь кусты без проблем мог узнать закреплённый немецкий пулемёт МГ-42. И в довершение один из мужчин, встав с мотоцикла и посмотрев в бинокль, стал что-то быстро говорить напарнику на немецком. Картину дополняли маскировочная форма и каски соответствующего профиля. Они явно искали именно его.

Как только мотоциклисты удалились, генерал на полусогнутых кустах рванул к дому. Его голова и так после вчерашнего работала процентов на десять от номинала, а тут вообще все мысли перепутались. Надо было срочно предупредить товарищей, достать оружие и телефон! Хозяин с шефом-ветераном мгновенно вскочили от крика, как по тревоге, и стали быстро одеваться, пытаясь спросонья мутным сознанием понять крики генерала. За дверью послышался скрип тормозов мотоцикла, все переглянулись, и тут хата взорвалась! От хохота. Эти двое мерзавцев начали смеять-

ся во всю мочь, сползая на пол, а посреди комнаты стоял взъерошенный большой начальник и круглыми недобрыми глазами смотрел на происходящее. В правой руке он держал именную пистолет, левой поддерживал спадающие спортивные штаны с разорванной верёвкой.

Через пять минут хозяин разливал из запасённой банки настойку на цитрусовых корках и, вытирая рукавом всё ещё наворачивавшиеся от смеха слёзы, начал рассказывать. Немцы эти таковыми и являлись в действительности. После провала и измены охраны из местных пришлось искать действенную альтернативу. На эту работу удалось подписать волжских немцев, людей организованных, работающих и живущих устоями, вполне подходящими для этой задачи. Но в самом деле, не из столицы же вести ЧОП. У них уже были документы на свою охранную фирму. Маскхалаты и прочее закупили в военторге. Мотоциклы у них были свои, старенькие «Уралы», полностью некогда переданные с немецких. А пулемёт нашли при раскопках пруда, полностью ржавый, покрасили чёрной краской и в качестве бутафории закрепили на коляске. Так, для острастки. Работали они на пятёрочку, и вскоре прибыла вторая партия, но уже разнорабочих, трудились вахтенным методом, только платить приходилось им по столичным меркам, иначе бы не поехали.

Днём охранники остались на периметре, чтобы не мозолить глаза приехавшим и не портить картину, но с ночи до утра обязаны были дежурить внутри.

– Да, я ещё вчера заметил у тебя наблюдательные точки и фортификационные элементы, это помимо колючки и прочей фигни, – оправдывался гость. – А оказывается, ещё и посты с мобильными патрулями! – Он криво улыбнулся. – На кой ляд такой плацдарм? Это те не Голанские высоты!

И тут хозяин пустился в долгий и эмоциональный рассказ о бедах его хозяйственной жизни. Чем дальше, тем больше он распался, рассказывая о крайне непростых и многослойных отношениях с администрацией и их «близкими», с местным населением и приезжими гастролёрами. В его речи стали уже звучать такие слова, как «террор», «зачистки», «минные заграждения», а когда он дошёл до аннулирования правовых документов, вид у него стал весьма злобный и опасный. В этот момент гость подумал, что надо бы вытаскивать этого спеца отсюда, прежде чем над Гадюкино воссияет звезда Новой Палестины и, не дай бог, придётся вводить режим КТО в средней полосе. Мужик-то был толковый и из системы, мог бы ещё пригодиться на правильной пашне.

– Повторю свой вопрос, – сказал генерал. – На кой ляд тебе это всё сдалось? Продай, как предложили, и возвращайся в строй, уж место тебе нормальное найдём, отобьёшь всё со временем назад.

– Я не в запасе, а в отставке, куда ты меня всунуть хочешь? В ВОХР?

– В действующий резерв, есть теперь такая форма. Двойное подчинение. Найдём достойную должность в банке или

солидной компании. . .

– Да не, на этих я насмотрелся уже. – Кончиком ножа он вырезал на солёном огурце какой-то народный узор. – Мне б в науку, к космосу поближе.

– Зачем? Там не прокормишься.

– А мне, скажем, корм не нужен, я рыбы да балыка насолил до конца жизни, более чем достаточно.

– В чём тогда цимус?

Хозяин поводил снова какое-то время взглядом по столу и брякнул:

– В тарелках. Я так полагаю, что у нас, как и у американцев, должны быть ангары с летающими тарелками. И кто, как не физики. . .

– Есть подходящее место, – резанул гость. – В Ганушках! Тарелок не обещаю, но пара «пилотов» легко сыщутся. – Шутка как-то не отдавала теплотой юмора. – Хорош папе нос крутить, говори, зачем они тебе.

– Лан. Я знаю о резерве и знаю, приблизительно, кого и куда распихали по-крупному, да и остальное тоже понятно. Приличные места все разобраны, если только кто-то где-то обделался. Наука же вне оборонки вряд ли кого интересуется, они нищebroды, две трети уже поубегали. Но думаю, скоро деньги и туда начнут закидывать. А там омут глубокий, годами можно вкладывать, а эффекта и не увидеть. Понимаешь, о чём я? Да, и по делу. – И тут блуждание его глаз прекратилось, взгляд стал монолитным. – Если нефть не начнём в

науку перековывать, то лет через тридцать ляжем. А с моими навыками я там буду аккурат на месте, поболее, чем другие.

– Хм, слова мужа. – Гость сидел, обдумывая. – Пожалуй. Что ж, считай, договорились. Будешь там осетров разводить, – двусмысленно добавил он.

Через две недели приказ был оформлен, и начался путь Кассандра в Конфитюры. Хозяйство своё он продавать не стал, а передал полностью местному колхозу, сказав председателю странную фразу: «Это ваша доля». Там вскоре началась настоящая вакханалия: мужики ходили с бреднями, кидали борную кислоту, но улова особенного не было. Поэтому по осени кто-то прокопал ковшом дамбу и спустил воду, естественно ради рыбы. К чести местного народонаселения, нашлась пара совестливых и хозяйственных мужиков, которые попросили у председателя бульдозер и кусок трубы и восстановили, как смогли, дамбу под весенний паводок.

Хозяйский дом к весне разграбили, металлическую дверь вырвали трактором вместе с куском стены, всё унесли, крышу разобрали и даже доски из пола повыпиливали.

В апреле основной пруд наполнился до краёв, но вода нашла лазейку под новой переливной трубой, и дамбу размыло полностью, даже ниже прежнего основания, образовав глубокий овраг, куда и упала труба. На дне его как-то мальчишки нашли старую зелёную медную монетку, повертели в руках да и швырнули в кусты. А напрасно, ведь это и были остатки той самой «солёной рыбы», которой, по словам хо-

зяина, он запасся впрок. Одна такая монета уходила на аукционе от ста до четырёхсот долларов. Наш герой знал, чем занимался. Рыба была прикрытием и отличной маскировкой раскопок.

Первую партию монет и украшений, найденную в захоронении на вершине того самого холма, он отправил в музей на экспертизу. Не получив ответа, поехал разбираться. И тогда ему открылась потрясающая картина хищений из музеев страны, сотни тысяч редчайших музейных экспонатов были вывезены за границу. Вывозили полотна, книги, а уж о монетах, не слишком любимых музеями и державшихся в запасниках, и говорить не приходилось. Поэтому, поразмыслив, он принял решение поделиться с государством «по совести»: ценные находки оставил себе, их сбыт организовывал один сильно обязанный ювелир – таким манером наш спец обеспечил себе нормальное пенсионное накопление вместо государства, которое должно бы было это сделать. А последнее получило недешёвый рыбоводческий комплекс, выстроенный, надо сказать, на ранее заработанные деньги, плюс краеведческий музей получил ящик, в который бережно было уложено наследие времён, не имеющее выраженной материальной стоимости. А люди получили удочку, которой могли бы ловить рыбу, но быстро поменяли её обратно на несколько рыбин.

По истечении работ Кассандр заскучал, время поменялось, и его более не звали на выполнение разного рода пи-

кантных задач. Поэтому он решил вернуться назад в столицу к какой-нибудь более-менее интересной работе. Они со старым товарищем придумали сценарий возвращения посредством приезда высокого гостя, что и было блестяще исполнено.

Трудно и долго объяснять, что за действующий резерв и по каким правилам он работал. Достаточно, думаю, сказать, что Кассандр стал прикомандированным сотрудником безопасности, курирующим несколько научных организаций и НИИ. Его мало кто знал, под ним было несколько непосредственно прикрепленных к организациям офицеров. А обязанности его распространялись от антитеррора и антишпионажа до несанкционированного использования обветшавших методичек ДСП в туалетах организаций. Естественно, «экономическая безопасность» и неформальные стороны жизни сотрудников были его центральным приоритетом. Это придавало какой-то интерес работе, но всё равно окружающая действительность сильно угнетала его, чем дальше, тем больше. И заданный некогда вопрос «Зачем тебе это?» всё настойчивее требовал честного ответа. А его не было. Кассандр обладал не то чтобы интуицией, а каким-то комплексом тонких предчувствий, с которыми он давно наладил уважительные отношения. И эта его особенность заставляла совершать движения по сходящейся спирали вокруг его поляны, словно утягивая пружину внутри.

И вот, он уже сидит скрученный за столом посреди новой

квартиры в доме «паствы» его. Засунув локоть правой руки под левую подмышку и оперевшись плечом в край стола, читает придурковатое письмо, присланное ему спецкурьером с короткой сопроводителькой и личной просьбой сверху. И начиналось оно со слов: «Мон шер...» Он имел давний интерес к автору письма, и жил-то он теперь прямо рядом, можно было за солью зайти. Но дело требовало официоза и подготовки (так говорил ему здравый смысл) и должно было пройти ровно и без эксцессов. А вот компас предчувствий лихорадило, стрелка быстро вращалась то влево к ребячьей радости, то вправо к опасности. И это интриговало, наполняло грядущий день неуловимым смыслом.

А получилось всё шиворот-навыворот. Какой кометой туда принесло эту бабу? Весь чётко выстроенный день пришлось перекраивать с утра. Пошёл снег, и город начал резко замедляться. Несмотря на образовавшийся цейтнот, он успел переделать все дела, оставались только звездочёт и встреча в «Марриотте». Физик внимал словам как положено, но вот ввязываться в чреватые дебаты с ретро-хоррором, внезапно появившимся вместе с директором заведения, не планировал. Когда-то в академических и должностных кругах её называли Шахерезадой за долгие и уносящие напрочь голову речи. Остальные же звали её Немезидой, и астрофизики раскрывали другой, свой смысл этого имени – труднообнаружимая звезда, приводящая своим появлением к пагубным эксцессам. Эта зараза путала все мысли нашего ге-

роя, ведущего машину в центр города. Может, она и вправду ведьма, как утверждали некоторые? Она занимала всё больше пространства в его мыслях.

В какой-то момент наш герой включил дворники на повышенную скорость, пытаясь вместе со снегом смести её образ с лобового стекла. Но та, словно картинка-голограмма, просто сменила позу, сверкнув зелёным платьем. С таким он ещё не сталкивался, было похоже на наведённую галлюцинацию. Неужели ей хватило даже нескольких секунд, чтобы вонзить свою ядовитую колючку? Он уже опаздывал, но ему позвонили, встреча откладывалась, стоял весь город. Хорошо, наверное, относиться к тем, кто может развернуться через две сплошные, но не в данной ситуации. Патрон просто коряво переставил машину из пробки, стоявшей в одну сторону, в пробку, стоящую в другую сторону – сторону дома.

Приехав запоздно к себе на квартиру, он уже знал, чем вытравить это бельмо с глаз, и применил излюбленное средство всех мужчин, желающих хотя бы ненадолго избавиться от навязчивой женщины в голове. Осилив слегка початую бутылку односолодового виски, Конфитюр перебрался в свою комнату и уселся в глубокое, редко используемое кресло напротив зеркала. Усталость уселась к нему на колени и, обняв, всей своей массой придавила его к спинке кресла. Тяжело и медленно дыша, он смотрел в зеркало, туда, где рядом с его отображением как бы сидела и она, недовольным, ждущим взглядом уставившись на него. «Да чёрт с тобой, хочешь по-

говорить, давай поговорим!» – подумал он. Она недовольно отвернула голову и уставилась на его отражение в зеркале, как если бы они сидели на одной скамейке.

«А интересно, – снова подумал он. – Должно быть, в молодости она была весьма привлекательной женщиной». Словно услышав, её образ стал меняться: черты лица расправились и посвежели, змеиное платье плавно облегло обольстительную фигуру. «Да, если б я встретил такую женщину в молодости...» Его собственный образ на скамейке засветился юными чертами, заулыбался крепкими белыми зубами красавице напротив, и та кокетливо хлопнула длинными ресницами...

– Ну наконец-то, – послышался знакомый голос. Из тени дерева напротив скамейки поднялся человек высокого роста с рыжей бородой. – Мы уж и не знали, чем тебя ещё сюда завлечь. – Раздвигая длинные, ниспадающие листья дерева, сплошь осыпанного бусинами ягод от белого до клюквенно-бордового цвета и источающих вокруг смолянисто-фруктовый запах, он подошёл к Кассандру. В том словно бы взорвался сноп эмоций, он непомерно счастлив был видеть этого, вроде незнакомого человека. Словно потерянного брата, словно старого боевого друга, Кассандр крепко обнял его и не отпускал какое-то время. Но всему свой предел. Им надо было слишком о многом поговорить...

– Когда все ушли в Великий Час, мы с тобой среди немногих неразумных и упёртых остались здесь, среди дайутов.

Строили вечные города, и восстанавливали их снова и снова, и хоронили их, и уходили. Учили дайутов высокому и достойному, но и сами учились. Теперь, мой друг, я остался здесь, а ты – почти последний из нас...

– И, видимо, не самый умный...

– Нет-нет, ты сам знаешь: чем сложнее организм, тем дольше он развивается. Это как раз твой случай. Теперь ты должен освоить новые принципы, а я буду сопровождать тебя тенью.

Кассандр внимал ему, скорость его мышления возрастала, к нему словно возвращалась память об этом человеке и его истории, он стал понимать собеседника быстро и, в общем-то, без слов. Но всё же их сидело на лавке трое, и он не мог не спросить:

– А что за Немезида, кто она?

– Немезида?! В прошлый раз ты называл её Цирцеей. – Тот рассмеялся. – И пытался даже вначале ущипнуть! Но не суть...

Кассандр почувствовал затылком, что взгляд женщины поменялся на холодный, и повторил свой вопрос:

– Кто она?

– Она из пурайс. – И ветер словно усилил эти слова. – Они были ещё до нас. Она присматривает за дайутами по-своему.

– А я думал, до нас были только насекомые, – не совсем удачно пошутил он и повернулся к даме, желая раскрыть свою мысль про бабочек и цветы. Но в тот же миг увидел

на её месте гигантского богомола, хищно разинувшего желваки. Инстинктивно тот отдёргнулся и взвился винтом вверх над деревом. Друг его с трудом догнал и, схватив за ногу, силой опустил летуна вниз на скамейку.

– Атайа, прошу Вас, он же почти вылетел...

Она весело зазвенела хохотом, вернувшись в свой нормальный облик.

– Это её пространство – пространство создаваемых и принимаемых ей образов, – пояснил друг. – Мы здесь у неё в гостях, и по-другому нам никак не встретиться. И то, что говорю я, воспринимается тобой только через неё. Это сложно, но по-другому никак. Поэтому не отвлекайся и не отвлекай её, у нас мало времени.

Он сел на корточки и стал что-то рисовать палочкой на земле. Но Кассандру этого не требовалось – все рисунки он видел в цвете и деталях прямо у себя в голове, точно так же, как воспринимал слова сразу связками и образами. Иногда даже казалось, что с ним разговаривают сразу двое, и образы накладывались друг на друга и перемешивались. И с каждым словом он чувствовал, будто с ним делятся добром, песчинка за песчинкой, капля за каплей. Непередаваемое чувство тепла и единения, единения всех троих. А поток всё возрастал, слова и картинки ускорялись, а время заканчивалось и пережимало горловину потока.

В какой-то момент ниточка истончилась и прервалась. Слов прощания не было. Он открыл глаза и, ещё секунду на-

зад воспринимая тонны информации, теперь не мог понять и ответить на простой вопрос: кто он и где? Когда пришло осознание, он скрутился калачом в кресле, всеми силами души желая вернуться назад – туда, где было хорошо, светло, и он уже снова начал было проваливаться в сон. Но годами взращённый стержень дисциплины разрезал пелену сна – если не встать и не записать мысли сейчас, то, что сейчас кажется понятным и очевидным, утром полностью исчезнет, забудется. Так было не раз, и эта встреча не была единственной.

Он резко крутанулся, сбросив себя на пол с кресла. Удар был несильным, но достаточным, чтобы очнуться. Была половина третьего, сон продлился без малого два часа. Осторожно, чтобы не расплескать мысли, он сел за стол и включил зелёную лампу. Белые в синюю клеточку листы легли на стол. Писал коротко, тезисами. О своём новом долге, о первом этапе в триста дней, о прощении и сотрудничестве и многом другом. Не забыл нарисовать запавший в память чертёж, благо память была фотографической. Посчитав, что он накидал достаточно тезисов, чтобы потом восстановить полную картину, Кассандр переместился в другой конец комнаты и обрушил тело на диван.

Пробуждение пришло ровно в пять утра. Времени на сон было не достаточно, но ничего не поделать – все последние годы он просыпался именно в это время, и причина того, как казалось, должна быть изложена на бумаге, лежащей на столе. Сначала он провёл процедуру утреннего туалета

и, лишь полностью приведя в себя в порядок, сел за письменный стол. В руке у него дымилась кружка традиционно нетрадиционного китайского чая с грибами линчжи и какими-то травами, обработанными по нанотехнологии. А от себя были по-доброму добавлены горный мёд, лимон и лечебный коньяк. Через пару минут этот напиток зажёл у него внутри свет, который вскоре дошёл и до головы, но, несмотря на сфокусировавшееся зрение, написанное на бумаге выглядело абракадаброй.

Беда в том, что тот он, который проснулся среди ночи, отличался от того, который смотрел сейчас на бумажку, как лесная красавица-осина отличается от бревна на стройке. Материал вроде тот же, а суть разная. Но наш герой никогда не сдавался – медленно концентрируясь, он возвращал себя в то ночное состояние. Постепенно стали слышны слова. Как шорохи, всплывали фразы и образы. Словно ключи, бумажные тезисы стали открывать кладовочки с информацией. Постепенно удалось восстановить часть утерянных данных, но то, что он вспомнил, вступило в резкое противоречие с его сознанием и здравым смыслом. Вспыхнули эмоции, и разгоревшийся внутренний спор полностью прекратил процесс воспоминания.

К сожалению, восстановить удалось только половину, и она уже была под яростным обстрелом его характера и устоявшихся убеждений. Внутри он понимал, что нужно время на переосмысление, что понимание придёт, ему надо просто

над этим дюже потрудиться. Так уже было, когда после подобных пробуждений, сам не свой, он перемалывал новые мысли и новые взгляды. «Да уж, ребята. Воистину не самого мудрого вы выбрали для этой задачи», – сказал он вслух, но процесс уже было не остановить.

Простите, уважаемые читатели, за мистику, но было бы неправильно не изложить эту сторону истории, выхолащивая её до рационального повествования. Наша жизнь – чуждая штука. Но если вам будет проще, считайте, что у этого героя с годами просто немного поехала крыша. У сложных людей, знаете, не без сумасшедшинки. Хотя, как покажут дальнейшие события, если это и было ночным бредом подвыпившего человека, то некоторые вещи странным образом нашли свой отклик в жизни других персонажей.

Весь следующий день он просидел в квартире, словно в берлоге. То, что предстояло сделать, ему не слишком нравилось, но это была его задача, а значит, он с ней справится. Ни много ни мало ему предстояло измениться самому, и этот процесс в нём уже был запущен. Второе – это запустить процесс изменения окружающих, и пути или ключи к этому должны были появиться по мере выполнения первого этапа. Третья часть задачи своей фантастичностью вообще выходит за рамки этого повествования. Но было и послабляющее обстоятельство – на всей этой работе никто не настаивал, каждый маленький предпринятый шаг был бы уже пусть небольшим, но всё же результатом. И он был не один – всё, что он

получал, как и всё, что он делает на своём пути, мгновенно передавалось другим, задействованным в этом. И как бы в благодарность и в поддержку, он был вправе получать вспоможение и от их маленьких шагов.

Целый месяц он переболел и перерождался – не так громко, как это звучит, но внутренняя работа была огромной, да и материалов он перелопатил немало. Понимание путей решения задачи ещё не выкристаллизовалось, но пора было переходить уже и к действиям. Первым стояло обеспечение безопасности тыла. Жена уже давно ждала разговора, она прекрасно понимала, что затевается какая-то новая компания типа кладоискательства, но на сей раз всё было гораздо сложнее. Между ними не было преград непонимания или недоверия, они были чётко притёртыми деталями одного целого, хотя всем казалось, что это совсем не так. Но то была постановка. Долго описывать её реакцию на его рассказ и объяснения, главное – то, что она всегда гордилась своим мужем, он был для неё всадником с гордо реющим стягом. Таким он был и сейчас, когда другие мучились подагрой и геморроем с одышкой. Он шёл туда, куда другие и заглянуть боялись. Следующим днём она выехала из страны, у неё был свой план работ. Необходимые коды, координаты и прочее каждый из них знал назубок, и они динамически менялись, но это уже специфика их бывшей работы.

Вечером следующего дня после отъезда жены он приехал на новую квартиру – ту, что в Доме учёных. Состояние Кас-

сандра всё ещё было чумное. Он чётко понимал, что поставленную задачу ему самому не решить, но вот что делать – было непонятно. Кого привлечь, если на эту тему и рта ему открыть нельзя было? Двор только очищали после очередного снегопада, и он шёл по узкой протоптанной тропинке между подъездами. Кое-как разминался со встречными прохожими, но один, особо мутный деятель, просто никуда не глядя влетел ему головой в грудь. И стукнуть бы ему по лысой крышке, но это оказался маленький юстировщик лазеров из соседнего подъезда. Конфитюр демонстративно издевательски извинился перед ним, но тот только простительно махнул рукой, не поняв сарказма, и побежал дальше...

Если бы ему хоть дали подсказку! Как всегда в столь затруднительные моменты, ему потребовалось выйти на середину пространства, и в данном случае это оказалась та самая дворовая площадка со скамейками и клумбой. Увидев, кто приближается, молодёжь поспрыгивала со скамеек и сугробами укатилась прочь. Не замечая этого, наш мыслитель сел верхом на лавку и упёрся подбородком в кулак. Если б дали хоть подсказку... Ну а вдруг уже дали, а он просто по тупости её не увидел? Может, уже неделю под нос тычут или вот – с разгона вколачивают в него, как этого юстировщика. Он внимательно перебрал все обстоятельства, рассматривая их как намёки, но ничего путного не было.

А впрочем, этот влетевший чумаход – вот кто он? Перед глазами всплыла его тоненькая папочка. Питерский ин-

женер, конструктор, лет двадцать как переехал в Москву. Специализируется на оптических резонаторах мощных лазерных генераторов. Обучаем, легко работает в команде. И что нам это даёт? Шестерни в голове медленно ворочались, со скрипом и прокрутами. Все размышления о политических баталиях, парламентских устоях, политических партиях, идеях нравственного государства – тяжеловесным мусором переваливались в голове уже давно, но произвести на свет что-то реально живое и самостоятельное не могли. Всё разбивалось о людскую природу – столь двуликую и переменчивую. Ещё Железный Феликс – отец террора, победитель контрреволюции, саботажа и беспризорности – на заре величайшего эксперимента под названием «Советское государство» просто спёкся, столкнувшись с этой самовоспроизводящейся громадой под названием «бюрократия» и «коррупция». Боролся, сражался, выступал, громил, обличал даже в свой последний день на Пленуме ЦК. Но эта махина оказалась ему не по зубам, сердце не выдержало, и после нервного срыва он скончался.

«Нет, тема дисциплины и жёсткости наказания определённно должна иметь место, но она не ключевая, – думал он, всё больше замерзая на скамейке. – Нет, бороться с людской природой – это как с ветром. Дураки напролом прут, умные его в парус запрягают или ветрогенераторы ставят. И где мне взять генератор? Своими умениями мне его точно не сделать. – Его глаза сами поднялись от снега к горящим окнам

дома и сразу же нашли окно того юстировщика. – А-а, ну допустим. Генераторы и прочее вы умеете делать – в принципе, это и нужно. Люди потребляют энергию и, грубо говоря, выделяют свет, но только хаотично и с тем же успехом поглощают его. А что делает твой лазер? – Он словно разговаривал сам с собой – с тем собой, что за последние годы сильно поднаторел в технических науках. – Лазерный генератор из хаотичного спектра излучения выделяет и вырабатывает только необходимый свет, накачивает среду легко перевариваемой, возбуждающей энергией и заставляет излучать её слаженно на заданной частоте. Берём специалиста по среде – психолога-социолога, берём мастера по генераторам, а дальше – дело за апертурой, то есть за спецами по управлению излучением – и готово! – Пазл стал складываться. – Для этого ты меня усадил на эту точку? – с ухмылкой спросил он кого-то невидимого. – За лазерщика отдельное спасибо».

Теперь его глаза ещё пристальнее уставились на окна. Все три окна его квартиры горели ярким расточительным светом, выше на пару этажей тлел огонёк кухни Астрофизика. При воспоминании о последнем все окна стали походить на созвездия. И там, совсем рядышком, под зелёным светом штор сияло окно Директора. И прежде чем полностью осознать посыл, затёкшие, заиндевелившие ноги понесли его вперёд к дому. Если разобраться по совести, то команду к движению вперёд выдал не мозг, а сильно переполненный мочевой пузырь замёрзшего человека. Голова же в тот момент

лишь выдала фразу из чужого устава: «Плохой план, чётко реализованный, лучше полного безделья».

Глава 3. Директор

Бывший директор крупного машиностроительного предприятия, бывший зам генерального конструктора, бывший младший научный сотрудник был весьма одарённым и толковым хозяйственником, конструктором и некогда учёным. Совсем недавно оставшись без работы и вернувшись на свою старую квартиру из-за семейных обстоятельств, он всё ещё чувствовал себя как будто на маленькой старой даче, приехав после многих зим отсутствия. Перспектив с работой больше не было: большие директора – не уборщицы. Выгнали с работы – новую не найдёшь.

Но запас был сформирован и частично защищён от бракоразводного процесса. А персональная пенсия, как ни странно, его вполне устраивала: квартирка маленькая, но аккуратная – затрат минимум, икру он на сервелат не намазывал, предпочитая продукты, купленные исключительно у знакомых крестьян. Запас коньяков, виски и элитных водок, накопленный за предыдущие годы начальствования, был столь огромен, что вместе с горой ненужных картин, ручек и статуэток, оставленных на основной квартире, мог бы составить долгосрочный задел для какого-нибудь сувенирного магазинчика. Была у него и квартирка на зарубежном курорте, но она его не интересовала, и он оставил её на попече-

ние ушлой риэлторше, которая сначала впихнула ему её, а впоследствии занялась её сдачей. Та нещадно приворовывала, но тем не менее что-то сбрасывала на его счёт, открытый специально под это дело.

Подмосковной дачи не было, так как при надобности он пользовался вип-номерахми отраслевых пансионатов. Да и вообще ему хотелось отдохнуть от всей похабности и суеты последних времён. Он ещё напрягался, слыша звонок телефона. Казалось, сейчас диспетчер заверещит, что продукцию надо отправлять на испытания, а в сборочном цехе ещё конь не валялся. Или срок отгрузки по контракту через неделю, а из министерства вернули разрешительные документы без половины подписей. Или, хуже всего, преступные ошибки нового руководства решат спихнуть на него – мол, нам и так уже досталось. В общем, дёргался. И вставал по привычке ни свет ни заря. И копии документов, докладных держал в надёжном месте. И всё-таки ждал, что кто-то наверху, распознав коварные действия чиновников, надаёт им по шеем и его позовут назад...

Да нет уж, всё он понимал, откуда ноги растут. Надо было обвыкаться, но сначала отдохнуть. Особой радостью были старые друзья, из юности – те, что не померли и не разъехались. Он был стянут с ними пелёнками особой душевной чистоты, искренней юношеской дружбы и весёлости. Так, словно он жил когда-то в другом мире. И очень радовался, когда они приходили к нему в гости, обожал угощать чем-нибудь

особенным навроде двадцатилетнего французского коньяка и, словно мамка, смотреть, как они уплетают деликатесы, специально припасённые для таких случаев. Народ, несмотря на наличие всего в магазине, далеко не всё мог себе позволить и был не избалованным. Особо интересно было слушать истории, как сложилась судьба старых товарищей – это было словно чтение книг о занимательных людях и их судьбе. Толстых книг – ведь его в доме не было почти долгих сорок лет.

Вот и сейчас в гостиной напротив за столом сидел его старинный друг Астрофизик. Уже раз в пятый за последний месяц, и все истории вроде были им давно рассказаны, но Директор был крайне рад его визиту, ведь именно с ним он любил делиться своими мыслями обо всём происходящем. Голова работала, как недюжинный агрегат, а пообщаться было не с кем, аудитории не было. Тот пришёл к нему как к бывалому хозяйственнику и административному работнику за советом по общему для них вопросу.

Дело в том, что за последнее время в жизни их коммуналного товарищества или, как его называют, товарищества собственников жилья произошли новые изменения. К их дому был присоединён другой, схожий по размеру, относительно новый, кооперативный, когда-то относившийся к медицинскому ведомству, и общежитие напротив, ранее тоже относившееся к одному из НИИ, вместе с тем самым сквериком, где обещали восстановить хоккейную коробку. И если

с кооперативным было всё в порядке, то общежитие было скопищем проблем. Там жили некогда заселённые работники НИИ, плюс какие-то люди по настоятельным рекомендациям важных персон. Временные жильцы обросли семьями и хозяйством, выселяться отказывались, равно как платить коммуналку, ссылаясь на различные задолженности их организаций. Местный Швондер, ничтоже сумняшеся, списал все долги, включая колоссальный долг горимущества с пенями. Да ещё заплатил аванс на закупку забора для ограждения увеличившейся территории, как ни странно, у компании, открыто аффилированной с местным чиновничеством, что увеличило годовой дефицит бюджета ТСЖ. Плюс, как оказалось позднее, он поставил все необходимые подписи под разрешением на строительство малого спортивного сооружения в сквере рядом с домами, под которым имелась в виду далеко не хоккейная коробка. За все «заслуги» он отправился прямым, как Вы догадываетесь, на тёплое место в мэрию, как доказавший делом свою искреннюю преданность делу чиновничества.

Народ издал привычную фразу «фигасе», и в кабинет пошла толпа, возглавляемая юристом-народником. До дверей ТСЖ дошло всего пятеро активистов, а в кабинет управляющего зашёл юрист в полном одиночестве. Там уже сидела врио – Швондерова жена. Она выслушала все негодования общественника, вытянув губы вперёд трубочкой и пытаясь скосить на них подвыкатившиеся глаза. А когда юрист стал

угрожать прокуратурой, на очень провинциальном жаргоне, не без мата, объяснила ему, что в общежитие, помимо прочего, заселены сотрудники прокуратуры, как бывшие, так и действующие, которым тоже списали долги. И если он хочет, чтобы ему отвинтили башню, то милости просим, флаг в руки и вперёд! И вообще он счётчики перекручивает, у неё свидетели, и в прокуратуре его ждут.

Дама жила совсем другими категориями и понятиями, разговаривать с ней было бесполезно, во всяком случае, людям, привыкшим к логике и связному изложению мыслей. Не дожидаясь формального утверждения «голосованием» на должность, она издала несколько распоряжений, которые привели к резкому увеличению коммунальных услуг в квартичках, навроде однообразного застекления балконных лоджий в соответствии с требованиями... «Фигасе» опять прокатилось эхом по квартирам и, в частности, занесло Астрофизика за советом к бывалому другу-администратору. Тому до местных склок дела никакого не было, хотя последняя квартплата отдавала уровнем элитного жилья. Да и балкон ему хотелось застеклить. Но друга было по-человечески понятно, да и, в общем-то, он не любил, когда кто-то рядом безобразничал без его санкции. За время беседы он уже выстроил в голове план, как не по-доброму и мощно урезонить зарвавшуюся Швондершу, когда в дверь, несмотря на поздний час, позвонили.

Решив, что это соседка, без страха и сомнений, весь глад-

кий и вальяжный, он открыл дверь. На пороге, в дополнение к неприятным мыслям об управдоме, стоял ещё один не лучший персонаж. Вид у него был, как будто его на ночь забыли на балконе – лицо красное, а на бровях сосульки. Пускать его никто не собирался, но тот стремительно шагнул в прихожую.

– Я сильно извиняюсь, но дуже треба з Вами погутарить, – совсем не на французском сказал он.

Действовал он, словно медведь в тесной берлоге – быстро вращаясь, расчищал пространство между дверью и хозяином. Мгновенно скинул запорошенную обувь, кистью руки послал шапку на вешалку и, стряся с себя заиндевевшую дублёнку, всучил её хозяину. Прежде чем тот открыл рот для вопроса «Чем обязан?», гость в три шага оказался за дверью туалета со всеми возможными извинениями.

Хозяин был дороден и высок, а гонора у него ещё оставалось в избытке. Своим гневным окриком он мог заставить постового стража порядка стоять по стойке смирно или вытрясти душу из чиновника средней руки. И гостя мог выпроводить в два счёта за дверь. Тем более у него был немалый опыт общения с этой братией и весьма немалого калибра. Но этот конкретный тип был ему интересен, совсем не такой, как другие: грубый, но не хамоватый, прямолинейный, как таран, и в то же время ушло-вёрткий. Опять же, по слухам, беглый французский... Так борцы любят встречу с достойным противником. И глаза... Они были цепкими, жёсткими.

ми, но в них были жизнь и поиск, что встречалось всё реже. Определённо тот был ему интересен. Поэтому вместо «Какого чёрта?» в закрытую туалетную дверь прозвучало:

– Проходите, коли уж зашли.

– Замок в квартире заклинило? – поинтересовался хозяин у вышедшего из уборной гостя.

– Нет, есть разговор, сложный и длинный, было бы неудобно общаться в коридоре.

– Да, конечно, прошу. – И длинная рука в атласном халате указала направление к гостиной. – Тапочки не забудьте, пол холодный и в занозах.

Кассандр вплыл в зал, распространяя вокруг себя волны холода. С физической точки зрения это ерунда, но Астрофизика буквально обдало заморозкой, когда он увидел входящего. Тот по-доброму улыбнулся сидящему в знак приветствия, а заметив квиточек квартплаты, пошутил:

– Что, рыжую решили пустить на гербарий?

– Мы слишком громко говорили? – в ответ осторожно попытался пошутить звездочёт.

– Да нет, и ежу понятно, что эту дуру надо на компост пустить. Таким неадекватам здесь не место, среди приличной публики. За это Вы не переживайте.

– Я не переживаю. Мне, собственно, давно пора. – Профессор стал подниматься с места.

– Прошу, останьтесь. – Это было сказано ему таким непривычным для говорящего тоном, что астроном опустил-

ся на стул одновременно с хозяином.

Тот вежливо предложил гостю угощаться, кивнув в сторону бутылки коньяка. На столе стоял по центру выдавший виды старый электросамовар с чайником наверху, накрытый полотенцем.

– Весьма кстати, благодарю. – Гость, невзирая на наличие на столе фарфоровых чашек, взял пустую хозяйскую кружку, наполовину наполнил её дымящейся заваркой, наполовину – коньяком. По всему видно было, что промёрз он основательно, а разговор будет серьёзным. Пока он заглывал содержимое, присутствующие молча смотрели на него, на его уставившиеся в никуда глаза, которые, на самом деле, быстро впитывали окружающую обстановку. Спроси его завтра, что за книги стояли на полках, он мог бы перечислить большинство из них, равно как и другие детали в комнате.

Поставив кружку на стол, он подождал волны тепла и стал собираться с мыслями. Очень непросто было сформулировать все мысли в голове и выложить всё по порядку, и коньяк был тут лишним. Но он не сомневался в успехе мероприятия, мог быть очень убедителен и чётко объяснять необходимое. Он подобрал под стул ноги, словно сгруппировался, и, как десантник, брошенный в воду, выпрыгнул на берег и ринулся вперёд. Его речь была чётко поставленной, аргументированной, изложение безупречно, он внимательно следил за реакцией собеседников. Те задали несколько вопросов, в основном Директор, и продолжили его внимательно слушать.

Он был уже близок к финалу, когда вдруг понял, что провалился. Глаза Директора были холодны и выражали если не презрение, то полное разочарование.

– Послушайте, уважаемый. Вы приходите к двум достойным людям и начинаете нести всякую ахинею. Нет, говорите Вы всё правильно, нам всем надо сделать что-то, чтобы изменить жизнь к лучшему в стране, сделать её достойной для нашего народа. Спасибо, конечно, за доверие и признание наших умственных способностей. Но скажите: Вы что, не наигрались в провокации на работе, теперь берёте работу на дом?

– Я понимаю Вашу реакцию, но всё же будьте добры дослушать до конца. – На самом деле говорить уже было не о чем. С плацдарма его отшвырнули не просто в реку, а далеко за неё. За леса и за горы. Только сейчас он понял, насколько в дурацком положении находился, ему хотелось провалиться под пол. Как можно было так переть напролом без подготовки, без карты маршрута и плана действий? Откуда взялась эта идиотская уверенность, что его послушают и правильно поймут? Верно, он отморозил последние мозги на скамейке, или моча ударила в голову. Прожжённый генеральный выдвигал разное и по-другому принять, кроме как за провокацию, речь о политическом переустройстве государства из уст особиста не мог. Кассандр лавировал словами на отступлении, но жёсткий поршень взгляда Директора выдавливал его вон, в сторону двери. Провал! И ведь окончательный, сюда ему

больше не вернуться, а уж как не потерять лицо за дверью, надо будет ещё подумать.

Словно поняв мысли говорившего и желая уже как-то помирному прекратить этот разговор, Директор смягчился и сказал:

– Возможно, Вами и двигают высокие мотивы, и в Ваших словах есть логика и здравый смысл, так редко встречаемый сейчас. Но Вы постучались не в ту дверь, есть молодые учёные-гардемарины с горящими за Отчизну сердцами, в их руки передайте Ваши чаяния и просьбу о вспоможении. А я – уставший пенсионер, мой друг – академический учёный, ну право – не лучший выбор.

Обескураженный Конфитюр слушал в полуха, его взор был направлен внутрь собственной головы, туда, где среди распрямившихся извилин прятался тот идиот, который решил переть напролом. «Бог не выдаст, свинья не съест! Эгей!» «Нет, пенсию по возрасту не зря дают», – на глубоком выдохе подумал он и грустно сложил бумажку в руках пополам. Пора было уходить.

Но тут произошло нечто: Директор весь побледнел, его глаза округлились, было ощущение, что его хватил апоплексический удар. Астрофизик увидев резкую перемену состояния друга, проследовал за его взглядом, ожидая увидеть наставленный пистолет в руках Конфитюра, и уже практически сам стал бояться, но в руках у того обнаружил только какую-то бумажку. Перепроверил – нет, всё верно, Директор

точно с неповторимым ужасом смотрел именно на ту бумажку.

Ситуация резко напряглась.

– Что это? Что это?! – гортанным голосом проговорил Директор.

– Это? Это моё. – Гость непонимающе посмотрел на бумагу в собственных руках. То были его тезисы на клетчатом листке. Зачем достал их из нагрудного кармана, он сам не представлял, в разговоре они ему не нужны были.

– Дайте это сюда! – приказным тоном потребовал Директор. Слова он выговаривал по одному, громко и акцентированно, словно нанося размашистые удары противнику. – Пожалуйста!

«Вот так поворот», – подумал Кассандр. Критические ситуации ему были что вода для пловца. Он сразу почувствовал себя лучше. Теперь хозяин квартиры был в непонятной ситуации – по-любому это было лучше, чем самому в ней находиться. Что могло быть в его тезисах? Они, конечно, носили не совсем обычную природу, но не настолько, чтобы хозяин так резко помешался. Все эти мысли пролетели в голове мгновенно. Надо было следовать за ситуацией. Он развернул бумажку и аккуратно отпланировал её физику. Тот, передавая бережно бумагу дальше, мельком посмотрел на содержимое: записи торопливым почерком, цифры, какие-то лишённые смысла линии, чертёж.

Чертёж! Именно на него Директор уставился не отрыва-

ьясь. Он что-то говорил, губы его шевелились, но слов слышно не было. Он резко отвёл взгляд от бумаги и вопросительно, со злобой уставился на гостя.

– Откуда это у Вас? – стали слышны его слова.

Астрофизик тем временем пребывал в шоке. Увиденное поразило его. Пространство комнаты как-то сжалось, волосы на его теле, казалось, встали дыбом даже на ногах, отчего ему показалось, что он приподнялся над стулом. Конфитюр кривил губы, и казалось, теперь он что-то беззвучно говорит. На самом деле тот искал слова. Скажи он правду – и одним сумасшедшим в комнате станет больше. По привычке он решил включить дурачка.

– Это гравицапа.

– Угу, – промычал недобро Директор. – А цифры «2222» рядом – это что?

– Наверное, цена в чатлах...

– Перестаньте валять дурака! Эта бумага у Вас в руках ведь оказалась не случайно! Мне что, клещами из Вас правду тащить надо?

Но тот действительно не знал, что говорить. Чертёж относился к поздней фазе сна, и назначение и суть зарисованного он не сумел восстановить после окончательного пробуждения. И оно вроде совсем не относилось к тем вопросам, что занимали его в последнее время. И всё же он что-то помнил:

– Это что-то вроде моста между мирами.

Астрофизик замер, один глаз его смотрел на одного себе-

седника, другой – на другого.

– Это преобразователь протоэнергии в энергию вещества. – Гость походил на сомнамбулу, он говорил отрешённо слова, смысла которых не понимал сам. – В его гравитационную составляющую.

– А это? – Хозяин ткнул в разрез на чертеже.

– Контрэкцентрик.

– Нет, это чересчур. А это?

– Входная ось. – Он говорил, даже не видя, куда тыкал пальцем собеседник, голос его был монотонным. – Может, хватит вопросов, профессор? Не на экзамене. Не пора ли Вам ответить на вопрос? Что это такое?

– Клянусь богом, не раньше, чем ты расскажешь, откуда это у тебя! – Он походил на комиссара, готовящего наган к расстрелу. – Никто, клянусь, никто во всём мире не может этого знать!

– Да чёрт с тобой! – Кассандру, который уже крепко обделался в этой квартире, терять было нечего. Уж лучше имидж шизика, чем идиота. И он выложил правду, всё как было. О том разговоре на троих и о том, как появились эти записи и рисунки. И стал вдруг сам вспоминать, для чего ему был дан образ этого устройства. В любой другой аудитории его слова означали бы неприличный диагноз. Но не здесь. Директор прекрасно всё понимал и видел, что ему говорят правду. Третий участник беседы – Астрофизик – также понимающе качал головой. Ему и самому было что рассказать – пусть

не совсем в канву темы, но удивительно переплетающиеся с рассказом вещи. И тогда бы в комнате стало на одного сумасшедшего больше. Да почему «стало»? Его и так все воспринимали за своего, словно понимая, что он не может быть не посвящённым.

Никто не заметил, как в комнате повисла тишина. Все думали о своём. Кассандр пил медленными глотками коньяк из кружки, Директор курил сигареты Астрофизика прямо в комнате, а последний сидел глубоко в своих мыслях, и по его неподвижному взгляду можно было решить, что он убыл куда-то безмерно далеко или во времени, или в своём космическом пространстве.

Тишину нарушил Директор. Затушив сигарету в блюдце, он сказал:

– Простите, друзья, за мою вспышку, но это воистину неординарная ситуация. То, что вы видите – это моё дитя, моё сокровенное изобретение, плод работы всей моей юности. Всё было уничтожено тогда – все материалы, бумаги, записи, все намёки. Никто и никогда не видел его собранным, да даже и по частям, за это я вам ручаюсь. Я расскажу вам... Дело было так.

Ещё в последнем классе физматшколы я задумался о физическом генезисе строения энергии, её перехода в вещество и природе гравитации. Тогда ещё я был слишком молод для понимания столь сложных вещей и придумал метафизическую концепцию построения мира. В какой-то момент она

скакнула в простейшую физическую картину, ещё без деталей, но вполне всё объяснявшую. При поступлении на физтех у меня была только одна проблема – мне не положен был ещё паспорт по возрасту. А с обучением и успеваемостью никогда проблем не было, я сам тянул знания из преподавателей. И что бы я там ни изучал, всё с лёгкостью помещалось внутри моей теории. Все законы проистекали из неё, словно ручьи из-под основания горы. А появившаяся тогда теория струн была словно плохо подслушанным пересказом моих мыслей.

Теория была совсем проста, и я стеснялся кому-либо её изложить. Мне казалось, её засмеют, а меня назовут молодым выскочкой и посоветуют не торопиться учиться в институте. И я решил всем доказать, построив миниатюрную экспериментальную модель. Я тратил на это всё своё время, был одержим, хотя тогда и не знал такого понятия. Но придумать было проще, чем исполнить. Несмотря на относительную простоту конструкции (да, это вам не адронный коллайдер), исполнить задуманное было технически крайне сложно. Технологии тогда ещё не развились до нужного уровня, и некоторые детали просто нельзя было сделать. Тот контрэксцентрик, к примеру – это тончайший вольфрамовый диск с выдавленной эвольвентой.

Ещё до окончания института я поработал технологом, а сразу по окончании устроился на научное производство. Аспирантуру выбрал заочной формы. Далеко не сразу, но я со-

брал своё устройство. Трудился и дома, и на работе. Вон на том столе в комнате собирал узлы и прототипы. На работе часто оставался на ночные дежурства, за что мне были многие благодарны.

В начале семьдесят седьмого года – вот видите, здесь у Вас на рисунке семёрки по кругу – так вот, в начале этого года мой действующий прототип был готов к испытанию. Да, это было четвёртого марта. Я не люблю нумерологию, но это в сумме ещё одна семёрка. Так вот, тот день я хорошо запомнил, было холодно и полно снега. Я выбрал его потому, что это была пятница, а значит, народ начал разбегаться сразу после обеда, и у меня было достаточно времени, чтобы подготовиться к испытанию. Самым подходящим местом была бронекамера – специальный стенд для испытания химических лазеров. Тема была передана другой организации, которую сочли более перспективной, и стенд пустовал. Мы только хранили там баллоны с опасными веществами – хлором и фтором, необходимые для несостоявшихся экспериментов. Главное, что он стоял на огромном бетонном основании, необходимом по технологии испытаний для уменьшения вибраций, а в моём случае это было критично, установка была чувствительна к малейшим колебаниям среды. Поэтому я должен был дожждаться ночи, когда весь город затихнет.

Взошла полная луна, даже собаки подвывали. Я с трудом дождался десяти вечера и запустил установку, мне не терпелось получить долгожданный результат. Сам я расположился

в командном отсеке и наблюдал по камере и измерительным приборам. Мне было достаточно получить и зарегистрировать результат изменения гравитации всего в два процента. Выход на рабочие параметры система должна была произвести за двадцать минут. Я страшно волновался, ведь стоял на пороге величайшего открытия в истории Земли, громаднейшего открытия. Да-да, это было тщеславие... Я помню тот момент, на табло горело: «22:22». Так что это не цена в чатлах, уважаемый, а время события, записанное Вами без осознания.

Так вот, в тот момент всё вокруг как-то замерло, резко затихло, я почувствовал это на животном уровне. И вдруг – БАБАХ! – Он внезапно ударил ладонью по столу с такой силой, что всё подлетело в воздух, даже, казалось, гости на своих стульях. – Гигантская сила будто вдавила и распрямила бронестенд за долю секунды, как пластиковый стаканчик. Но слава богу, он устоял. Это было как в бреду: всё взмыло вверх, я видел, как тяжеленный несгораемый сейф стал медленно подниматься. Всё здание, стенд с его громадным фундаментом трясло и трясло. Сыпалась штукатурка, я видел, как побежала трещина по стене. Ужас парализовал меня, казалось, мир сейчас низвергнется. Я рухнул на пол и выбил плечо об угол какой-то тумбы, а тряска всё продолжалась.

Когда всё кончилось, я даже и не помню. Прибежал дежурный диспетчер, который не смог до меня дозвониться. Сказал: «Землетрясение». Меня привезли на нашей разгон-

ной машине в больницу, чем-то прокололи, просветили плечо и днём отправили домой – всё равно в субботу там делать было нечего, а травма была признана неопасной. Ещё в больнице по радио я услышал новости: в Москве было землетрясение, трясло и в Ленинграде, и за границей, были жертвы. От шока и обезболивающих я плохо понимал детали. Жизнь закончилась. Этого не должно было произойти, но случилось.

На пороге квартиры меня встретила соседка снизу – та, которой я оставлял ключи, чтобы кормила кота, когда меня нет. Сказала, что когда трясло, ко мне в квартиру залетела шаровая молния. Они с сыном как раз зашли проверить, не разбилось ли чего от тряски и в порядке ли кот. В комнате что-то сгорело, но пожар не начался. Молния тихо растворилась, а тётка с сыном всё время пролежали на полу. Я проверил – мой прототип, стоявший на столе, был полностью расплавлен, но бумаги вокруг были в полном порядке. Так ювелирно расплавить металл, включая вольфрам, не тронув бумаги, мог только плазмод. Я вспомнил, что на экранах командного пункта в момент катастрофы блеснула ярчайшая белая вспышка – видимо, внутри стенда тоже появился плазмод. Стенд выгорел внутри весь, там ничего не осталось, ни винтика. Я сидел на кухне и ждал расстрела. И скоро в дверь позвонили.

Он снова закурил и стал собираться с мыслями.

– Как-то слишком быстро, не находите? Если только Вы

уже не были в разработке.

– Да какой там. Это был наш директор, а с ним – его референт, друг-врач и зам по безопасности. Директор, царство ему небесное, жил у нас же в первом подъезде, он вот нас на работу и заманил к себе. Человек-то, в общем, приличный, узнав, что я пострадал, зашёл со своим врачом проведать, как я себя чувствую. Зам, естественно, интересовался, чего я на стенде делал, а не у себя сидел. Но в общем, сказали, что будет комиссия по пожару, и попросили не упоминать, что я там был, ибо баллоны с газом хранились с нарушением правил техники безопасности и прочее. Зад прикрывали – за три месяца до того на соседнем заводе шесть человек сгорело в кислородном цеху. А вот референт...

– А ты не говорил, что она приходила, – вдруг встрял астроном.

– Сейчас поймёшь. – Он опять затушил бычок в блюдце, пепельницы в доме не было, видимо, там не курили. – Да и мы с тобой потом почти не виделись.

– А знаете, кто был референтом у старика? – Вопрос относился уже к патрону. – Так, на минуту, представьте себе худшее.

– Да ладно!?

– Вот именно! Она тогда писала его монографию, он очень академиком хотел стать. Жутко красивая баба была. Писали по субботам, поэтому жена требовала, чтобы они работали дома, а не в конторе. Я её часто во дворе видел, она курила и

смотрела, как наш звёздный мальчик, – он мотнул головой в сторону астронома, – гонял в футбол в коротких шортиках. Нравился он ей, хотя она прилично постарше была.

– Да у вас тут мексиканский сериал, – съязвил, улыбаясь, Конфитюр. – Вы роман с ней часом не крутили?

– Нет, Вы разве не поняли? Она ему покровительствовала.

– Перестань, она мне просто помогла с диссертацией. Ты же знаешь, я писать не люблю.

– Когда те ушли, – продолжал Директор, личные темы которого сейчас не занимали, – она внезапно вернулась. Стояла в коридоре, буравя меня взглядом, потом как выстрелит в упор: «Ты создал Сердце Земли – вихревой протоконтур!» Она несколько заблуждалась, но не дала мне времени пояснить, вцепилась пальцами в больное плечо, да так, что я упал на колени, звёзды посыпались из глаз, а из носа потекла вода – в общем, адская боль. Она шипела, скрежетала и вопила, грязно ругалась, называя меня то идиотом, то бесом с самокруткой на пороховом складе. Она знала, что я сделал. Потом вдруг опустилась на колени рядом со мной и сказала: «Пойми, миленький, ты сам не понимаешь, что натворил – весь мир мог рухнуть в тартарары! Зам рванул к себе в контору, они скоро придут к тебе с обыском». Видимо, мои приготовления не остались незамеченными, и впереди меня ждало следствие и неприятности.

«Где? Где бумаги? Давай же ты быстрее! Не дай бог, хоть что-то попадёт им в руки!» – вопила она. Я поднялся и по-

шёл с ней в комнату, но она стала на пороге как вкопанная и с опаской смотрела на середину, где был стол, словно шаровая ещё была там. Я сам взял все тетради и чертежи, включая институтские наброски, и отдал ей. Она тут же организовала костёр в цинковом ведре посреди ванной и стала жечь. Бумаги вспыхивали прямо у неё в руках и горели мгновенно, словно облитые бензином. А я смотрел, как уничтожается моя главная и неотъемлемая часть, внутри всё мерзко жалось, всё поплыло, и я стал сползать на пол.

Очнулся в больнице, она привезла мне вещи и ключи, сказала, что всё подчистила, но в квартире больше жить нельзя, никому. Я должен всё забыть, стереть из памяти и начать новую жизнь, она мне поможет и всё устроит. Так и вышло: через три дня меня отправили в санаторий, потом пришло приглашение на перевод в конструкторское бюро. Я переехал жить к подруге, на которой и женился, хотя ранее не собирался. Диссер забросил и получил докторскую только через тридцать лет по совокупности работ. Конечно, я скоро узнал, что землетрясение произошло не у нас, а в Закарпатье, у нас лишь были умеренные отголоски и без жертв. Можете почитать об этом в прессе, если хотите. А совпадение по времени с моим экспериментом, конечно, не было случайностью. Но об этом как-нибудь потом. Всё улеглось, кто-то хорошо прикрыл.

– А комиссия, расследование?

– Комиссия тогда постановила, что стенд выгорел из-за

утечки фтора, по причине ненадлежащего хранения и землетрясения. По шапке надавали главному инженеру и завскладом, им только на пользу. И до сего дня никто не пискнул о моей установке, я был уверен, что всё стёрто. Поэтому я так бурно отреагировал. Простите, та боль до сих пор сидит во мне железным стержнем. – И он опять закурил. – Вы, вероятно, весьма и весьма одарённый человек и раньше служили во внешней разведке, так?

– Да уж, не совсем плохим я был воякой, – совсем без улыбки кивнул Кассандр.

– Вы умудрились достать информацию оттуда, куда другим вход заказан, и просчитать всю ситуацию задолго до нашей встречи, хотя совсем этого и не осознавали.

– Возможно, тут не без помощи...

– Вся эта Ваша мистическая история – это полная хрень, Вы уж поверьте, – снова начальственным голосом заговорил Директор.

И тут в соседней комнате старые часы начали с присвистом отбивать одиннадцать, а из ванной комнаты послышался странный гул, и вся квартира начала наполняться мелкой вибрацией. Астрофизик с разведчиком переглянулись. Но хозяин махнул рукой:

– Это стиралка, жуткая раритетная машина. Трясёт так, что, мне кажется, у соседей люстры осыпятся.

– Откуда у Вас старая стиралка, квартира ж пустовала?

– Соседский сын – тот, что видел молнию и держал ключи

– сдал за долги какому-то бандиту. Я соседку предупреждал, но они очень просили. В конце концов, бандита мне было не жалко, у каждого своя судьба.

– Да, ты много пропустил, Коррадер был тут заметной личностью, – с весёлым прищуром заметил астроном.

– Уж не о Кроносе ли вы говорите, а? У которого совсем голову унесло на почве внезапных перемещений? – вдруг изумился Конфитюр и, получив одобрителный кивок, добавил: – Вот узелки и стали распутываться.

Хозяин быстро исчез, и стиралка умолкла. Вернувшись, тот весело пояснил:

– Скачет, как Конёк-Горбунёк, неудобно перед соседями, дети уже спят. Но я её не выкидываю: во-первых, не имею привычки избавляться от стариков, которые достойно ещё тянут свою лямку, а во-вторых, её, похоже, трясёт на частоте Шумана. Я сажусь каждый раз вечером в это время на неё сверху, и у меня все боли в спине проходят, я уж не говорю о простате. Знаете, я уж не молодой, всё скрипит и ноет, а уж плечо и спать не даёт.

– Я научу Вас упражнениям, – сказал разведчик. – Тридцать минут утром – и этот анахронизм Вам больше не понадобится.

– Благодарю, – милостиво кивнул хозяин. – А я Вам поясню про Ваш сон. Так вот, никакой мистики тут нет, все события и персонажи в нём сгенерированы Вашим собственным сознанием, которое является не вполне обычным. У Вас, как

и у многих талантливых людей, есть второе сознание, в обычных условиях недоступное пониманию основного. У каждого физического процесса и события есть первопричина и источник, по форме и содержанию не совсем совпадающий с производной, но... Сознание это работает на других постулатах и оттого не может нами восприниматься. Оно проявляется и – главное! – развивается только у людей талантливых, одарённых и, крайне редко, у людей с поломанным защитным механизмом. Я наблюдаю за этим давно, это, так сказать последствия моих тогдашних изысканий.

– Ага, так ты всё-таки продолжал!..

– Нет, дружище, не совсем. Бороду-то я, конечно, сбрил. – И он заулыбался, поглаживая подбородок. – Ты помнишь ту мою шикарную мочалку?

– Ага.

– Да, но вот умище-то остался, – вспомнил он бородатый же анекдот о слесаре, похожем на Карла Маркса. И, снова став серьёзным, продолжал: – Тот образ Вашего старинного, но незнакомого друга – лишь подмена, проекция на понятные образы второго сознания. В моём понимании, оно соединено с общей информационной базой типа ноосферы Вернадского и бессовестно может черпать оттуда любые данные, невзирая на запреты или «авторские права». И всё бы хорошо, но в реальной жизни два сознания разделены сложнейшей физической модуляцией, не проводящей, как диэлектрик. Они – словно два разнонаправленных диода, повёрну-

тых друг к другу спиной. Чем выше напряжение, тем больше они запираются. И этот грозный, запирающий слой спроецировался у Вас в образ этой женщины. Но как видно, в тот момент желание-напряжение достигло пика, и Вы, – он посмотрел восхищённо на собеседника, – изобрели технологию управления двухполярным транзистором!

– Чего? – обиженно-непонимающе изумился Конфитюр.

– Чего! Вас не тому и не там учили. Вот смотрите. – Он разложил на скатерти три кучки баранок и кругленьких конфет. – Я, конечно, не электронщик, но приблизительно это выглядит так: Ваш друг – эмиттер или исток, носитель нужных знаний и информации. Эта баба – база между вами, препятствующая проникновению желаемой информации, запор, замок. Ваше сознание – коллектор, реципиент, кстати, в третьем лице молодого отражения. Напряжение стоит так: Вы потребляете излишне алкоголь, расслабляя одну часть мозга, и возбуждаете другую перестоявшейся заваркой, как у нас. – Он кивнул в сторону накрытого полотенцем чайника на самоваре. – Так?

– Нет, но я действительно дважды в день пью чай с травами, грибами и кордицепсом. Стоит он дорого, поэтому завариваю не единожды. И тогда тоже... Хотя бывало, по молодости баловался...

– Ну вот! Это, конечно, всё индивидуально, но в Вашем случае всё происходит следующим образом... – И доктор пустился в долгий рассказ о принципе работы транзистора,

двигая баранки и конфеты в одну и другую стороны. Его собеседники ссутулились и внимательно наблюдали за происходящим.

– Важнейшим пусковым элементом, применённым Вами, является сексуальный посыл, открывающий ток базы следующим образом и многократно усиливающий поток информации. – Астрофизик заулыбался, а разведчик состроил скромно-смущённую мину.

– Таким образом, коллекторный переход экстрагирует инжестируемые в базу носители и передаёт их в коллекторную область.

– Слушай, ты уже четверть часа говоришь на иезуитском, – попытался поправить друга астроном.

– Нет, это просто английский. Видишь, он всё понимает. Конфитюр действительно сидел с крайне задумчивым взглядом и слушал все объяснения вполне понимающе.

– Когда же Ваш сексуальный сигнал иссяк, транзистор закрылся. Так что это был не совсем сон, а изменённое состояние сознания. И судя по всему, тогда оно у Вас вообще начало меняться. Только Вы, любезный, больше не травите себя этой смесью, а то или сердце сядет, или мозг ослабнет – будете как блаженный: всё знаете и видите, а Вас за дурака принимают.

– Кассандра.

– Что Кассандра?

– Была такая провидица во времена Трои. Она всё виде-

ла, но из-за проклятия Аполлона её никто не слушал. Моё армейское погнало, – очень грустно добавил он.

– Да? Так не усугубляйте, Вам это больше не нужно. Я познакомлю с одним спецом, из наших бывших. – При этих словах даже астроном заулыбался и закивал. – Он мне квартиру чистил три дня. Живо научит комплексу упражнений минут на тридцать, и этот анахронизм, – он, улыбаясь, кивнул на кружку в руках гостя, – Вам больше не понадобится.

Желая усилить театральный эффект от своей шутки, он привстал, разворачиваясь, поднял вверх указательный палец и, улыбаясь, торжественно произнёс:

– Истинно говорю Вам! От сего дня... – И осёкся.

Все посмотрели в том же направлении, что и он – туда, где в темноте комнаты, бывшей некогда лабораторией, на стене зелёным цветом горели цифры «23:23». Он сел назад, пододвинул листок с тезисами к себе и сказал:

– Чертовщина! Просто так совпало?

На листке под злосчастными цифрами «22:22» ниже на пару строк стояли цифры «23:23». Ещё ниже на таком же удалении по той же прямой стояло «11:11».

– Хм, это я тоже заранее спроецировал? – поинтересовался Конфитюр.

– Может, совпадение. Может, я подсознательно к ней уложился. А может, и впрямь – спроецировал. Время, в некотором смысле, идёт двумя встречными потоками...

– А что это за третья цифра? – немного запоздало заметил

астроном.

– Это в эзотерике, дружище, символ перехода человека на новый уровень сознания. Это уж многие знают, и наш друг, по-видимому, тоже знал до сновидения и сам себе послал сигнал.

Конфитюр посмотрел на него задумчивым взглядом, и Директор добавил:

– Хотя, конечно, интересно, что все они стоят в ряд и в сумме дают 56:56, что при сложении обратно превращается в 11:11. Вам бы шарады составлять.

И может быть, оппонент бы чего-нибудь и возразил, но тут громко зазвонил домашний телефон – большой, чёрный и такой же винтажный, как всё в квартире.

– Чёрт, кого ещё? – раздражённо буркнул хозяин и, добравшись, снял трубку. Но тут же его лицо оттаяло. – Да, привет! Да, знаю, как раз на часы смотрел. Нет, он в порядке, скоро отправлю его к тебе, не переживай. Хорошо, пока... Твоя звонила, – сказал он Астрофизику. – Грозила сама прийти, если через десять минут тебя не будет дома.

Все трое сидели за столом, положив на него руки. Повисла пауза.

– Давайте уж подытожим наше внеочередное пленарное заседание, – взял на себя инициативу хозяин. – Первое: всё сказанное остаётся здесь. Надеюсь, это само собой. Второе: от себя и от моего друга я бы хотел несколько извиниться перед Вами, – он смотрел на патрона, – за нашу реак-

цию на Ваше предложение. Оно, как Вы понимаете, выглядело несколько некрасивым и провокационным или, как сейчас говорят, стрёмным. Снимаю шляпу перед Вашим умением делать глубокие тыловые заходы и рассчитывать ситуацию с применением неординарных инструментов. Сейчас я склонен полагать, что Вы – человек иной, довакханальной формации, и озвученное предложение исходило из глубины души, желающей найти гуманное и эффективное решение весьма нетривиальной задачи, для которой были выбраны наши недостойные черепки. И всё же, очень коротко, можно ещё раз услышать исходные условия и предполагаемый алгоритм действий?

– Конечно, спасибо за... – Он махнул рукой. Говорить витиевато, как Директор, он не умел, и это придало бы неестественный окрас словам. Он продолжил на простом языке: – Есть первая задача, простая и прагматическая – это оседлать трон председателя ТСЖ. Основное достоинство нашего дома, а теперь и конгломерата из трёх домов – это интеллектуальная составляющая. Та пошлая разнузданность, которая имеет место быть, будет прекращена. Пост должен занять соответствующий человек, и кандидатура у нас одна – это Вы.

Слова, естественно, были обращены к Директору, но тот пока молчал, ожидая окончания предложений.

– Второе: мне необходимо при вашем содействии разработать принципиальную схему государственного устройства, в котором человеческий потенциал каждого отдельного ин-

дивидуума будет максимально раскрываться. Схема должна быть чёткой, логичной, понятной и обладать ярко выраженной реалистичностью. Так, чтобы желание её внедрить не вызвало никаких вопросов, а сравнение с любой альтернативой всегда показывало заведомые преимущества нашей схемы. Машина, генератор. И если какой-либо чиновник или теоретик попытается сделать в ней ключевые изменения, пагубность его действий будет наглядной и очевидной. Никаких революций, саботажей и противоправных действий. Всё.

– По первому пункту, – вдруг выступил Астрофизик. – Вы считаете нормальным предлагать директору крупного машиностроительного предприятия, пусть и бывшему, пост управдома?

– Председателя ТСЖ! И не надо недооценивать. Численность персонала на том предприятии немаленькая – три тысячи человек, а здесь она больше. Там люди проводят за работой сорок часов в неделю, а здесь – в два с половиной раза больше! Там зарабатывают, а здесь – вкладывают и живут, понимаете? Проводят жизнь. Там делают железки, а здесь – людей, выращивают их, превращают в личностей. Важность работы определяется не столько заработком, сколько способом самореализации, Вам ли это не знать, профессор? Но всё меняется, приоритеты сдвинутся, я это вижу.

– Да, немного интересная концепция. Приоритеты, возможно, сдвинутся, но вряд ли полностью поменяются. Хотя я и не провидец, конечно, как некоторые, но, – он откинулся

на спинку, – но у меня, знаете ли, планы...

– Знаю, дорогой мой, знаю. Вернуться через год на завод, когда катастрофические ошибки нового руководства станут очевидны. Только не будет этого. Есть психологическая аксиома – люди защищают свой выбор, даже если он оказался неправильным, даже если это не их выбор, но они с ним согласились. А в условиях повальной безответственности – шансов ноль.

– Ну, я так не думаю...

– Понимаю – точнее, знаю – к Вам подходили люди из «нашей организации» и объясняли, что это временные пертурбации, и Вы важны для отрасли и страны с Вашим талантом и опытом... А когда Вы настроились, попросили определённую сумму для ускорения процесса... Так вот – это обычный лоховской развод. И правильно, что отказались. Но ощущение-то важности и того, что позовут, осталось. Нет, Вы не системный человек и нынешним реалиям не соответствуете. В лучшем случае через год, когда Вы основательно пообломаетесь, предложат пост советника, мозги-то Ваши им реально нужны. Захотите, месяцев через девять я сам Вам это устрою, гарантирую.

Директор сидел очень недовольный словами собеседника, но понимал, что тот говорит правду. А если не кривить душой, то понимал это и раньше, но всё же хотел надеяться. А патрон всё продолжал:

– Это Вам сейчас кажется, что хочется отдохнуть, но че-

рез полгода начнёте сходить с ума от безделья, тонуть в желчи, и посыплется проблемы со здоровьем, поверьте опыту многих. Сейчас Вам кажется, что Вы обладаете излишним, ненужным потенциалом для места председателя. Но в том-то и суть, что Вы должны его изменить, изменить представление о нём, а может, пойти и дальше... А для избытка потенциала у Вас будет интереснейшая задача, которую я обозначил под номером два.

– Он бы прямо на митингах мог деньги зарабатывать, первоклассный деляга, – опять почему-то вмешался астроном булгаковской фразой.

– А Вы, мон шер, напрасно ионизируете. – Французская «р» не прошла, и он поправился: – Иронизируете. Ваша площадка, несмотря на мои обещания и усилия, нынче под большим вопросом. Хоть на стройплощадке и повесили вывеску «Малый спорткомплекс», но будут там, поверьте, гараж, мойка, ресторан «У Ашота» или «Терек» и баня со всеми вытекающими. Это уже известный трюк. И здесь именно ТСЖ должно вмешаться и отозвать свои подписи, как недействительные и неправомерные.

– Я не ионизирую. Если что-то зависит от меня, можете на меня рассчитывать. Тут весь вопрос, готов ли мой друг подписаться на эту неблагодарную работу.

Они обратили взгляды на хозяина, а тот сидел, слегка откинувшись и сузив глаза. Он был где-то уже далеко впереди и, понимая, что пауза зависла из-за него, молвил:

– Задача построения новой схемы-генератора, затребо-
ванной Вами, конечно, непомерна, да и чревата, но...

– Так мы по первому вопросу договорились? – стал под-
гонять Конфитюр, но тот лишь махнул рукой, впрочем, до-
бавив:

– Не забудьте только про оферту девятимесячную. Так
вот, мне вспомнилось: когда меня поставили только дирек-
тором лет двадцать назад, я смотрел на ту потрясающую раз-
руху, что мне досталась от маститых руководителей, и в ме-
ня вселялся ужас, задача казалась неподъёмной. Но пришла
моя извечная замша и сказала: «Ничего, справимся. Если не
мы, то кто? Всё равно умнее нас, по-хорошему, вокруг ни-
кого нет». Может, это и самонадеянно, и я не считаю себя
умней других, но судя по тем лицам, что я вижу по телеви-
зору, мы должны за это взяться. – И, протирая свои большие
очки в роговой оправе, обратился к другу: – И когда-нибудь,
далеко потом, мочась в гуманитарные памперсы в доме пре-
старелых после утреннего желудёвого кофе, разве не пожа-
леем мы, что хотя бы не попробовали изменить это будущее,
когда нам выпал случай? Хотя, пardon, кажется, это слова...

В дверь позвонили. Астрофизик тут же встал, выпрямив-
шись в струну и расправив плечи, и только тут стало видно,
насколько он высок и худ.

– Это по мою душу, но я всё хотел спросить, какую мне-
то роль Вы отводите в этом процессе?

Конфитюр тоже встал следом за хозяином.

– Вы, уважаемый – важнейший член в нашей мощной организации. Вы знаете здесь всех, особенно мозговую элиту. Наш док, к сожалению, много пропустил. Вы обладаете высоким, – он посмотрел снизу вверх, – авторитетом – как научным, так и мужским. И я ожидаю от Вас предложений по необходимым персоналиям и помощи в их привлечении. Это раз. А во-вторых, я думаю, неплохим прикрытием для наших собраний и обсуждений будет легенда, посвящённая научной фантастике и/или космическим тайнам и астрономии. Это навскидку, но осторожность, знаете ли...

В дверь позвонили настойчивее, и астроном, заторопившись, кинул:

– Я обмозгую. – И рванул к двери. За ним последовал хозяин и спешно открыл дверь. Конфитюр разумно остался в комнате вне досягаемости обзора.

– Ты знаешь, сколько времени? – послышался возмущённый женский голос.

– Нет, зато я точно знаю, где нахожусь, – отшучивался астроном.

– Боже мой, ты всё хорошеешь, – забасил Директор.

– Фу, фу, отстань, ты весь прокурен, чегой-то вдруг?

Послышались возня и бубнение (видимо, хозяин помогал другу одеться) и уж совсем едва слышный короткий разговор.

– Весь вечер хотел тебя спросить: почему, когда это стряслось с тобой, ты исчез и не позвонил?

– Всё было сложно. Но я позвонил раз и узнал, что тебе было совсем не до кого. Тебя увезли. Помнишь, куда? – совсем тихо проговорил Директор, но ухо разведчика уловило тайну.

– Да-да. Но...

– Идём, не наговорились они, – совсем другим тоном сказала женщина. – Мой звездочёт, если не выспится, завтра заболит или сделает так, что у нас у всех голова заболит. Пока.

Дверь захлопнулась.

Хозяин вернулся в комнату. Патрон стоял у окна и смотрел в темноту двора. Внизу у фонарей ветер разметал снежные проплешины, вверху же переворачивал клубы промёрзлой тёмно-синей мглы, словно выстраивал заслон наступающей весне.

– Ну у Вас от окон и сифонит, – сказал патрон, подставляя пальцы под струйки воздуха в щелях старых оконных рам.

– А мне нравится. Нет этой духоты и спёртости, как от пластиковых окон. И дышится, и спится хорошо. Мне даже нравится немного подмерзать.

– Пора, скоро уже вставать.

– Я немногим позже Вашего поднимаюсь – привычка, от которой уже не избавиться.

– Тогда предлагаю в восемь первую планёрку. Надо план прикинуть и по будущим персоналиям пробежаться.

– Так торопитесь? – догоняя в прихожей гостя, спросил Директор.

– Очень. Время важно. У меня его мало, осталось как раз месяцев девять с хвостом, чтобы помочь Вам. А оно бежит неприлично быстро. В юности один час – почти вечность, а сейчас дни меж пальцев проскальзывают, аж зло берёт.

– Это возраст, батенька. – Хозяин, грустно улыбаясь, помогал накинуть дублёнку. – Пониженный метаболизм.

– Да, знаю, но тут ещё и чрезмерное желание побольше успеть. – Он сам открыл замок, но прежде чем потянуть дверь, повернулся. – Знаете, док, я как выйду, естественно, сразу забуду Ваш рассказ, а Вы – мой. Но хотел добавить к тому ещё. – Он неопределённо куда-то махнул рукой. – Хотя Вы человек, способный и Христа объяснить через полупроводники и уравнения... Но мне хорошо запомнилась фраза из того сна: «Когда Великое Сердце замерло, толчок ему дало малое рукотворное». И речь шла о Вашем творении. Относитесь к этому как хотите.

– Спасибо. Пусть будет так. Хотя и это понятно откуда. – Улыбкой и кивком он попрощался с одним из самых странных посетителей в своей жизни и вернулся в ту комнату, что когда-то была его лабораторией. Развалился в огромном продавленном кресле и посмотрел на маленькую чёрную пирамиду, закреплённую на центре стола. Под ней была установлена какая-то параболическая тарелка из никелированных прутков, сильно напоминающая вазу для фруктов.

– Я тогда ещё понял, для чего всё это произошло. Теперь уж давайте и вы мне помогайте... – И он тихонечко прова-

ЛИЛСЯ В СОН.

Глава 4. Кадровый вопрос

Переход власти внутри ТСЖ ознаменовался среди ночи пожаром в подвальном помещении. Горели совки, лопаты, мётлы, телогрейки-ватники, какой-то скарб, старенький компьютер управляющего и куча бумаг. Пока пожарные добирались, жильцы сами затушили всё, выстроив живую цепочку и передавая вёдра. Кого-то это веселило, кто-то предупреждал о последствиях вдыхания угарного газа, кто-то предлагал спалить там и бывшую управляющую. Та на следующий день от всего открестилась, ключи и дела передала, а вопросы текущей безопасности – это к новому главе. Зачинщиком пожара был объявлен дворник-таджик, который исчез вместе с половиной списочной численности персонала, якобы не желая работать при новом руководстве и устроив напоследок подлянку. В реальности, как установил патрон, съехало не более четырёх человек, все получили хорошее «выходное пособие».

Уничтожение единственного компьютера с данными и большей части бухгалтерской документации могло сильно осложнить жизнь новому председателю, но... Уже вечером следующего дня астроном спустился к Директору в квартиру с неестественно широкой улыбкой на лице.

– Я разговаривал с сыном, – сказал он, весь переливаясь. – А он мне посоветовал поговорить с пареньком из нашего

подъезда. Ты его не знаешь, такой же программист, как и мой.

В дверь позвонили. Никто не удивился, увидев Конфитюра на пороге: тот им как-то продемонстрировал, что только с помощью слуха, по движению лифта и топанию ног на лестнице можно, не вставая с кресла, сказать, кто куда пришёл или вышел. Он объяснял это высокой проводимостью звука через стены и собачьей способностью распознавать принадлежность шагов. В общем, пришёл он вовремя, и много ему повторять не пришлось.

– Этот паренёк резался с моим во всякие дурацкие игры, хоть он и помладше. Они давно уже сделали тут подобие локальной сети. Забавы ради, он шарил по компьютерам жильцов нашего дома и не только. Нет, он парень очень приличный и работает на дому на очень крупную компанию...

– К делу, профессор, – подтолкнул его патрон.

– Я ему позвонил, представился, и – вуаля! – у него есть полная копия всех дисков ТСЖ. Он, похоже, совсем не дурак и заранее сообразил, что всё может быть уничтожено. Готов всё немедленно передать, только желает сперва пообщаться, познакомиться.

– За чем же дело стало, – одобрительно буркнул новопред. – Давай зови его прямо с утра пораньше ко мне в кабинет.

– Ну во-первых, я утром на работе, а во-вторых, он просыпается только к полудню. Поэтому я подумал: может, позо-

вём прямо сейчас? Он готов. Зачем, спрашивается, тянуть?

– Да у Вас оперативная хватка, профессор, – похвалил его Конфитюр, и тот засиял пуще прежнего.

Через десять минут молодой человек стоял перед тремя концессионерами. «Костя», – представился он и поставил на стол большую коробку с печеньем. Хозяин понимающе кивнул, залил воду в электросамовар и быстро накрыл на стол.

Паренёк как-то сразу понравился всем. Он был очень простой и открытый, но в то же время держался с заметным достоинством и подавал признаки хорошего воспитания и образования. Худой, с длинными волосами и карими глазами, в тёплой рубашке поверх футболки и весьма приличных джинсах. Раньше его многие знали в подъезде. Он был не против в юности попинать в футбол на здешней площадке. Учась в институте, резался в онлайн-игры, устраивая на квартире ночной гейм-клуб. Пару раз соседи вчиняли ему разнос за курение и гогот на лестнице в ночное время, но в основном были им очень довольны. Его родители – уважаемые люди, лучший образец советских евреев из инженерной среды – к тому времени переехали в Америку, прихватив с собой бабушку и часть скарба. По окончании института Костя рванул за ними, имея уже приглашение на работу от фирмы, где успел постажироваться за время учёбы. Жил как все – работал, путешествовал, увлекался и расставался.

Из интересного и существенного следует упомянуть важную деталь: ещё в самом начале переезда Костя решил жить

отдельно от родителей и снял квартиру в новом комплексе домов, выстроенном для заселения разного люда. На первой же неделе что-то испортилось в системе подачи воды, и его здорово ошпарило в душе кипятком. Можно сказать, обварило. Суд длился без малого три года, и по его окончании Косте была выплачена компенсация такого размера, какой ассоциировался у нормального человека только с ограблением крупного банка. Проработав в общей сложности около семи лет на фирме, он получил право работать на удалённом доступе и решил на какое-то время вернуться назад, чтобы отремонтировать квартиру после арендаторов и посмотреть на перемены.

Любимое занятие – катание на велосипеде – он быстро забросил после инцидента, когда кубарем покатился по мостовой от бокового удара машиной, а в остальном он был доволен, как, впрочем, довольны увлечённые люди, глядящие на жизнь через экран монитора и редко выходящие за дверь собственного дома. Не то чтобы он не видел или не понимал происходящего вокруг – наоборот, это его занимало, и он проводил значительное время, стучась в закрытые ворота человеческого разума с помощью сетевого метода общения. И постепенно уходил от поверхностного восприятия жизни, где всё должно было быть правильно, логично и честно, в сторону понимания других, более глубинных законов социума.

Очень быстро за разговором пролетело полтора часа, и

молодой человек встал с дивана с извинениями, что ему пора в скайп на совещание.

– А все материалы я вам залью завтра на комп, только не выключайте его из сети, – сказал он Директору. – Весь диск, как Вы просили, – повернув голову к Конфитюру, добавил он. Тот скосился куда-то под стол.

– Кто просил? – поинтересовался хозяин квартиры.

– Вот он просил, ещё утром меня разбудил, – сказал Костик немного рассеянно, указывая подбородком на патрона. – Да и профессор потом тоже звонил, – добавил он.

– Ясно, спасибо. Пойдём, провожу, – буркнул шеф.

Конфитюр сидел, сузив глаза и вжав голову, похожий на Джеки Чана, которому стукнули сковородкой по затылку.

– Что, сказать нельзя было? – обиженно кинул астроном. У него только что украли недавний триумф.

– А как Вы полагаете? – обратился тот к вернувшемуся из прихожей хозяину. – Неужели я за всё время не обнаружу субъекта, который бесцеремонно разглядывает содержимое компьютеров проживающего народа, да ещё и подключается к домашним веб-камерам и камерам охраны? Естественно, я первым делом с утра проверил наличие у него скопированной информации. Присматриваюсь я к нему давно, и вот что вам скажу: этот парень – находка. Нам по-любому нужен компьютерщик, админ и модератор. И для работы, и для нашего дела. Если сам не сможет, подберёт кого-нибудь на должность, но для нас с вами он со своим видением будет

очень кстати. Я собираюсь завтра же с ним поговорить.

Конфитюр откинулся на спинку дивана, посуровел на секундунду и спросил:

– Кстати, вы не находите, что мы завозились с рутиной и пора уже ускоряться? Как у нас с другими кандидатурами «Научного клуба» и помещением?

– Как ускоряться?! Тут бардак надо разгребать, документы восстанавливать и сортировать, втягиваться, – завозражал, жестикулируя, Директор-председатель.

– Это рутина, она никогда не кончается, и её никогда не бывает мало. Так мы никогда не начнём. Время важно.

– Хорошо, – махнул рукой председатель. – Ладно, в эту же пятницу, пока у меня в кабинете, можем начать. Если удастся отбить помещение бывшего магазинчика у города, то перделаем его в «Общественную палату». Тогда юрист, наш общественник, посмотрит документы и скажет, получится ли, а пока что у меня.

– Кстати, юрист – это номер один в моём списке. Человек с принципами и головой. И на деле уже многократно доказал свою порядочность. Я с ним говорил, он «за» обеими руками.

– Согласен, – подтвердил Конфитюр. – Полагаю, он и в ТСЖ будет незаменим, и для нас ключевая фигура. Плюс я привлёк банкира-армянина.

– Которого? Нарзака? – заинтересовался Астрофизик.

– Да, друг апачей. Есть возражения?

– Нет, я его давно знаю. Он ещё за «Локомотив» играл. Человек чести, только у него нервы совсем плохие стали.

– Это в быту. В работе он сдержан и по всем понятиям нам весьма подходит.

– Армянин – хорошо, – одобрительно проговорил председатель. – Еврея мы тоже сегодня нашли – ещё лучше.

– Откуда в Вас эта ксенофобия? – недоумённо поинтересовался разведчик.

– Как раз наоборот, – парировал тот. – Мой предшественник на заводе всегда говорил, что пока нет в команде еврея, начинать нельзя.

Конфитюр только махнул рукой и продолжил:

– Очень важно иметь физиолога, какого-нибудь толкового доктора, ещё лучше с другом – психологом-социологом. Без такого человека нам придётся гору литературы самим перелопатить, и мы потонем.

– Тут нам уже подфартило, – снова заулыбался профессор. – Чехонте – у него с три дюжины научных работ и статей, в том числе по общей физиологии, по поведению приматов, и даже есть по развитию жизни у первичных социумов.

Хозяин кривенько улыбнулся, но вид у него был довольный. Патрон щёлкнул зрачками, фиксируя позитив ситуации.

– Он очень заинтересован, только Вам бы с ним поговорить, – обратился Астрофизик к Конфитюру. – Он на Вас обижен. Ему пару раз блокировали электронный ключ –

идея-то Ваша, а он, солидный человек, должен был ходить на поклон к этому дурню – бывшему управляющему.

– Да-да, издержки финансовой дисциплины. Я понял, о ком речь, такой вылитый Чехов.

– Да, наш Антоша Чехонте. – И у Директора ухмылка растянулась наконец в открытую улыбку.

– Обязательно подойду, извинюсь и улажу, – подтвердил патрон. – Перед хорошим человеком я всегда готов шляпу снять.

– Теперь историк, – продолжил астроном. – Есть такой. Муж одной из наших завлабш, мировой мужик. Живёт, слава богу, здесь же. А кроме того, мы соседи по дачным коробкам. Он от царя Миноса и первых фараонов до наших дней всю историю по датам на миллиметровке вам разложит. Пенсии у него, считай, ноль, поэтому сам выращивает всё на приусадебном хозяйстве, литературу трескает в оригиналах под суп из ботвы. Умнейший мужик.

– Очень-очень кстати. Если всё пойдёт по плану (уж извините, забегу вперёд), может, сделаем образовательные группы для детей. Поможем и ученикам, и человеку, – по-доброму обещал Директор. – Кто ещё?

– Я бы ещё предложил Жереха, юстировщика. Спец, про которого я как-то говорил. Это человек точных наук, кандидат. Мы же такими мозгами собирались пользоваться, не так ли?

– Да, конечно, – припомнил патрон человечка, который

врезался в него в решающий день на узкой дорожке. – Только, кхм, он не чудила ли?

– Он человек, тонко чувствующий среду и энергетику. Да, с института помешан на метафизике и фантастике. Однако воду на участке найти – мы к нему. Квартиру зачистить, от которой все отказались, – он посмотрел на Директора и с молчаливого согласия показал на комнату, – бывшую лабораторию – мы к нему. У него расширенное мировидение и при этом ум практика – редкое сочетание. Ты как?

Вопрос, по-видимому, был обращён к хозяину квартиры. Тот помолчал и нерешительно как-то выдал:

– Я тоже думал, что человек подобного склада нам не помешает. Мир – это не только волны-атомы, мы должны всё время оглядываться дальше. Из всех людей подобного рода он самый вменяемый и, главное, не болтливый, насколько я знаю. К нему немножко надо привыкнуть, но, думаю, в деле от него больше пользы, чем вреда.

– Хорошо, плюсуем, – медленно кивнул патрон. – Пожалуйста, док, аккуратно переговорите с ним.

Астрофизик кивнул и стал в уме прорабатывать план, с кем и как начать разговор. Конфитюр же шёл дальше:

– Но это экзотика, а у нас провал по главной клетке – по экономисту. Какие-то, м-м, варианты нашли?

– А вы? – вопросом на вопрос вернул астроном.

– Мы – нет. Была ещё с месяц назад удивительно подходящая фигура, но с моей же подачи нырнул в новую работу

по самое не балуйся. Всё остальное – какая-то фикция.

– Вот и я спрашивал, поговорил с людьми. Нетривиальная, знаете, задачка. Экономистов полно, но это всё узкопрофильный народ или болтуны, вероятность найти реального спеца драматично стремится к нулю.

– Саша Глыбь, – предложил Директор. – Он вроде банковский аналитик и с головой.

– Всё равно профиль узковат, как я понимаю, – забраковал кандидата профессор. – Да и домой он всю неделю приходит к одиннадцати вечера. Куда ему?

– К одиннадцати, дружище – это потому, что он на стоянке по несколько часов сидит в машине, газеты читает и пиво пьёт. Я с ним вечерок посидел, потрепались по-старому.

– А чего ж домой не идёт?

– Ноги не несут – жена. Бывает такое. Машина есть, работа есть, деньги есть, а кому это нужно – непонятно. Я с ним переговорил бы, но... вот сейчас и сам понял, что рановато ему в наш клуб.

И тут зазвонил телефон. Все посмотрели на астронома, и он понимающе закивал головой.

– Ну, будет день – будет пища. Придумаем что-нибудь. С кадрами торопиться не надо. Договорились – в пятницу в семь, – резюмировал патрон, и концессионеры направились по домам: Астрофизик – на самый верх, а Конфитюр – в пустующую квартиру вниз.

Во время короткой заминки у лифта, сразу после пожела-

ний доброй ночи, патрон вдруг не выдержал и задал застоявшийся вопрос:

– Поскольку мы теперь на более короткой ноге...

– Да?..

– Не могли бы Вы открыть мне тайну: что есть исхименит? – Он лукаво, но добродушно улыбался.

– А-а, вот оно что! – Астрофизик посмотрел на него снова с удивлением, думая, как можно было расслышать это слово тогда, если оно было сказано тихо и с явной уверенностью, что объект удалился на значительное расстояние, не позволявшее никоим образом услышать этот комментарий.

– Пожалуйста, не думайте ничего такого. Это просто такой термин, не этнический или социальный, а скорее политический. Быстро объяснить не получится, сейчас-то точно. Но Вы навели меня на мысль, пожалуй, осветить его перед нашим новым сообществом. Думаю, всем будет интересно, а я, если получится, подберу данные к пятнице.

Лифт открыл свои двери, они пожали согласительно руки и разошлись.

Глава 5. Первое собрание

Пятница пятницей, а собрались только в субботу. Астрофизик проделал колоссальную работу, переговорив подробно с каждым участником и даже разослав вводные ознакомительные материалы, заблаговременно подготовленные Директором. Но именно он и стал в пятницу инициатором пере-

носа первого заседания на субботу, так как работа требовала его присутствия до глубокой ночи. Банкир радостно воспринял это известие, на горле банка уже затягивалась петля, пятница-вечер – это дурдом, и он хотел сам извиниться-отказаться перед друзьями, но суббота – более реально. Остальные тоже боялись сильно опоздать из-за пятничных проблем с транспортом. В общем, все согласились на субботнее утро, отменив свои выходные дела.

Скользя по утреннему снегу, засыпавшему первые лужи, члены нового академического клуба собирались в правлении Директора. От кого-то пахло утренней свежестью и пробежкой по крупнохлопчатому снегу, от кого-то – кофе и добротной яичницей с колбасой, а от кого-то – нерво-заживляющим, утром-укрепляющим коньяком. Все были в сборе и в полной готовности: Директор-председатель, Астрофизик-профессор, патрон де Конфитюр, Юрист-народник, банкир Нарзак, физиолог-медик Чехонте, историк-огородник Леонтий, юстировщик-лазерщик и эзотерик Жерех и самый молодой среди них – Костик-программист.

Вводное слово Директора было очень тёплым, с благодарностью ко всем пришедшим. Он ещё раз кратко озвучил цели и задачи собрания и застопорился. С какого бока подбраться к задаче, было непонятно. Его взгляд остановился на историке, тот как раз закончил набивать трубку.

– Лео, уж не курить ли ты здесь собрался?

– Естественно, с утра терплю! Дома и на лестнице мне по-

дымить не дают, а выйти на улицу было некогда – изучал с раннего утра ваши раздаточные бумаги.

– Ну и как? Какие-то мысли появились?

– Какие мысли могут быть от этого пустобрёхства? Сплошное теоретизирование. Маргинальные системы, пропорциональные, второе Политбюро, три ветви власти. Да, встретились внятные анализы и логичное описание, как всё должно быть правильно и почему. Это, как я вижу, кривое дерево, и мне говорят, что ветви у него неправильно кривые, а надо бы, чтобы они были правильными – вот так и вот так. Ну и что? Между тем, что есть, и тем, что надо – пропасть. И ветви не перегнуть, не выпрямить, и никто не даст этого делать. Нет, наш астрофаг, конечно, мне разъяснил, что вы собираетесь применить корневой подход, выпрямить, так сказать, через модификацию на клеточном уровне, но это уж к нашему эскулапу. – И он указал уже набитой трубкой на медика. – Я что-то совсем не представляю, как к этому подступиться.

– Что до меня, – принимая слово от указывавшей на него трубки, начал медик, – скажу прямо: я полон скепсиса. Не потому, что я считаю, что вы – простите, все мы – не способны создать что-то реально новое, оригинальное и весьма качественное. Наоборот, ещё как можем. Только, во-первых, мы будем изобретать велосипед. – Он снял и стал протирать свои кругленькие очки. – И как бы мы ни изощрялись, заходя, к примеру, не от руля, а от педалей-шестерёнок, полу-

чится всё одно. – И он утвердительно махнул очками. – Велосипед. Может, самый распрекрасный в мире, на котором действительно захочет прокатиться наш капризный и очень ленивый ребёнок – я, естественно, о народе. Но только он его раздолбает, да уж. Проедет, свалится или втемяшится куда и обязательно раздолбает. Возможно, об нас с вами. Если вообще папа даст ему сесть на велик. Да-с. Я так говорю не потому, что скептик, а потому, что давно наблюдаю за этим ребёнком и знаю, о чём говорю. И это было во-вторых, а есть ещё в-третьих, в-четвёртых и в-пятых. Но я пришёл сюда не бубнить, я всецело доверяю вашим талантам, други мои, и если мои познания и услуги будут вам полезны, то поверьте, для меня это большая честь, м-м, присоединиться. – Он замылся, включил висевшую на груди на серебряной цепочке электронную сигарету. – Несмотря на такие вещи, м-м, как, скажем, «дело врачей», – тихо добавил он, покосившись на патрона.

– Так, давайте-ка идите все курить на воздух, нечего тут, – решительно прервал его Директор и мотнул головой в сторону двери. – Через семь минут жду вас проснувшимися и готовыми начать.

Вышли все, кроме банкира и Конфитюра.

– Так себе настроение-то у них, – сказал первый. Было слышно, как недовольный астроном начал вправлять на ходу мозги выступавшим.

– А дисциплинка вообще аховая, я таких совещаний не

видывал, – добавил второй.

– Нет, поверьте, всё как раз правильно. Вы просто не работали с этой публикой. Первое, что им надо – это продекларировать, что задача нерешаема. Это развязывает им руки. Потом они включают мозги и начинают со свободной совестью копать, вгрызаться. Сейчас на улице у них и начнётся. – Он достал из-под стола походную газовую горелку и тазико-подобную турку. – Хотите пока кофе?

– Да нет, спасибо. Я как раз хорошо представляю, о чём они на улице говорят: о своих бабах или последнем снеге.

– А я бы не отказался, очень кстати, – вдруг сказал банкир в отношении завариваемого кофе. Он сидел, развалившись боком на неудобном стуле, и смотрел перед собой. Помотав в стороны тяжёлой головой, он кивнул в сторону вышедших. – Если уж они взялись за дело, то могут говорить о чём угодно, даже с жёнами ругаться или в душе мыться, а мозги, я знаю, работают, как у маньяка, не остановишь. Это вам не рабочие на повременной оплате.

Повисла пауза задумчивости, во время которой Директор оперировал с туркой. Они только успели сделать по глотку, как в комнату вошёл Жерех. Он не курил, но всегда ходил, когда думал. Взял предложенный бронзовый стаканчик с дымящимся кофе и спросил:

– А чего ты готовишь, как в походе, кофеваркой не разжился, что ли?

– Нет, просто люблю готовить на живом огне, пусть даже

газовом. Внизу огонь, вверху вода – меня это всегда настраивает на мыслительный процесс.

– С другой стороны, – неожиданно вошёл в кабинет Чехонте. Он встал посреди комнаты как есть в пальто, оставив вперёд левую ногу. В правой руке была ещё работающая сигарета, в левой уже появился бронзовый стакан с кофе. – С другой стороны, если заменить систему координат с велосипеда на систему «ребёнок-велосипед», то в таком ракурсе...

Он подождал, не меняя позы, пока зайдут остальные и остаканятся (стало ясно, зачем нужна была столь огромная турка), и продолжил: – Мой товарищ и соавтор последней работы – реабилитолог. Вы его не знаете, на ноги поднимает абсолютно лежачих детей с ДЦП, травмированных людей с поражением центральной нервной системы. Недавно его пятнадцатилетний пациент сел как раз на велосипед, а ведь до одиннадцати лет лежал пластом на постели. Папа его в клинику принёс на плече, как коврик. Так он поднялся – ходит, играет, учится.

– Склифосовский, давай ближе к нашей теме.

– Само собой. Думаю, если параллельно с изобретением «правильного адаптивного велосипеда» заниматься разработкой мероприятий по восстановлению рефлекторной деятельности, проприоцепции, развитию моторики и двигательных навыков, самоконтроля и обучаемости, то связка «велосипед-человек» может стать эффективным инструментом. Я говорю, естественно, в привязке к нашей теме.

Банкир с патроном вопросительно переглянулись. Похоже, они были единственными, кто не совсем понял выступление. Остальные одобрительно закивали. Заметив непонимающий взгляд банкира, Директор пояснил:

– Он имеет в виду, что создаваемая система должна быть ассоциирована с индивидом, управляющим ей, а не оторвана или, хуже, противопоставлена ему. А поскольку, говоря в его терминах, мы не собираемся проектировать инвалидную коляску, то система должна развивать и закреплять новые необходимые навыки. То есть мы сразу получаем двойственную задачу: изучение оператора, его потенциальных способностей, методов их реализации и создание системы управления, реализующей, помимо прочего, эти возможности.

– Да понял я, не дурак, – отконфузился Нарзак.

Доктор повесил пальто на спинку стула и сел на место. Астроном довольно улыбался, лёд начинал трогаться. Засветились глаза и у Костика, который поначалу был разочарован стартом собрания.

– Давайте я попробую начать, разогнать мысль, так сказать, – встал со своего места Юрист. – Мы говорим о системе наших прав и обязанностей и, если свои обязанности мы с вами исполняем справно и в полной объёме, во всяком случае присутствующие здесь, то наши права на гражданское самовыражение и политическую активность как работающих субъектов низведены практически до нуля.

Половина присутствующих знали его плохо, но были на-

слышаны о его альтруистической работе, жизненной позиции и, в частности, бескорыстной поддержке Астрофизика в поисках справедливости. Поэтому слушали его с интересом.

– Наши права на политическую жизнь, то есть на выражение своих взглядов и позиций как по делам местным и частным, так и общегосударственным, реализуются путём представительства во власти нами избранных депутатов. Так?! Нами избранных... Только дело поставлено так, что мы совершенно не знаем, кого избираем и чем они занимаются, а им совершенно наплевать на то, что мы о них думаем. Во как!

Он сел на край Директорского стола и продолжал:

– Так мы голосовали по партийным спискам, там паровозом кого хочешь, того и протащат. А нас убеждают, что мы, как ответственные граждане, обязаны идти на выборы, а то до власти доберутся более организованные враги демократии и истинной государственности. И как результат – вот кто из вас знает депутатов, которым по факту достались ваши голоса?

Все замотали головами, кроме Директора и банкира. Но это и понятно – к управленцам большого ранга власть предрержащие всегда выстраивали отдельные мостики.

– Лично я ни за кого не голосовал, – вставил своё слово астроном. – Меня никогда не устраивало, что меня используют вслепую, как дурачка, которому неизвестный господин может наобещать с три короба и впоследствии даже не удо-

сужиться вспомнить свои обещания как само собой разумеющееся.

– А если все окажутся такими умными, как ты? – в шутку спросил юстировщик.

– Вероятность того, что все окажутся такими же умными, как я, равна нулю, – ответил бородатой шуткой бородач. – Более того, скажу, что я ранее ходил голосовать против всех, показывая своё отношение к этому безобразию, пока нас не лишили и такой возможности исполнять свой гражданский долг. А наша партия «против всех», помнится, легко преодолела пятипроцентный барьер, но «аспиранты» решили, что мы тем самым демонстрируем свою безответственность и других подбиваем, и запретили этим заниматься.

– Профессор, – продолжил Юрист, – даже при частичном восстановлении мажоритарной системы – пардон, кто не читал, это когда вы голосуете за конкретного кандидата по округу, а не по партийным спискам – даже если у Вас будет право телефонного звонка или встречи с избранником – это ничего не даст. У нас царит повальная безответственность вверху, начиная от первой табуретки, и пассивность внизу по принципу «и этот соврал, и другой соврёт, поделывать ничего нельзя». Совершенно глухая патовая система. И она многогранна и хорошо защищена. Другая сторона этого дела – что голосовать просто не за кого. Пустыня, рукотворная при том. Ещё одна – что нет реального рабочего механизма реализации ваших потребностей через законодательное собра-

ние, только в теории. А если нет эффекта, значит, никому это и не интересно. Соответственно, получаем пассивность избирателей. Кроме тех людей, которые исполняют конкретные бизнес-цели – поэтому и публика там собирается сугубо специфическая, реализующая преимущественно коммерческие дела и свои идеи, необходимые для личной самореализации и продвижения. В редких случаях это может совпасть с вашими интересами.

– Не всегда так, уважаемый, – стал поправлять выступающего банкир. Его грузному телу было неудобно на маленьком стуле, и он периодически перекатывался с одной ягодицы на другую, вытянув ноги далеко вперед. – Там разные люди есть, и это важно помнить, не буду нагружать присутствующих примерами. Но в основном Вы правы. Извините, если перебил.

– Ничего, я лишь делал пояснения по существующему положению дел.

– И как Вы думаете это поправить?

– Поправить? – Он рассмеялся весело и незлобиво. – Вот уж скажете! Тут выбрать управдома и держать его под контролем у нас годами не получалось. Не только у нас, это системная болезнь. Когда законодательная инициатива исходит в восьмидесяти процентах случаев от исполнительной власти, являющейся здесь верховной, а законы принимаются по распоряжению, спускаемому сверху, то реальным избирателем является глава исполнительной власти. Понимаете

это?! И соответственно, этот глава реализует свои программы посредством партии власти и согласительных фракций. Власть же избирателей является фиктивной и регулируется демагогическими рассуждениями о том, что им в действительности надо, насаждаемыми через тотально контролируемые массмедиа. Что тут поправить? Убиться об стену?

– Тогда Вы позволите мне высказаться?

Народ с интересом переключился на банкира. Тот почувствовал концентрацию внимания на своей особе и ещё больше развалился на стуле, сложил ладони лодочкой между колен и ещё больше опустил голову, направив козырёк кепки совсем вниз. Видимо, ему было не совсем хорошо, и он протянул раскрытую ладонь в направлении стакана с остывающим кофе на столе председателя, как будто тот сам должен был телепортироваться ему в руку. Самый молодой и хорошо воспитанный Костя встал с места и подал стакан уважаемому мэтру. Козырёк благодарственно закивал. Выдержав паузу, достойную большого артиста, Нарзак начал:

– Если позволят присутствующие, я не вставая. – Но он всё же поправился и принял подобающую, приличествующую позу. – Ещё раз выражу свою позицию: я не совсем согласен с тем, что все депутаты в партиях и фракциях занимаются исключительно самообогащением. Но в общем, вы правы, и для своего объяснения я приму Вашу концепцию. Итак, мы все знаем, что избирая депутата, направляем его, как говорили в старину, на кормление. Там организована целая

иерархическая система столования: у главы – свои направления, у комитетов – свои. Не в меньшей, а скорее в большей мере финансирование ведётся через группы, аффилированные с силовиками и федеральными чиновниками. Вы всё это читали и знаете, во всяком случае те, кто хоть немного интересовался. Работники моей, так сказать, отрасли им в этом помогают: обслуживают контракты, раскассируют и выводят куда надо. Селяви. Но что делаете вы? Понимая, что человек идёт на конкретный заработок, вы отдаёте ему свой голос, фактически кредитуете! При этом совершенно не удосужившись спросить: «А как вы, наш дорогой, собираетесь вернуть нам наши денежки плюс интерес?!» Этаким беспринципный, преступно безответственный кредитный комитет вместо избирателей. А не спрашиваете, так он и не вернёт. И тогда вы хлопаете себя в очередной раз по бледным ляжкам и говорите: «И этот гад обманул!».

– Так у нас и нет никакой возможности спросить и проконтролировать!

– Нет, потому что вам это не надо. Вот это и есть ваша повальная безответственность. Вот когда у вас появится в этом потребность, тогда вы начнёте искать пути. Предложите, скажем, одному, чтобы он подробнее расписал свою программу по этапам, по действиям, по срокам и ресурсам. Контрольные точки, условия отзыва и прочее. Я уж не говорю про обеспечение кредита, это сейчас кажется вычурным, но погодите... И вот первый в популистских целях – допустим,

чтоб обскакать конкурента – поведётся и распишет вам свою программу. Выиграет, обманет и будет отозван, скажем, по утрате доверия. Потеряет обеспечение, пусть минимальное, но главное – получит яркое клеймо невозвращённого кредита. А это для публичного человека если не смерть, то мощный удар. Следующий будет осторожен и начнёт играть с вами внимательнее. Таким образом, вы будете выбирать именно человека с расписанной программой, а не просто Обещалкина, потому что сможете контролировать её и его. И лет через десять у вас на выбор будут профицитные программы, и вам уже будет не столь важно, насколько импозантный и красноречивый дядя их предлагает. Хотя его солидность и кредитная история будут не последним фактором. Реалистическая программа действий, временной график и расчёт ресурсов – материальных, трудовых и юридических! Я эту идею вколотил в банке, и знаете, откуда я её взял? – Он неожиданно ткнул толстеньким пальцем в председателя.

– А-а, так вот кто у нас банки поднимает! – съязвил Юрист.

– Я просто в своё время объяснил ему систему, которую ввёл на предприятии, – не оправдываясь, начал Директор. – Знаете, куча контрактов со сроками, производственный план, сбытовой, план испытаний, доработок и прочее. Совещания, координационные советы, летучки-планёрки и всё время срывы сроков, авралы и работа по выходным. И на всё свои веские причины. Я уж на потолок начал лезть.

Параллельно проводил сокращения. – Директора стало уводить в сторону, но все слушали его с интересом. – У нас с советских времён засиделась куча старичков – грамотных, опытных людей. Но время-то своё берёт, пенсюки постарше нашего места занимают, и зарплата по высшей категории с надбавками. Дыра. И выгнать нельзя – эдакие саксаулы с орденами и званиями.

– Аксакалы, – поправил его армянин.

– А-а, да, всё одно – дрова, – улыбнулся Директор. – Так вот, я их перевёл в почётный отстойник под названием «экспертная группа координации»! Дал комнату и парня-выпускника с компьютером – рисуйте, анализируйте, помогайте. Ан нет, на каждом еженедельном совещании встречаются, встают, докладывают, поругивают. Но в целом у них, то есть у нас, всё хорошо. Их парень даже им слайды подготавливал для проектора – сидит, крутит на экране общие графики запуска-выпуска... Как-то его шеф начал грызться с производственниками из-за новых срывов сроков. Загалдели все, не унять. И тут этот парень-выпускник как ляпнет мне, директору, напрямую в лоб: «А почему Вы не делаете сетевые графики по всем позициям, тогда и будут видны все отставания».

– Да-а, сразу видно, не служил, никакой субординации, – съязвил Юрист. – Уклонист – сто процентов!

– Точно, но сейчас о другом. Так вот, я это слово – «сетевой график» – с институтского курса по экономике не слы-

шал. Это-то ладно, но как на него все накинудись – и производственники, и плановики! Нет, сначала шутили, а тот упорствует – так на него так разорались, за Можай загнали. «Мы и без тебя с твоими графиками всё знаем. Всю жизнь здесь проработали, у нас все циклы и сроки в мозгах и печёнках. Все планы на столе!» Тот упорствует – дескать, этого не достаточно, вам из них ничего не видно. Кадровик уже решил его выгнать с совещания, но я остановил. «Инициатива наказуема, – говорю, – если не знал. Вот иди и делай сетевой график. Сколько времени нужно? А до той поры чтоб тебя не видно было!» Тот весь скомкался – у нас изделие из двух тысяч позиций состоит, там год рисовать эти графики вместе со стариками.

– Ну ты мудёр, – иронично влез Чехонте. – Справился с пацаном.

– Не наказать нельзя было. Уйдёт – ему наука, справится с задачей – знатного опыта наберётся.

– И что?

– Через две недели эти аксакалы требуют доклада на координационном. Формально их-то я не отправлял. Ладно, думаю, им в комнате не сидится. Вывешивают графики эти сетевые по главным двадцати позициям – мама дорогая! Там столько красных линий! Это которые с нарушениями сроков. Ну ладно бы на неделю, но там такое всплыло – по комплектации турбонагнетателями полный провал, полный! В мозгах у них всё, мать их! Чуть контракт с супостатами не со-

рвали. Хорошо, эти старички и припомнили, что мы когда-то такие воронежцам поставляли, нашли их на складах, провели аттестацию – сгодились, купили. Чудом управились, чудом!

– И что ты парню тому?

– Это только эпизод. Очень толковый был, я его до замнач планового довёл, но он уехал года через три, перекупили. Мне с нашей тарифной сеткой и надбавками его не удержать было. Хотя он успел и АСУшников привлечь, и планы в основе своей начертить и свести. С той поры, если мы уж и обгаживались, – он засмеялся, – то строго по графикам. Я Нарзаку рассказал грубо, как эти графики составляются, так он клиентов на кредитном начал мучить: принесите экономические расчёты, графики, контрольные точки, процентовки и прочее.

– Но то – производство, депутатская работа – это другое, – сказал Юрист.

– Поверь мне, дорогой, – опять заступил банкир. – Всё можно описать, рассчитать и спланировать. Стратегически. А уж тактически импровизируй или, вон, действуй по модной гибкой системе «Agile». Я говорю про депутатов уже, не про банк. Надо просто научиться готовить расчёты и научиться отчитываться. И если какой-то аврал или неудача, срыв, срочная работа, то ты объясни внятно, отчитайся. Если логично, то мы примем. Но на сегодняшний день это просто пандемия какой-то безответственности, с невнятной от-

мазкой навроде «а что мы могли». А ты думал? Ты спрашивал? Тут мозги надо менять, мировоззрение. И если говорить об избирательной системе, то избиратель должен научиться уважать себя и свой голос и контролировать выдаваемый кредит доверия, а не быть малышом с карамелькой – жертвой педофила.

– Ну Вы уж совсем, батенька, нас под плинтус загнали, – возмутился негромко историк. – Мы же в банках не работали, ваших ноу-хау не знаем.

– А я не вас, а и себя с коллегами тоже ругаю, – не унимался тот. – В банках, особенно государственных, такое же безобразие творится – абсолютно формальный, халатный подход, а на самом деле – та же безответственность, которая, кстати, является очень хорошей средой для преступлений. Например, в виде выдачи невозвратных кредитов. Что? Не так? – Он обвёл глазами присутствующих. Те согласительно повели бровями, кроме голосующего против всех астронома. Он всю дорогу бодрыми кивками сопровождал выступление банкира, словно тот выражал его персональные мысли.

– Идея Ваша звучит очень правильно, только электорат – это не оплачиваемый профессиональный кредитный комитет. У большинства нет ни знаний, ни навыков, – вступился Юрист, – чтобы анализировать и контролировать, допустим, такие вещи, как бюджет. Следующее: у многих на это просто нет времени. Для этого существует разделение труда, при котором каждый занимается тем, что умеет делать профес-

сионально. Далее: полный контроль избранника ставит его в подчинённое положение не только от воли избирателей, но и от их уровня ментальности. Понимаете? Это так называемая система императивного мандата времён Французской революции, от которой все давно отказались, перейдя к системе свободного мандата или доверительных отношений с депутатом, при которой тот может проявлять свободно свою волю и знания в интересах народа.

– Вот спасибо. – Банкир хлопнул себя по коленкам. – Наконец-то кто-то грамотно объяснил мне, почему мы должны лежать на печи, ничего не делая, и жаловаться на несправедливости жизни и мошенников-избранников.

– Вы оба правы, – влез в начавшийся спор юстировщик. – Мнение Нарзака, как мне кажется, исключительно ценно и интересно. Это просто такой системный посыл – программный график и система его контроля. Посыл, который необходимо просто доработать, довести до ума как конструктивный элемент с учётом справедливых замечаний нашего «народника». Возможно, надо просто вставить добавочный промежуточный контрольный элемент, эдакий эфориат, и всё начнёт замечательно работать.

– Чего вставить? Кому вставить? – спросил потерявший ход мысли патрон.

– Эфориат, – пришёл на помощь историк. – Это, если не ошибаюсь, веков так тридцать назад в Спарте введённая коллегия избираемых надзирателей за действиями царей. –

Он начал говорить томно, видимо, раскрывая арсеналы своей памяти. – Доказавшая за много веков свою состоятельность... И апелла – избираемый от народа круг старейшин...

– Достаточно, уважаемый, – перебил его Директор. – Прости уж, экскурс в историю оставим на следующий раз. Думаю, будет правильно изучить наработанные элементы прошлых поколений и заслушать отдельный доклад. Так? Это будет весьма полезно, а сейчас...

– А сейчас дай мне, пожалуйста, закончить, – резанул банкир и, не встретив сопротивления, продолжил: – Главной слабостью моей концепции является народ, те самые избиратели. Да, пассивный, необразованный и иррационально возбудимый народ! Если ты хочешь жить в хорошей стране, то должен сизмальства набираться знаний, необходимых человеку для исполнения гражданских функций, и привыкать, что часть времени обязательно нужно тратить на эту работу. Это как чистить зубы и умываться – сначала всем детям не хочется, некогда и неинтересно. Но проходит время, и мы не понимаем, как можно жить по-другому, и с неприязнью смотрим на неумытых сородичей. Ничего сложного здесь нет, это не квантовая физика, обычные знания. Тот же бюджет не помешает вести каждой семье. Это и будет развитое гражданское общество, уровень которого будет определяться уровнем членов, его составляющих.

Он замолчал. Его то ли опять замутило, то ли он искал слова. Все ждали продолжения, и, сделав, вероятно, послед-

ний глоток остывшего кофе, он продолжил с горловой хрипотцой:

– Меня очень сильно расстраивает то, как легко поддаётся народ массовой истерии. И интеллект здесь играет не перво-степенное значение, это случается и с достойными, разумными людьми. Это внутренняя неудовлетворённость, неустроенность и реваншизм, если хотите. – Он стал совсем грустный и захрипел дальше: – Разве такое может случиться с людьми, которые ценят свои права? Не словом, а делом, трудом заслужили их... Тогда ты и будешь ценить и уважать права других, а не осуждать и громить их на каждом углу. А так мы имеем пассионарный набор инфантильных личностей...

Он совсем охрип и замолчал, посмотрел вопросительно на председателя, как бы ожидая помощи, и перевёл взгляд на медика. Вспыхнул огонь горелки, забулькала вода, наливаемая в турку-тазик. Банкира, видимо, куда-то занесло хитросплетением его мыслей и пасмурным настроением. Но доктор его понял, встал и, сделав пару шагов, развернулся, обращаясь к присутствующим:

– Видимо, мне пока надо сделать некоторые пояснения в отношении употреблённых терминов. Пассионарность – это, согласно теории Гумилёва, некая генетически приобретённая способность или склонность определённого этноса, проживающего на определённой территории, к специфическому поведению, определяющую этногенез нации. Весьма спор-

ная теория о существовании некоей биохимической энергии живого существа, но не суть... Смотрите, различаются три фенотипа: сама, собственно, так называемая пассионарность или избыточная склонность к жертвенности, стремление к идеалу и переделу мира. Далее – нормальный гармоничный уровень, при котором эта жертвенность уравновешена с чувством самосохранения. И, наконец, третий, который, видимо, и имел в виду наш друг под словом «инфантильность» – это субпассионарность, характеризующаяся склонностью к лени, пассивности и паразитарному существованию. Инфантильность же – это, в общем случае, неспособность нести ответственность за свои поступки.

– Это инфантилизм? – уточнил патрон.

– Да, верно. В медицинской литературе это называется психическим инфантилизмом. Некая врождённая особенность головного мозга, приводящая к когнитивной – простите, психической – задержке становления личности, которая выражается в виде неспособности самостоятельно принять продуманное решение. Эдакая детскость. Этот тип людей любит заигрывать, интеллект их практически не страдает, и это важно в нашем контексте, запомните на будущее...

Кофе уже вскипел, и банкир самостоятельно до него добрался, налил в свой стакан и, достав из-за пазухи мерзавчик с коньяком, влил себе четверть. Остаток поставил на стол, видимо, для общественного пользования. Сделав пару глотков, он стал с интересом слушать доктора.

– Я как раз недавно читал о работе шведских коллег о медикаментозном купировании психической инфантильности у взрослых, но, – и тут он заулыбался, – я надеюсь, вы понимаете, что это совсем не наш случай. Да, почему всё же я применяю термин «инфантильность»? Потому что в западной литературе вы встретите другое значение слова «инфантилизм» – это сексуальная перверсия, когда взрослые переодеваются для своих утех в костюмы младенцев, подгузники там, чепчики, соски... И нечего смеяться.

Доктор искоса посмотрел на банкира, которому по всем признакам становилось лучше, и продолжил:

– К инфантильности детей, в частности, приводит и сверхопека родителей, запрет самостоятельно принимать решения. В отношении этноса работает то же правило – чрезмерное зажимание, изъятие прав на самовыражение и свободу. В нашем случае инфантильность народа – это наследие советского времени, когда не надо было переживать о завтрашнем дне, думать о реальных проблемах – за тебя всё решит партия. Это и переросло в трагедию нынешнего времени. Попытавшись создать новую жизнь в эпоху перестройки, наши люди встретились с большими трудностями, такими как: бандитизм, сепаратизм, рост коррупции. И вместо того чтобы найти путём немалых интеллектуальных и психофизических затрат достойные пути решения, стали искать папочку и радостно отдались в руки того, кто взял на себя ответственность, а вместе с тем и управление судьбами людей и

народа. Поэтому сколько бы вы ни призывали их быть ответственными, строить гражданское общество, внутреннее сопротивление будет только расти. И радостно восприниматься будет наказание людей, выбивающихся из общей парадигмы, осуждение тех, кто борется, пусть и безграмотно, за свои права и свободы. Это бегство от выбора, перенос ответственности. Это есть субпассионарный инфантилизм!

Кроме того, если позволите ещё минуту, современная цивилизация вообще подвергает человека соблазну стать инфантом. Торгонул бумажками, пришёл домой, сел на диван и уставился в экран. Там тебе все новости, страхи, игры, развлечения, голые девки, фейсбуки и прочие сети, фотообменники. Вот смотри, я нашёл приколы, а вот я на пляжу, а вот дура силикона перекачала, и ля-ля-ля, ля-ля-ля. Тёплый удобный мирок, там и поругаться можно на невидимого собеседника, и потроллить, и поумничать. А реальная жизнь отдаётся на откуп людям, по тем или иным причинам желающим большего, и причины эти зачастую ненормальны, нездоровы. По мнению зарубежных экспертов, сейчас инфантилизму подвержен каждый четвёртый в развитых странах. Понимаете масштаб? А у нас он складывается с тем, что я описал ранее. Картина, конечно, грустная. Хотя тут есть нюанс – это вынужденная задержка в психическом развитии в связи с информационным избытком цивилизации. Обычно лет в шестнадцать мозг молодого человека отбрасывает всю информацию и навыки, не нужные для вступления во взрослую

жизнь. Сейчас поток информации столь обширен и количество необходимых навыков столь огромно, что происходит вынужденная адаптивная задержка...

Поняв, что доктора не остановить, банкир по-дружески обнял его за плечи и сказал:

– Спасибо, док, лучше выразить мою мысль никто бы не смог.

Так, приобняв, он проводил его до своего места. Но физиолог, даже присев, не остановился:

– Поэтому ещё в самом начале я говорил: что бы мы ни изобрели – кредитный комитет с эфориатом в связке или что, нам необходимо всё рассматривать в привязке к системе психологической и личностной реабилитации самости народа...

– Я думаю, Вы немного излишне драматизируете, – вдруг заговорил де Конфитюр. – Излюбленное занятие русской интеллигенции на протяжении все истории. Послушание народа – это необходимая норма для государства, вырабатываемая веками, в том числе и при участии церкви. И перегибы этой системы преодолеваются в течение одного поколения. Не надо недооценивать молодёжь, как это произошло в Тунисе и Алжире. Главная проблема России, на мой взгляд – в извечной болтовне и неумении находить компромиссы. Давайте взглянем на историю государственных дум Российской империи и на работу последнего съезда Верховного Совета.

Банкир растерянно посмотрел на него и попросил:

– Может, мы все исторические экскурсы оставим до следующего раза? Лично мне будет очень интересно послушать подробнее, тем более что я твою мысль уже уловил, и это будет дискуссия подольше нынешней, к бабке не ходи. Хорошо? Ты уж извини по-братски. Уж коль я встал, разреши закончить. Окей?

Он снова подошёл к столу, взглянул на шкалик и повернулся к нему спиной.

– О чём я там говорил? Надо ж мысль закончить...

– Об инфантильности, – спокойно напомнил ему Конфитюр.

– А, да, точно, спасибо. Как результат картины, описанной уважаемым доктором, мы имеем тотальную, беспринципную систему общей безответственности. В которой верховное лицо может сказать, что кризиса не будет, а он случается через неделю. Где проворовавшиеся или провалившиеся министры и их замы легко находят высокооплачиваемую работу или меняются местами с другими министрами, врач делает преступную ошибку, и ему сходит с рук, банкир выдаёт необеспеченные кредиты и улетает на золотом парашюте. А платят за это вкладчики, и список, знаете, до луны. А главное, что это не лечится. Если начинать сажать, то работать будет некому, понимаете?

– Ваша самокритика достойна всяческих похвал, – подтрунил над ним Юрист.

Банкир смерил его грозным взглядом и продолжил:

– Недели две назад обратился к одному юристу – а точнее, адвокату – по поводу написания претензии на имя одного риэлтора. По личному делу – жену решили обсчитать. Так он с меня только за письмо взял тысячу зеленую и такую дрянь написал, что я его чуть не удавил. Я ему объясняю – он ни в какую. Говорит, мол, напишите сами, как видите. Пришлось самому написать. Он опять ни в какую. Так сразу нельзя, надо оставлять дверь открытой для переговоров. И начал мне расписывать стратегию на ближайшие годы, а уж сколько денег захотел! Чистый вымогатель. Я его послал, через пару дней сам со своим письмом поехал. Там надо мной смеяться вздумали – оказалось, этот юрист письмишко своё вперёд отправил, чтоб я с него денег назад не потребовал. За дурака меня поначалу приняли, так я им показал кузькину мать! Появился ихний директор, посидели, поговорили, он всё понял, и мы дело уладили. Ну ладно я попался, как остальных-то от этого юриста уберечь? На своём сайте он сам себе распрекрасные отзывы за чужими именами пишет. И спросу с него никакого!

– А чего ты своим юристом банковским не воспользовался, застеснялся? У тебя же все там ответственные, – спросил Директор.

И тут засмеялся патрон.

– Был я у него давеча в банке, знакомился со старшим юристом. У неё в шкафу китель висит с прокурорскими погонами.

– Как это, прокурор работает в банке? Да ещё где раскасируют и переправляют? – вдруг начал недоумевать вслух Костик.

Банкир подошёл к нему вплотную, навис всей массой и негромко спросил:

– Сынок, ты с луны свалился или к нам из Америки приехал?

– Я? Я из Америки приехал. А что?

Тут комната затряслась от смеха. И громче всех, стукнув себя по лбу, смеялся Нарзак.

– Ой, прости, прости, я же забыл, мне говорили... Надо нам с тобой и моим сыном как-нибудь в ресторан сходить, поболтать, объясню тебе, что здесь и к чему. Я приглашаю!

– Не вопрос, спасибо. Только если Вы примете моё ответное приглашение!

Они пожали друг другу руки, и Костик продолжил:

– А что касается той безответственности, всё поправимо, и сажать никого не надо и пассионарность вашу перемагничивать. Есть простой метод.

– Простой?! – Нарзак, уже начавший было двигаться к своему месту, остановился и развернулся. – Уж не поделишься ли? Я прям готов до понедельника сидеть и слушать, а то мы все мозги свернули над этой задачей.

Присутствующие с интересом воззрились на программиста, который встал в своём углу так, чтобы его было всем видно, а банкиру пришлось всё же сесть. Костя засунул руки

в карманы своих дорогуших джинсов и, опершись спиной на холодную крашеную металлическую дверь, начал рассказывать:

– Метод этот называется «системой репутации». Вы его, вероятно, уже встречали в торговых системах типа «Еbay», «Booking.com» и прочих. Суть его заключается в следующем. Любая сделка между агентами, то есть продавцом/поставщиком и покупателем/клиентом, проводится через электронный сайт третьего участника, который предоставляет торговую площадку первому и возможность оставить оценку или характеристику – второму. При возникновении спорной ситуации этот третий выступает в качестве арбитра. Сделка оценивается по факту её совершения по соответствующим ключевым параметрам, как то: корректность описания предоставляемого товара или услуги, коммуникативность сторон, точность выполнения описанных условий сделки по срокам, оплате и так далее. Таким образом, по факту выполнения сделки и только по факту оба агента, вступившие в отношения, получают оценку, отражающуюся на итоговой цифре их репутации, и третьи лица имеют возможность ознакомиться с оставленными комментариями. Заходя на сайт для заказа какого-либо товара или услуги, вы сразу обращаете внимание на два фактора: это репутация в процентах или по десятибалльной системе и количество проведённых сделок. Всё идеально не бывает, поэтому вы можете ознакомиться с комментариями предыдущих клиентов

и, соответственно, составить для себя общую картину о поставщике. Конечно, клиент имеет доминирующее положение, так как зачастую продавец не имеет возможности отказаться от предлагаемой сделки при низкой репутации покупателя, но всё же он защищён от клеветы и инсинуаций наглядностью сделки и наличием арбитра, который, естественно, в спорных ситуациях обращает внимание на репутацию покупателя. И в какой-то момент покупатель сам может стать продавцом/поставщиком или наймитом, то есть ситуация переворачивается, и тут уже его клиент обращает внимание на его репутацию. Эта возвратность будет являться ключевым фактором, понимаете? Это в простых типах сделки.

– Подожди, подожди, с твоим «Ибэем», прости господи, и так всё понятно, – вмешался Жерех. – Мне вот как-то привезли битую стиралку и тут же отказались заменить её по гарантии, так как я её сам установил, а не работники магазина за страшные деньги. Мне так и сказали, что я не являюсь квалифицированным специалистом и поломка, а это было треснутое стекло люка, произошла по моей вине, а значит, гарантия не работает. То есть я, технический специалист с университетским образованием и научной степенью, не способен правильно прикрутить два шланга и, мало того, первым делом, как натуральный идиот, решил постирать в барабане кирпичи. Не надо смеяться, именно так мне заявила по телефону девочка с тремя классами образования. Если бы не помощь паренька из его команды, – он мотнул головой в

сторону Юриста, – меня бы и дальше все посылали, а так через месяц заменили стиралку. Вот и смотри – арбитр в лице организации по защите прав потребителей был, а толку-то? Та девочка с её руководством как сидели, так и продолжают сидеть, наверняка отбивая таких же недовольных, как я.

– Как раз спасибо за пример, – продолжил Костик. – А то я хотел свой привести, когда мне недавно такая же девица объясняла, что это не они дефектный дисковод мне продали, а я в нём отвёрткой или напильником ковырнялся.

Банкир тут же забубнил про вывалившийся имплант, пытаясь снова перенять и развить тему. Да и по глазам остальных было видно, что сейчас посыпется шквал историй. Но программист выставил вперёд ладонь, как бы подавляя рост дискуссии, и, поскольку публика собралась интеллигентная, все поняли этот мягкий жест и продолжили слушать.

– Именно! Все эти события не были публично проведены в открытой системе с обязательной регистрацией и оценкой. Поэтому Ваш ритейлер, – он посмотрел на юстировщика, – и Ваш дантист, как и моя продавщица, продолжают дальше работать, в ус не дую. Если бы при содействии неоспоримых документальных фактов вы поставили им наглядные негативные оценки, в следующий раз они не были бы столь неосмотрительно наглы. И вероятнее всего, вступили бы с вами в переговоры, чтобы поправить ситуацию. При пониженной репутации фирме приходится сразу понижать цены и лебезить перед покупателями, чтобы оценка их деятельности выпра-

вилась за следующий период (допустим, год), а негативные или нейтральные отзывы потонули в хвалебных комментариях. Ну или закрываться в тяжёлых случаях, открывать новую фирму с нулевой репутацией и поднимать дело заново на пониженных ценах. Понимаете, что репутация становится оберегаемым капиталом?! А в случае с индивидуальными профессионалами, как Ваш дантист, это вообще двойная оценка – и клиники как ответственного юрлица, и доктора на всю его жизнь и лицензию, если бы таковая была...

– Да тебя по судам затаскают, – заметил Юрист. – Они и так переполнены, а тут лавина дел образуется, наподобие твоих ДДоС-атак. Коллапс судебной системы, сам понимаешь?

– Да, доказать, например, врачебную ошибку совсем не просто, – добавил доктор. – А кроме того, долго и дорого. Если уж только кто на принцип пойдёт. А так врачи своих не сдают. Другие, думаю, тоже.

– Я к этому и иду, – спокойно продолжал Костя. – Я вам сейчас всё и объясню, как это должно быть устро...

Внезапно его прервал громоподобный стук сзади в железную дверь. Парень прям отскочил от неё, изумлённо уставившись на председателя.

– Всё, за нами уже пришли, – захохотал Юрист. Остальные были менее оптимистичны.

– Открой, пожалуйста, – попросил Директор.

Костя потянул за ручку и обомлел от увиденного. На по-

роге стоял странного вида старик. С плеч до пола ниспадала накидка из какой-то плотной чёрно-синей ткани. Из под войлочной турообразной шапки на голове почти до пояса струились густые седые волосы. Глаз видно не было, их закрывали огромные косматые седые брови, как в каком-нибудь китайском фильме про древних старцев. Вид его был грозен. Медленно и уверенно, что-то бормоча, он двинулся вперёд. В его правой когтистой лапе сжимался солидного вида посох, который заканчивался наверху огромным обрезанным сучковатым наростом. Левая рука с такими же длинными нестриженными ногтями, как и на правой, прижимала к телу большие чёрные песочные часы.

– Ребята, пожалуйста, подберите ноги, – неожиданно сказал председатель. – Жерех, уступи место ненадолго.

– Что за Вий из Шаолиня? – бесцеремонно бросил Нарзак.

– Это Николай Николаич, бывший военрук, – негромко сказал патрон. Он уже встал и помогал старику сесть в кресло у дальнего конца стола.

– Человек всё отдал на благо людей, войну прошёл и испытателем бился, так что нех... шутить, – продолжал председатель. – Давайте маленький перерыв сбачаем, покурите пока, это ненадолго.

Старик сел, опёрся на посох и внезапно левой рукой шибанул часами, поставив их на стол. Песок быстро побежал вниз.

– Идём подымим, – сказал доктор. – Я расскажу о нём,

кому интересно.

За порогом сидела пожилая женщина – видимо, сопровождающая – она начала извиняться, но доктор её прервал. Нагнулся, что-то тихо спросил и, услышав ответ, одобрительно кивнул и по-доброму сжал её плечо. В кабинете, кроме Директора и патрона, остался только юстировщик, он сузил глаза, глядя на старика и, замерев, стал вроде как проваливаться в сон.

На улице, несмотря на разгар дня, было сумрачно, с потемневших небес сыпал тяжёлый мокрый снег. Доктор, пуская ароматный фруктовый дым, рассказывал остальным дымящим и просто присоединившимся рассказ о последнем госте. О том, как тот пролетал всю войну в истребительной авиации, как потом работал лётчиком-испытателем и дружил с Гагариным, как разбился, как собрали и поставили на ноги. Последней его работой была средняя школа, где он преподавал военную подготовку. Его боялись. Нрав был крут, спуску не давал, лупил указкой или своей тростью по партам так, что барабанные перепонки болели от звуков, похожих на выстрел. Но и любили, в нём было много замечательных качеств.

– Вот мне его бывшие ученики рассказывали, – повествовал доктор. – Как-то он болтал с физруком у школы, и на них с пятого этажа сорванцы бросили шар с водой, почти на голову. Физрук – тоже, кстати, добрейший человек – разразился бранью. Что же вы, трусы, мол, не выглядываете в окно, интерес-

но ведь, попали или нет. В ответ из окна деловито высунулась голова в противогазе, внимательно всё осмотрела и исчезла. Физрук аж побагровел, а военрук был очень доволен, находчивость и смекалку он высоко ценил в детях. Наказал их потом для проформы, но не строго. У бывших школьников, попавших в Афган, сложилась традиция – писать письма этим двоим с благодарностью за подготовку, они становились своего рода оберегом. Никто из писавших не пострадал. А физрук с военруком часто зачитывали их перед классом, чтобы настроить на нужный лад и привести в нормальное чувство хулиганивших балбесов.

Время берёт своё – не стало физрука, а военрука разбил второй инсульт. Прямо там, в кабинете, когда он вдалбливал своей тростью бывшему управляющему, что льготы ветеранам дают не просто так. С тех пор он сильно изменился, потерял практически речь, стал не переносить прикосновений к себе, постричь ни волосы, ни ногти не давал. Одеть его можно было, только аккуратно накинув сверху это «покрывало». Дотрагиваться до себя разрешает только внучке, которая раз в неделю-две приезжает с мужем и детьми. Носки ему штопает и какие-то весёлые истории рассказывает из детства, как один носок другой нашёл после длинной разлуки – прям телепередача. А носкам лет тридцать уже, живого места нет, просто вязанье из заплаток.

– Бабка раз носки эти надела, и у неё ноги перестали болеть, опухоль на суставе спала, – говорил, улыбаясь, Дирек-

тор в кабинете Кассандру. – Заговаривает внучка их, бабка её даже боится, та её иногда поругивает. Говорят, она и выглядит-то как бабкина сноха.

Патрон очень аккуратно помог деду подняться и проводил до двери.

– Вот здесь его второй инсульт и скосил, – продолжал Директор. – В грозу, поэтому как буря или снегопад надвигаются, аккуратно за полчаса приходит. Видимо, какая-то болезненная фиксация. Приходит права качать, а собеседнику даёт три минуты ровно. Эти часы ему на выход на пенсию подарили от педагогического коллектива.

– Он не буянить приходит, а защищать, – внезапно открыл глаза Жерех. – Странно это, но его как будто полностью здесь и нет, словно он между нами и небом. И всё же что-то его здесь держит.

Директор посмотрел круглыми глазами на входящего Чехонте, мол, с чего он это взял. Тот только повёл бровями и снял пальто со шляпой. Шедший за ним астроном тоже слышал последнюю фразу, как бы наклонился к другу и тихо сказал с улыбкой, словно это его спрашивали:

– Не знаю, откуда он это берёт, но поверь, всегда в точку. Я ему уже трижды спор проигрывал. Поверь, он просто такие вещи знает, знает и всё.

Последним был Нарзак. Он стоял под снегом, глубоко вбирая в себя холодный воздух. Когда с ним поравнялись старик с женой, он снял бейсболку и поклонился.

– Прости, отец, дай бог тебе здоровья.

Надел обратно убор с наполеоновским манером и решительно шагнул внутрь. Костик закрыл за ним дверь и стал ждать, пока все рассядутся.

– Ну давай, продолжай излагать свой новый мировой порядок, – кинул ему председатель, всё ещё переваривая последнюю фразу Жереха о старике.

Костя замялся, добавив к румянцу от свежего воздуха ещё пару тонов от волнения. Но ему помог Юрист:

– Ты хотел объяснить, как избежать вакханалии взаимных обвинений при твоей всеобщей системе репутации.

– Перво-наперво я бы хотел отметить, – ринулся в бой парень, – что изначально это добровольная система, и подписываются на неё только желающие. Те, кто готов принять на себя ответственность за свою работу, получая за это конкурентные рыночные преимущества. Покупатель скорее выберет ту компанию или специалиста, которые готовы участвовать в этой системе, готовы ко всем неприятностям, связанным с излишне придирчивыми или склочными клиентами. При этом они добровольно соглашаются на внутренний арбитраж как окончательную инстанцию. Конечно, никто не отнимает у них право обращаться в гражданский суд в исключительных случаях, а также никто не отменяет специализированные комиссии, верховный суд и прочее.

– Поподробнее: что за внутренний арбитраж? – спросил банкир и посмотрел на Юриста, но тот погрузился в свои

мысли.

– Я лучше на примере. Вот тот адвокат, что Вам нахалтурил. Всем прекрасно известно, что у них корпоративный сговор и деньги они берут вперёд, как общая практика. За некоторыми исключениями, где они железно уверены, что на комиссии от дела сидеть выгоднее, а то аванс попросят. Жаловаться потом на халтурную работу в адвокатскую коллегия или на коллегия в палату бессмысленно. Но вот допустим, зайдя в поисках адвоката в интернет, Вы наталкиваетесь на систему, представленную такой-то палатой, в которой участвует несколько начинающих коллегий или частных практиков. Смóтрите их репутацию, проставленную реальными клиентами, количество дел, отзывы. И скорее всего Вы выберете спеца оттуда, чем знакомого знакомого, который сам вроде ничего, и «контора у них такая солидная в самом центре». При этом финансовые обязательства в случае нарушения или ненадлежащего выполнения обязательств принимает на себя эта палата, являющаяся и арбитром. Финансируется это за счёт добровольных взносов коллегий или, вернее, малым процентом от их сделок. Палат же таких может быть несколько, и у них у каждой появится своя репутация. Доверяем же мы, в конце концов, «Ибэю». То же и по учителям, врачам, слесарям и прочим специальностям.

Он посмотрел на Директора и продолжил:

– И управляющие тоже, знаете, должны быть выученными профессионалами, со своей репутацией по жизни, а не про-

сто людьми из народа. Сейчас как? Не справился – значит, мы не того выбрали. Сегодня нам повезло, окей. Но предыдущей смены председателей не было бы со всеми выкрутасами, если бы это были профи со своей пожизненной системой репутации. Как только система вообще примет устойчивые параметры, тогда и алгоритмы действий её можно будет вовлекать и в уровень госуправления. Соответственно, у Вас, как у специалиста и профессионала, появится персональная страница с унифицированным реестром репутации. И куда бы Вы ни подключались, на какую бы работу ни нанимались, в этом реестре будут отражаться качественные характеристики Вашего труда по проведённым сделкам, клиентам и периодам.

– И Остапа понесло, – съязвил Нарзак.

– Нет, правильно, береги честь смолоду, – встал на защиту Астрофизик.

Его поддержал историк:

– А разве не так мы поступали сызмальства, неся ответственность за каждые свои шаги?

– И я всё, что ни делал, делал так, как если бы завтра с меня спросила отдельная комиссия, – продолжал Костя. – Я не о божественной. А кому-то соблюдать моральные нормы будет значительно проще, если он будет знать, что все дела могут быть оценены публично. Именно наглядность сделок и их оценка – это метод борьбы с безответственностью, о которой тут много говорили, и, соответственно, с коррупцией

любого вида и уровня. А арбитрами, как я уже сказал, будут являться те самые агенты, отвечающие за сделки и регистрацию репутации. Как бы их ни называли: лиги, палаты, союзы, профсоюзы. Или, допустим, агентства при платёжных системах и банках, которые раскрывают инкассо по коммерческим сделкам, осуществляют валютный и прочий контроль, ведут платёжную и кредитную историю, выдают гарантии по сделкам – им и карты в руки.

– Как идея – сыровата, но потенциал в ней есть, – промывчал Юрист.

– От скольких идиотов и проходимцев мне бы удалось откреститься по жизни, если бы я имел вначале хотя бы половину информации о них! А то ведь узнаёшь только потом, когда вляпаешься, – поддержал говорящего Директор.

– Ну банки давно создали систему внутренней межбанковской системы безопасности по клиентам, – поддержал и банкир. – Без этого было бы сложно.

– Давно ли? – вдруг переспросил Директор. – Лет двадцать назад ничего такого точно не было. И не только по клиентам, но и по банковским управленцам. Всё это создаётся сейчас, в последнее время. Парень прав: эта система – как камень, что пора подтолкнуть с горы. И если делать это не революционно, а эволюционно, то она будет развиваться действительно гармонично, на добровольных началах и нормальных мозгах, без чинуш. И бояться тут нечего. Думаю, информация по нам, нашей деловой и общей репутации и

так у кого надо имеется. Вот только качество её может сильно хромать, так как составители её сами не подлежат никакой обратной оценке.

Патрон понял, в чей камень огород, и уже хотел прервать своё затянувшееся молчание. Но тут астроном, засмеявшись, вспомнил:

– Как-то, лет десять назад или поболее, друзья моего сына хакнули один суперсекретный компьютер, и он принёс мне распечатку моего досье. Чего там только не было: и фарцовка привезёнными дублёнками (это в годы бывшего дефицита), и участие в оппозиционных разговорах, и научный плагиат. А главное, я оказался одним из ведущих экспортёров мороженой рыбы, да с такими оборотами...

– Да, да, – вступился посреди гогота Конфитюр. – Я читал. Это и сейчас там значит. Просто кто-то неправильно вбил Вам материал по докладной о Вашем однофамильце. Бывает такое... Хм... Конечно, не по всем можно раскрывать информацию. Не забывайте о закрытых работниках и, наоборот, об оступившихся людях, которым нужен шанс обнулиться и начать сначала. Но как общая идея...

– Мало того, – затараторил окрылённый Костик. – С помощью персонального устройства – типа электронного паспорта или сертифицированного приложения в телефоне – допустим, можно в метро или кафе ознакомиться с резюме и репутацией открытых личностей. Знаете, в коллективных играх это присутствует...

– И грамотно подкатить к понравившейся девушке, – как-то прохладно перебил его Юрист. – Исключив массу ошибок на первой стадии, да?

– Пусть и так, а ты уже считаешь это несущественной частью жизни? – подтрунил над ним неожиданно историк.

– Да нет, просто считаю, что он действительно предложил нормальное решение вопроса, поднятого в начале. Как-нибудь потихоньку дополнительно обмозгуем это дело. И очень хорошо, я нахожу, что для этого не требуются значительные ресурсы и масштабы. Начинать можно в любом месте с малого. Проблемы будут, но...

– Дорогу осилит идущий! – продекларировал юстировщик. – А у меня, пардон, уже начинаются голодные позывы.

– Давай я пиццу на всех закажу? – предложил банкир. – Лично я тоже проголодался.

– С вашими желудками, – вмешался доктор, – кефир, творог и каша. Какая пицца?!

– Мы уже хорошо поработали. Может, того, начальник, по домам?

– А кто запишет всё в протокол?

– Э-э, мы договаривались без записей. – Банкир как-то посуровел и посмотрел на астронома.

Тот сразу нашёлся:

– Пусть будет лишь структура основных идей и предложений, эдакая методичка.

– Вот и отлично, – встал с места Жерех. – А то я своей

обещал помочь пропылесосить, а время уж...

– Погоди, есть ещё вопрос, – стал тормозить его астроном. – Меня просили рассказать сегодня про исхименитов.

– Уж не знаю, созвездие это твоё новое или вымерший народ какой, – извинительным тоном забубнил лазерщик. – Но лучше присовокупим это к докладам на следующий раз. Об истории развития общественных политических систем, о работе госдум Российской империи. И твой, про этих, как их там...

Народ стал подниматься, и патрону стало неприятно, что его лишили ожидаемого рассказа. В очередной раз он подивился отсутствию элементарной дисциплины у научных мужей. Сидел только банкир. Как это Директор при его стаже позволяет такое поведение, пусть и независимым концессионерам? Он перевёл взгляд на председателя, тот только хитро покривился и изрёк:

– Исхимениты? Это те, про которых тебе рассказала Шахерезада?

Жереха как подсекли. Он дёрнулся, замер, и его словно повело назад. Эффект, произведённый одним только именем, был практически театральным, что, впрочем, имело необходимое действие и на остальных, которые потянулись на место вслед за лазерщиком.

– А впрочем, не царское это дело – пылесосить, – пробубнил тот и, как есть в пальто, сел на своё кресло у окна. – Ради такого дела можно и потерпеть.

Банкир достал из-за пазухи пакет с копчёными орешками и кинул голодающему бедолаге. Доктор тут же изъясил их из рук, вернув обратно владельцу, взял со стола начатую бутылку с водой и со словами «Тебе полезно за двадцать минут до еды» передал юстировщику. Все сели назад. Патрон оценил мягкий ход Директора, заодно ещё раз заметив степень влияния упомянутой персоны на знакомых с ней граждан.

– Рассказ, собственно, не будет долгим, – начал астроном. – Минут пять, не более. Этимология этого слова, к сожалению, неизвестна. Я его услышал только недавно, и, как следует из кратких объяснений, доведённых до меня, им обозначают некую группу людей, управляющих властью в стране посредством воздействия на меньшую часть населения, которая, в свою очередь, обеспечивает мнимое большинство на выборах. Это не теория заговора, а просто описательный элемент современных политических реалий в странах с демократическим устройством.

В самом деле, демократию мы понимаем как власть народа, власть большинства. Но если посмотреть на циферки, то получается интересная картина. Сразу говорю, моя выборка не претендует на статистическое исследование, просто беглый взгляд на основании общедоступных данных в интернете. Итак, начну с выборов президента России в 1996 году. Явка во втором туре составила 69%. Победил Ельцин, набрав 54% голосов. Сопоставив процент пришедших на выборы с процентом проголосовавших за победителя, получа-

ем, что реально его выбрало 37% населения, имевшего право голоса.

– Хорошая температура, а, док? – буркнул Нарзак.

– Нормальная, не сбивай его, – потеряв нос, ответил Чехонте.

– Следующие выборы президента России, уже в 2000 году. Явка такая же – 69%. Победил Путин с 53% голосов. То есть 37% населения. Такая же картина, да? Потом она уже меняется. Последние выборы Путина (2012): 65 на 64 – соответственно, 41,5% населения.

Далее возник спор о причинах повышения процента, затянувшийся минут на десять, где Юрист вспомнил, что Муссолини в 1923 году победил с похожими цифрами: 64% явка, 65% голосов. Они снова сцепились с банкиром и переваляли уже совсем в другую тему – о понятии «легитимности власти», широко применяемом при обсуждении дел в Сирии и не только. Из клинча их вывел Жерех, у которого уже заканчивалась вода, напомнив, что надо иметь совесть по отношению к окружающим и уважение к выступающему.

– Извини, дорогой, не я этот балаган начал, – уселся в кресло разбушевавшийся Нарзак. – Расскажи, пожалуйста, что там по твоим циферкам в европейских странах.

– Там так: во Франции в 2012-м в первом туре явка 80%, победил Олланд с 29%, что составляет 23% электората. Далее Германия в 2013-м. Явка 71%, побеждает Меркель с 41% – или 30% населения. Далее... Великобритания, парламент-

ские выборы 2015 года. Явка 66%, побеждают консерваторы с 37% – или 24% населения.

– Я уж забыл, зачем мы это слушаем всё? – встрял покрасневшийся Юрист, который ещё не мог прийти в себя после недавней перепалки.

– К тому, – мягко пояснил астроном, – что существует характерная цифра – где-то 33% – говорящая о том, что реальную победу на выборах верховной власти приносят голоса трети населения, имеющего права голоса. Цифры немного варьируются по странам – вероятно, по уровню развития демократических институтов.

– Хорошо, а за океаном, в этом оплоте демократии – Штатах – что?

– Тут я затрудняюсь, мне не совсем понятна была при беглом просмотре их система выборов. – Он вопросительно посмотрел на Костю.

– Да, да не вопрос, я поясню, насколько я это помню, – опять встал с места юноша. – Если конкретно говорить о выборах президента, то они двухступенчатые, и в итоге голосует коллегия выборщиков, что приводит к расхождению с реальным процентом голосов избирателей. Это создаёт проблемы для представления цифр в Вашем формате. Но по 2012-му я помню хорошо: ожидали рекордную явку выше 60%, но получилось чуть менее. А выиграл Обама с 51% проголосовавших.

– То есть те же 30%!

– И какой мы из этого можем сделать вывод?

– Такой, – предположил Юрист, – что в реалии активная треть, а не бóльшая половина населения, как мы привыкли полагать, определяет политическую жизнь страны. А значит, задача малой группы лиц, обладающих административным, и/или финансовым, и/или медийным ресурсом, резко упрощается и становится нормальной управленческой задачей по использованию этого самого ресурса.

– Соответственно, эту группу и их окружение ты называешь исхименитами. Что ж, ценное уточнение на будущее, – резюмировал председатель. – Спасибо.

– Есть ещё один момент, который я заметил при подготовке цифр. Думаю, он тоже будет интересен.

– Валяй.

– Это уровень явки на региональные выборы. Во всеобщий день голосования 14 октября 2012 года явка избирателей по Московской области составила в среднем 24%. Во многих регионах России проголосовали только 25-30%. На выборах в Мосгордуму 2014 года явка была 21%. Или вот: на выборы депутатов в Томске в сентябре 2015 года пришло всего 17%.

– То есть это просто слив выборов, – насупился Юрист. – А я вам говорю, выбирают сверху, а не снизу – поэтому никто и не идёт. У назначенных врио областей рейтинги всегда далеко за 60% и никакой «самодеятельности».

– Вообще-то в Нью-Йорке в 2013-м на выборы мэра при-

шло тоже только 24% избирателей. Я точно помню, поскольку живу там, в Сохо. Это нередкая картина и для других мест в Штатах и Англии. Народу просто, извините, пофиг. Мы с друзьями это обсуждали как-то на форуме. И причины там не в том, что назначают. Они скорее в том, о чём мы говорили в начале: в недоступности контроля и прозрачности, информативности. В невозможности оказывать какое-либо влияние на принятие решений даже на местном уровне, что и приводит к пассивности, к этой вашей инфантильности, когда людям проще выбрать центрального лидера и надеяться, что он поведёт в правильном направлении. Президент ведь – лицо публичное, всё время под надзором медиа. Вот и создаётся иллюзия, что его действия понятны и прозрачны, он не обманет.

– Ну как же так, как же так? – запричитал юстировщик, вид которого был уже палевым. – Ведь всё, что нам надо: больницы, школы, стадионы, парковки, дороги – всё это определяется здесь, на местном уровне, на черта нам госполитика?

– Не будем по второму кругу говорить об одном и том же, – сказал Директор. – Уже ясно, что отстраивать надо с низов. Повторюсь, нужна модель, которая будет применима не только на местах, но модель мультипликативная, прилагаемая на всех уровнях. Это и есть цель нашего сборища.

– Вы знаете, это всё так, – встрял историк. – Но было бы неправильно не упомянуть то, чего не сказал юноша и без

понимания чего ваша модель крякнется.

– И что это?

– Это лидерские качества, понятие лидера вообще. Так уж повелось, и, возможно, это зашито в нашей органике, что людям проще переложить свои стремления и, конечно, ответственность на человека, который, по мнению масс, способен эффективно нести это бремя.

– А что нам скажет академическая наука о лидере и власти? – попытался перевести стрелки банкир на доктора, который сидел безучастно, сложив руки на скрещённых коленях.

– Нет уж, увольте, это философия, тут вам не ко мне, а к огородникам, – любезно переправил он мяч обратно к историку.

– Да, тема не на один вечер, но я коротечко, минут на сорок, – благодушно и шутливо принял тот разговор на себя.

Но тут вскочил Жерех и с нездоровым видом ринулся вперёд:

– Это уж слишком, извините...

– Ты куда?

– Я тебе про твою воду потом расскажу, – кинул он, не оборачиваясь, доктору. – Экскюз ми, – чуть не протаранив Костика, буркнул он на галопе.

– Дверь в туалете плотней закрывай, а то от сквозняка будет хлопать, – едва успел прокричать ему председатель и затем тихонько добавил: – Похоже, с его желудком он уже по-

двиг совершил, пересидел, давайте потихоньку закругляться.

– Я совсем коротко, – слегка сконфузился историк. – Теорий на эту тему много, и все вы, конечно, проходили теорию марксизма-ленинизма с её понятием об обязательных предпосылках. Но вообще-то, по моему скромному мнению, никаких ярко выраженных предпосылок не было: ни при создании Персидской империи Киром, ни Македонской – Александром, ни Гуннской – Аттилой, ни Монгольской – Чингисханом, ни Бонапартием, ни Гитлером и прочими. Народ чувствует, что за счёт неординарных способностей лидера можно резко подняться, словно вытянуть выигрышный билет. И это совершенно противоречит той самой пассионарности, равно как теории Гурджиева об особой побуждающей энергии. Конечно, роль лидера огромна – без него построенное здание, как правило, рассыпается. Но важно заметить, и тут я согласен с Михайловским и Каутским...

– С Каутским? Тем самым? – перебил его банкир.

– Да, с тем самым. Вспомнили его у Булгакова? Так вот, они считали, что сила личности многократно возрастает, если за ней идёт масса, стремления которой совпадают со стремлениями лидера. И за это многое прощается. На этом я и остановлюсь, чтобы не отнимать ваше время. А так споры по этой теме ведутся от античности и не унимаются до сих пор. Там можно выделить и Гегеля, и англичанина Карлейля, и наших соотечественников Льва Толстого и Георгия

Плеханова. Если кому будет интересно, милости прошу на чай в мою беседку, с удовольствием расскажу.

Повисла тишина. По всему было видно, что силы и внимание присутствующих были исчерпаны. Поэтому председателю пришлось закруглять заседание:

– Хорошо, и с исхименитами разобрались. С инфантильностью, пассионарностью и лидерами – тоже кое-как. Наверное, можно и расходиться. Надо только накидать сухой остаток на бумаге. Костик, ты поможешь?

– Шеф, при всём уважении, это не моё. Я просто ненавижу писать. Если хотите, я лучше пол помою.

– Я помогу, – вступился историк. – Пусть парень уже отдыхает. Это нам, старикам, делать нечего, только и остаётся что читать-писать, а молодёжь пусть развлекается.

Народ стал расходиться. Нарзак подхватил Костика и поволок его знакомиться с сыном. У него уже явно созрели планы, как достойно провести вторую половину выходного дня. Доктор пошёл искать Жереха. Юрист, торопливо извинившись, побежал по делам. Патрон остался сидеть в углу у радиаторной трубы. Вид его был вдумчивый и отстранённый. Историк подсел к столу председателя и начал писать быстро, с интересом выцепляя главное из резюмирующих слов собеседника.

Прошло минут десять. Они писали. В коридоре всё ещё бубнил доктор, бережно опрашивая освободившегося Жереха. Тот вскоре зашёл в кабинет вроде бы забрать одежду, но

тоже присел к столу и, когда писанина закончилась, как бы нехотя начал разговор:

– А вы заметили? Он сказал: «Перемагнитить пассионарность».

– Парень-то? Да, и что?

– Я вот тут задумался: а к кому относятся программисты? К гуманитариям или технарям? Ведь вроде пишут на виртуальных языках программирования – значит, гуманитарии. Но при этом описывают модели, создают алгоритмы – то есть они разработчики.

– И?

– Перемагнитить пассионарность этноса... Значит, он её воспринимает как некое совокупное поле, запасённую энергию, способную менять свои свойства и характеризующую петлёй гистерезиса, понимаешь? Значит, точно технарь.

– Не мучайся, он скорее айтишник, а не чистый программист. Так что ты прав – технарь. Но...

– О-о, неплохо для бывшего директора, – буркнул разведчик, но вид его по-прежнему был отстранённый.

– А мы, по-твоему, современную технику всё на кульманах создаём с логарифмической линейкой? – пропустив колкость, ответил председатель и, повернувшись обратно к Жереху, тихо спросил: – Ты к чему это? Что-то хотел?

– Да, есть в этом один неприятный момент, но я о нём лучше потом как-нибудь... Я тут пока сидел... там... подумал о лидерах и людях. – Он взял со стола модельку вращающейся

молекулы и заговорил на своём языке: – Вот человек, по сути как молекула – он под воздействием внешних факторов или собратьев возбуждается, создаётся инверсия нацеленности, и он излучает на определённой длине волны. Чем выше накачка, тем активнее излучение. Важно, до какого уровня он возбуждается, что будет излучать. Всё это спонтанно и потому рассеется. Но вот лидер задаёт общий тон, как бы выставляя резонатор, и появляется мощное, синхронное, когерентное селективное излучение. А всё остальное, как бы интересно и важно оно ни было, исчезает, не генерируется. И наши главные тональности, к сожалению, совсем не хороши. Но сильны. Это, допустим, агрессивность и обиженность – получаем военный реваншизм. Жадность и алчность – получаем повальный «МММ». А тщеславие и гордыня? А религиозный фанатизм? И их энергия нарастает сама по себе, она не конечна, в отличие от тепловой энергии в процессе горения. Алчность порождает ещё большую алчность и растёт дальше. Но наши лучшие качества – это обертоны, понимаешь? Творчество, духовный поиск, любовь. Строить излучение на них – это наука и искусство.

– Лазеры – не мой профиль, ты же знаешь. Хотя всё, что ты говоришь, мне прекрасно понятно. Резонаторы – это чисто твоё. Вот и придумай, как можно всё было бы выстроить по уму, генерируя только самое «высокое» излучение.

– Да-да, это чертовски интересно, – подключился историк. – Создать гиперголоид, в котором резонансом усили-

вались бы лишь лучшие черты человечества. И творчество, и духовный поиск тоже ведь бесконечны. Почему бы не попробовать на них...

– Только для определённой группы лиц, для меньшинства, – согласился юстировщик. Его смущал пристальный взгляд внезапно пришедшего в себя патрона. – Но есть техническое решение: когда нам надо создать излучение не на главных тонах, мы проводим селекцию в специальной среде «генератора», а затем уже выводим в основной объём «усилителя». Понимаете мою мысль?

– Пожалуй, да. Конечно. Поведение, лучшие манеры всегда задаются элитой. И затем должны выводиться в общество, чтобы пробудить и в нём лучшие качества. Направить, так сказать, все чаяния и стремления, всю энергию в правильное русло.

– Только как это сконструировать на деле? Человечество – сложнейшая среда, законы его поведения слишком нестабильны. Тут перемешано всё – от божественного до низменного.

– А ты не спеша. У тебя, мне кажется, лучше, чем у всех нас, это получится, – приободрил его Директор. – Ну а мы уж подмогнём. С Антошей Чехонте пообщайся обязательно, он как раз тебе через молекулы, аминокислоты, ДНК и видовое поведение всё человеческое разложит, ему только дай на эту тему поговорить.

– Ты что, всерьёз хочешь, чтобы я сконструировал... э-э...

генератор человеческого света? – Он искренне заулыбался. – Такие вещи сродни утопии, хотя, – он совсем опустил глаза, – я об этом и раньше думал.

– И знаешь, не ты один, просто все по-разному. Мы все здесь за этим и собрались, по мере сил, мда... А ты просто начни, покопайся в настройках этих людских обертонов и, главное, давай подумаем о том, как выстроить правильно этот твой резонатор. Нырни с доктором в изучение свойств людской «активной среды» для начала, а потом будем рисовать конструкцию. А ты есть уже перехотел?

– Нет, сейчас пойду. Просто от вас ведь быстро не отделаешься, так и окочуриться можно. – Он подскочил, вспомнив про супругу, дошёл до двери. – Давайте, может, вечером ещё посидим, в карты сыграем? В преф лет десять не играл. Хорошо?

– Я с удовольствием, – широко улыбнулся Директор, и, под одобрительные кивки остальных, Жерех рванул к себе домой к пылесосу и сердитой жене.

Оставшаяся троица решила быстро пробежаться по протоколу заседания «местных мудрецов». После небольшой доработки вечером он стал выглядеть так:

Абстракт. Часть первая

Требования к депутатам по подготовке программы и правила отчёта

Подготовка выборов должна проводиться путём разработ-

ки и представления предварительной программы на полный срок депутатства. Программа включает в себя набор задач, поставленных совместно с избирателями в соответствии с их пожеланиями и требованиями и сведённых в единый комплекс методов и путей их решения, разработанных кандидатом, а также оценку необходимых материальных, трудовых и административных ресурсов. По каждому значительному событию или задаче программы представляется отдельный график или оперативный план.

Программа сводится в единый график со сроками выполнения задач и увязкой между собой составляющих элементов. По событийным точкам и оперативным планам представляется регулярный отчёт/доклад контрольной группе избирателей. Отчёт является общедоступным.

Выборная работа избирателей и действия контрольной группы подобны работе кредитного комитета банка. Необоснованные отклонения депутатом от предвыборного графика/программы и/или внесения дополнений и поправок, не отвечающих интересам избирателей, равно как пассивность и бездеятельность избранника, приводят к приостановке его работы контрольной группой и созыву внеочередного собрания избирателей.

Любое некорректное поведение или отношение к вопросам, связанным с работой и полномочиями депутата и его штаба, ставшее объектом внимания избирателя и не получившее удовлетворительного объяснения со стороны из-

бранника в установленный срок через соответствующую процедуру общего или индивидуального ответа, направляется на рассмотрение контрольной группе и по её решению выводится для всеобщего обсуждения на форуме избирателей.

Система гражданской, профессиональной и деловой репутации

Каждый гражданин изначально должен обладать регистрируемой гражданской или общественной репутацией. Система гражданской репутации учитывает/регистрирует его общественную и гражданскую работу по отдельным деяниям и систему гражданских достижений, регламентируемую госорганами в соответствии с положением «О системе гражданских достижений».

Достижения – это взаимоувязанный комплекс совершённых деяний, имеющий ветвистую структуру и направленный на стимуляцию исполнения своих обязательств и непрерывного роста индивида по заданным параметрам. Достижения делятся на периодические, подтверждаемые и одноразовые, а также на индивидуальные и групповые. В области гражданского, общественного ценза достижения исходят как из обязанностей, установленных Конституцией, Гражданским, Административным и Семейным кодексами, так и из добровольных обязательств и стремлений, определяемых общественной моделью поведения и параметрами индивидуального роста личности как носителя идеи государственности, общественного порядка и развития. (Тема требует дальней-

шего раскрытия.)

Каждый гражданин, объединение в форме юридического лица или общественное объединение, являющиеся субъектами производственно-экономических отношений, должны иметь двойную оценку в системе профессиональной (деловой) репутации.

Первая оценка отражает профессиональный рост и достижения. В простейшем виде представляет собой хорошо известные разряды, степени, категории, звания и пр. Более прогрессивная шкала разрабатывается соответствующими государственными профильными институтами на основании стандартов обучения и достижений в градации профессиональной деятельности. На начальном этапе шкала разрабатывается «снизу» непосредственно объединениями участников (агентами), такими как: лиги, палаты, союзы, министерства и сообщества. Далее они систематизируются, компилируются и стандартизируются на госуровне, чтобы устранить «цветастость» и хаотичность.

Присвоение/отметка достижений проводится упомянутыми агентами при условии аккредитации последних государством. Неформально каждое объединение вправе разрабатывать систему достижений в собственных терминах при условии неупотребления стандартизированных терминов. Подобная градация достижений должна приводить к уверенному и облегченному пониманию специализации индивида или объединения, его профессионального статуса и места на

шкале профессиональной градации, стремления к росту специалиста (объединения), исходя из внятных и прозрачных перспектив получения достижений и соответствующего профессионального статуса/разряда.

Вторая оценка отражает непосредственно профессиональную или деловую репутацию, определяет общий уровень субъекта производственно-экономических отношений по факту оконченной работы, исходя из нескольких основных параметров, таких как: корректность описания субъектом предмета работы (товара, услуги, законченной части контракта etc.) и её цены; своевременность исполнения; коммуникативность, включая своевременную реакцию на непредвиденные изменения и внесение корректив. Конкретные оценочные параметры стандартизируются по отраслям и направлениям. На начальной стадии они разрабатываются и устанавливаются объединениями/агентами, которые:

а) предоставляют площадку для регистрации работы и её участников;

б) ведут учёт репутации участников по фактам проведённых сделок/работ, исходя из установленных систем оценки;

в) являются полноправными арбитрами участников;

г) предоставляют необходимые сервисы, такие как платёжная система, и вспомогательные сервисы, такие как экспедиторские услуги или страховая система;

д) являются гарантом соблюдения и удовлетворения сторонами взаимных интересов.

Важно! Вторая оценка отражает репутационный статус по сегментам профессионального статуса (первой оценки).

Глава 6. Вторая часть собрания. Спонтанная

Как видно из текста Абстракта, он был доработан тем же вечером при участии большего числа комиссионеров. В квартиру Директора к девяти часам подтянулись практически все, кроме банкира. У Нарзака были другие планы, он привёз очень довольного и при этом почему-то совершенно трезвого Костика, извинился и поехал дальше. Астроном к тому времени оккупировал кухню и самостоятельно нажарил кучу картошки, совершенно уделав плиту. Никто есть не хотел, но картошка вскоре растаяла с тарелки. Юстировщик, принёсший свои тапочки, сел напротив Директора, который красовался в роскошном, но строгом шёлковом халате поверх рубашки строгого покроя. Астроном занял центральный диван. Напротив него, лицом к входу в комнату, сел патрон в деловом костюме, но без галстука. Медик с Юристом расположились в другой комнате и увлечённо беседовали. Один, поджав под себя по-восточному ноги, в тёплом спортивном костюме, расположился в глубоком кресле. Второй, в джинсах и фланелевой рубашке, сидел на крае стола. Они говорили оживлённо и громко, притом настолько, что остальные периодически вставляли им существенные замечания.

За столом же шла неторопливая беседа с беззлобным юмором, а из соседней комнаты к ним прилетали обрат-

ные комментарии. Историк сначала бегал глазами по полкам. Выбрав пару фолиантов, он уселся в кресло напротив телевизора, недалеко от юстировщика, и полностью погрузился в чтение. Иногда он выныривал из страниц, чтобы ответить на вопрос или самостоятельно вставить реплику, из чего было видно, что и беседу он не оставлял без внимания. Его никто не трогал упрёками, напротив, выбегавшие на кухню проявляли о нём заботу, периодически обновляя травяной чай в его кружке. Вероятно, все понимали, что в определённом возрасте умная книга, хорошие собеседники и неторопливый разговор – это лучший отдых для эрудированного человека.

Костя не играл раньше в преферанс, поэтому поначалу набирался опыта, глядя в карты хозяина квартиры. Но потом, несмотря на то что неплохо играл в покер, умудрился выражением лица провалить мизер Директора и был отправлен следить за картами злопыхающего Жереха. Тот изначально возмущал публику тем, что на середине розыгрыша объявлял расклад в картах и у кого сколько взяток. Получив в нагрузку Костю, он едва заметной пантомимой пытался объяснить ему, кто и как сейчас будет играть. Косте же скучать не пришлось, игроки неспешно навалились на него, как ничем не занятого, с вопросами, требующими раскрытия ранее поднятой темы – о системе репутации. Видимо, каждый по-своему уже переварил её за прошедшие часы. Расписывая пульку, комиссионеры двигались дальше. Как и говорил кто-

то утром, невзирая на то, чем они сейчас заняты, их мозговые шестерни трудятся, перемалывая гранит поставленной задачи.

Костя, как мог, в ретро-терминах объяснил, что главное во всём – это статус человека, статус как гражданина, как профессионала или участника какой-либо группы по интересам. Мировоззрение это было сформировано на базе компьютерных игр внутренним геймплеем – простите, игровым процессом – которым занимались целые бригады умудрённых психологов и бизнесменов. Как результат, десятки миллионов игроков наиболее активного возраста фатально втягивались в игру, затрачивая кучу времени и сил, а также (и это не в последнюю очередь) немалые реальные деньги, чтобы двигаться по предложенной иерархической лестнице, зарабатывая игровую валюту, усовершенствуя игровые вещи и оборудование, а главное – поднимая свой статус как игрока.

Костя объяснил, что втягиванию в эту борьбу за развитие способствовала система оценок и ачивов – или, говоря по-русски, достижений. Именно на них растёт главное понятие игрока – его статус! Достижения говорят об опыте и умениях игрока, а главное – открывают возможность получения новых, более сложных заданий, а значит, новых ачивов, что влечёт за собой дальнейший рост статуса, уважения, могущества и новых горизонтов игры. Достижения становятся видны всему игровому сообществу, и среди друзей и соклановцев принято поздравлять получателя ачива, каким бы

ничтожным он ни был на первых порах.

Доктор исполнял роль оппонента и периодически выкладывал хорошо всем известные тезисы о психической деградации геймеров, их самоизоляции от внешнего мира, замкнутости, снижению работоспособности и успеваемости. Поскольку этот разговор хоть и косвенно, но всё же относится к нашей теме, он будет приведён во второй части. Наш программист не сильно возражал, но пытался выловить оттуда позитивные моменты. В частности, он отметил, что система игр так закручена, что школяры-троечники тратят кучу времени, лазая по иностранным сайтам, находят, самостоятельно переводят и выкладывают для всеобщего пользования сложнейшие игровые гайды. Обсуждают их, пересчитывают в электронных таблицах, разбирают в видеороликах, апробируют на собственном опыте и самостоятельно переделывают. По объёму это тянет на серьёзную институтскую курсовую работу. Остальные вчитываются, вникают, тоже пересчитывают и обсуждают. Но в обычной жизни по скучной школьной теме они и абзаца написать не могут.

А дисциплина? Разгильдяи строятся в шеренги на игровых смотрах, отрабатывают совместную тактику в движении, перечитывают гайды перед серьёзными мероприятиями и отрабатывают командные манёвры, чтобы не подвести других. Некоторые, в весьма редких случаях, чрезмерно увлекаясь, теряют сознание от обезвоживания и усталости. Такова степень вовлечения населения в онлайн-игры!

– Да, меня как-то родители восемнадцатилетнего дитяти пригласили посмотреть его до прихода психиатра, – вклинился опять доктор из соседней комнаты. – Парень просто, пардон, обделался в кресле за компьютером. Родители в шоке – в его возрасте они уже подтирали зад своему первому ребёнку.

– И что?

– Я поговорил с парнем, он полный адекват. Ему было очень стыдно перед родителями, прям до слёз, но он объяснил, что в их группе он был масс-медиком или, как они говорят, хиллом...

– Коллега Ваш, получается, – буркнул историк.

– Да-с, получается. Так вот, он не мог оставить товарищей ни на минуту во время длительной осады какого-то ихнего важного замка. А диагноз у него был – острый гастроэнтерит с сильнейшей диареей. Но осаду-то, видите ли, они готовили неделю! Я, конечно, где-то его понимаю, но всё же...

– Вот и молодец, настоящий боец, – вклинулся патрон. – Можешь обделаться на поле боя, но товарищей бросать нельзя! За такие вещи награждать надо, а не психиатру сдавать.

– Возможно. В общем, родителям я объяснил, что это накладка произошла. Что при такой инфекции они следующие на очереди в туалет, и, не ровен час, их тоже может прихватить эта зараза. Скажем, в пробке, что, конечно, облегчит их понимание произошедшего с сыном и даже сблизит. Но лучше всем срочно садиться на рисовую диету и обильное питьё.

А далее... – Он вышел на свет из комнаты. – Куча историй с реальной зависимостью, прогрессирующей истерией, недосыпами, просаживанием денег, замкнутостью, ожирением...

– У всего есть обратная сторона, – вступился за Костю Астрофизик. – У моего сына тоже голова съезжала, было дело. При том, что он не дурак, и спортом занимался, и с девушками встречался. Это действительно говорит о серьёзной продуманности этих забав разработчиками. Если бы такую работу возложили на госорган или комиссию с их «специалистами», то, всем понятно, мы бы получили прокрустово ложе, в котором или конечности поотбивают, или голову оторвут. Получается, что нам, именно нам надо разобраться, правильно выбрать оттуда самую суть заложенной системы, чтобы и сохранить детей в реальной жизни, и перенести модель заинтересованности на наши настоящие дела.

– Да, пока одни раскрывают свои таланты в виртуальном мире, – заговорил Юрист за спиной Чехонте, – другие, хм, троечники хапают не по-детски в нашем мире.

– Перенести не получится. – Доктор наложил со стола в тарелку кучу печенек и мармеладок, долил в кружку кипятка и направился обратно в комнату. – Могущество, получаемое там одним нажатием игровой кнопки, никогда не сравнится с длительным и скрупулёзным трудом здесь. Там – топ-хилл за две-три недели со всеми регалиями, здесь – начинающий доктор через восемь тяжёлых лет обучения и практики. И впереди ещё очень долгая тернистая дорога до мастерства и

уважения.

– Тот получает от работы настоящую радость и отдачу, кто может тяжёлый труд и обучение превратить в игровой процесс, – менторски заговорил Директор. – Кто чётко и надёжно видит свои перспективы в ближайшем будущем.

– Или кто может хапнуть по-быстрому, – вставил патрон.

– Это как частный случай, хоть и характерный, – согласился хозяин. – Ну куда ты с тrefы заходишь? – бросил он лазерщику. – У него же пара дама-король!

– А вы знаете, что за всю жизнь Винсент ван Гог продал лишь одну картину – «Красные виноградники в Арле»? – вставил историк. – И то своему брату, владельцу художественной галереи.

– Нет, король у астронавта, так что мы сейчас кого-то без двух оставим, – парировал Жерех хозяину, не преминув понимающе кивнуть историку. – Костя, тема с поносом уже исчерпана, так что, пожалуйста, продолжай про статус, лично мне весьма интересно.

Юстировщик быстро двигал кончиками пальцев по картам, как бы всё ещё объясняя молодому своё видение расклада возможных ходов. Но его центр мыслительной деятельности параллельно был загружен подготовкой к работе над созданием нового «генератора» и идеи управления новой «активной средой», что и выжалось в его интересе к рассказу программиста.

Костя сломал маленькую баранку в руке (она, наверное,

уже была тридцатой по счёту) и начал:

– Надо понять, по каким направлениям жизни человека необходимо ставить статус. Первое, что очевидно приходит на ум – это профессиональная деятельность, которая закладывается ещё в школе. У кого-то, как у Моцарта, ещё раньше. В общем случае на человека открывается отдельный, персонифицированный, стандартизированный и защищённый, как банковская карта, электронный файл. Мы его будем видеть как личную страницу в соцсетях. И поехали заносить туда: первый зуб, первая прививка (соответственно, страничка сразу должна быть увязана с медицинской картой). Далее, допустим, школа: первая пятёрка, первый десяток, потом сотня пятёрок. Двойки и провалы тоже отмечаются, но в сглаженной форме. Это те самые события, достижения, которые регистрируются и за которые вы получаете или теряете какое-то количество очков или поинтов. Эти очки, суммируясь, образуют некий числовой идентификатор, который и называется «статус».

– Ежели каждая школа навалывает свой набор событий, будет вакханалия, это просто никому не нужно будет...

– Я поэтому и применил слово «стандартизированный». Все достижения должны тоже быть стандартизированы. Детсады, школы, институты, коллегии, лиги, палаты, союзы разрабатывают свои предложения в течение полугода (хотя, по хорошему, и пары недель хватит) и отсылают их в соответствующие комиссии. Там спецы по направлениям – те самые

психологи, экономисты и прочие – приводят списки к единому знаменателю и выпускают стандарт. Раз, скажем, в год или по важности проводим апдейт – пардон, обновление и корректировку. Через пару лет будем иметь рабочую систему по всем направлениям: образовательные учреждения, спортивные организации, профессиональные союзы...

– Тьфу, да не произноси ты это слово, – взбрыкнул Директор. – У меня даже сейчас от их упоминания давление подскакивает.

– Хорошо, по профессиональным направлениям. Каждое достижение имеет свою стоимость в баллах. По мере продвижения вперёд стоимость достижений увеличивается от единиц к сотням, от тысяч к миллионам. По окончании школы статус может быть выражен в сотнях, института – в десятках тысяч, у заслуженного работника, управленца, профессора – может, и в миллионах. Вся шкала разбивается на десяток-другой званий и регалий, а ключевые достижения – их может быть не одна тысяча – отмечаются отдельными знаками отличия.

Костя от волнения вроде даже перебил дыхание, и внимательно слушавший его патрон, уловив паузу, спросил:

– Разве мы не имеем всего этого в армии: очередные звания от рядового до генерала, медали и ордена за отдельные заслуги, гвардейские звания и прочее?

– Вот! Вот видите? Жизнь заставила людей ввести эту систему на наиболее опасном, важном и ярком направле-

нии. Система, которая побуждает людей двигаться вверх, несмотря на смертельную опасность. И заслуженные орденские планки люди носят с гордостью. Так и везде должно быть. Демонстрировать общественности свои достижения, даже пусть через электронные девайсы – это правильный стимулирующий ход. Помните, я об этом утром говорил? А военный, кстати, может быть ещё и талантливым инженером, выдающимся доктором или преподавателем, юристом, переводчиком, музыкантом – да мало ли сопутствующих направлений. И все эти направления должны иметь свою градуировку, идентификатор, статус! Допустим, перед нами полковник разведки, он же – переводчик английского 3-го разряда, французского – 2-го разряда, действительный советник генерального штаба 5-го ранга в области средств электронной разведки, гранд-наставник 7-й категории контрразведывательной деятельности по экономическому шпионажу, доцент кафедры такой-то, пятый дан по борьбе такой-то и так далее и тому подобное. Чёткая, подробная и унифицированная шкала. Я хочу знать, с кем имею дело! И чтобы мой труд тоже был виден людям. Если на остановке мёрзнет человек в треухе и войлочных ботинках, а я вижу, что это звёздный академик мирового масштаба, я его бесплатно доведу до дома из уважения.

– Спасибо, Костя, – улыбнулся Астрофизик. – Только боюсь, твоим изобретением воспользуются бандиты и доведут меня лишь до оврага.

– Не-а, – замотал тот головой. – Вы-то тоже будете видеть, с кем имеете дело. Уже существует электронная программа «Попутчик», где людей подвозят за стоимость бензина. Там прекрасно видно, что за тип водитель и какая у него репутация. Так что если его репутация Вас удовлетворит, ответите электронным подтверждением на его приглашение, а это уже электронная регистрация контакта – элемент безопасности. И потом отплюсуете ему по приезду или впишете доброе слово в комментариях. Не надо ничего бояться, всё можно продумать, надо просто двигаться в сторону открытости, но, конечно, помнить про безопасность.

– Гладко было на бумаге, да замучили овраги, – отпел Конфитюр. – Знаете, какая доля населения России прошла через исправительные учреждения? Нет? Да почти четверть! Да не только у нас, в твоей этой Америке каждый третий чёрный ребёнок будет иметь проблемы с законом и пройдёт через тюрьму. Понимаешь, о чём я? Это мы балаболим в уютной комнате, в научной, можно сказать, слободе за охранным периметром. А ты отъезжай подальше, за сотый километр. Там будет целая шкала антидостижений и обратный статус. Что они будут показывать?

– Мало того, – вдруг вмешался доктор. Он уже сидел на подлокотнике дивана. Юрист переместился на стул возле Директора. – Мало того, часть людей будет делать ровно наоборот. Стремление к созиданию дано немногим, стремление к разрушению – всем. Найдётся немало людей (а может,

это будет и большинство), которые захотят зарабатывать достижения совсем другого рода, сеять страх и маскироваться под опасных людей, выражать протест и ненависть к успехам других.

– Сложная тема, господин доктор, но имеет место быть, согласен. Я ведь с вами разговариваю экспромтом, а не представляю доклад или разработку. Знаю одно – преступность боится огласки, света. Если позитивные достижения дают преимущества по жизни, открывают новые горизонты, то антидостижения, наоборот, закрывают, сужают пространство. Но у людей всегда будет шанс: убийцы становились апостолами, чернокнижники – священниками, падшие поднимались – в общем, «и последние становились первыми»... Разве не так? У алкоголиков и наркоманов в анонимных группах стоят счётчики дней чистоты, награды за неделю, месяц, год. Даже внутригрупповая публичность даёт поддержку, стимулирует рост. А что касается социопатов, то пусть их будет видно, если захотят, для нас это тоже плюс. Главное, ведь всё это дело добровольное, не обязательно всегда и везде светить своими данными. А отрицательную шкалу никто не позволит создавать и вести, это будет пресекаться. Хотя, если подумать, по отрицательным достижениям тоже можно будет понять, как формируется человек, общество, и вовремя принять меры. А не так, что вдруг мужик расстрелял людей в церкви или баре. Это не вдруг, там цепочка событий, они вопиют и желают быть услышанными.

– Предлагаемая тобой система действительно может стать хорошим инструментом в руках опытных психологов. И начинать надо впрямь где-то с начальной школы. Повышение личной самооценки, в отличие от системы прогрессивно растущего наказания – один из ключевых факторов развития. Я согласен, маленькие и постоянные победы нужны всем. Но при развитии личности крайне важно и другое умение – работать в команде, находить свою роль.

– Опять же игровые психологи отработали этот момент. Не с точки зрения, конечно, личности, а так, чтобы каждый участник, независимо от его индивидуальных особенностей – находчивости, скорости реакции, времени, которое он может посвятить игре – нашёл достойное место. Всё посвящено удержанию интереса – считайте, денег – и для ярких представителей геймплея, и для тормозов. А что касается развития командных навыков, то это ключевой момент в играх. Чем выше уровень развития персонажа, тем больше командных заданий, тем выше роль саппортов – то есть не центральных игроков, а поддержки. Самые главные достижения, приносящие больше всего призов – командные. И в жизни будет так же, потому что фирма – это команда, её достижения будут и вашими. И страна – тоже команда...

– Костя, есть и другой существенный момент. Я видел эти игры, – грустно заговорил астроном. – Сын даже пытался втянуть и меня туда. Там всё построено на насилии, убийствах и поборах, пусть и со сказочными монстрами. Я не

спец, конечно, но думаю, большинству они нравятся именно тем, что в них можно реализовать своё стремление к насилию, которое ущемляется правилами цивилизованной жизни.

Костя уж было открыл рот, чтобы быстро парировать, но притормозил и задумался – аргумент был тяжёлый. Пожал плечами и ответил:

– Я лишь пытаюсь сказать, что на сегодняшний день в виртуальном мире создан инструментарий, который активно и наглядно стимулирует рост личности и её профессиональных качеств. Привнесённый в жизнь, он может дать синергетический, мультипликативный эффект, накладываемый на реальную генетику, на реальные стимулы и опасности. Усилится он и введением системы репутации, о которой я вам рассказывал утром, когда мы сможем видеть не только достижения специалиста или гражданина, но и качество его работы и поведения.

– Принуждение к качеству.

– Именно – принуждение к качеству, к ответственности.

Мягко, не спеша, эволюционно.

Комиссионеры играли какое-то время молча. Потом их прорвало, и пошло долгое обсуждение, где вспоминали о погоне за наградами и чинами – о российской страсти к чиновничеству. Директор утверждал, что всё равно придётся вводить систему градации, добавив снова менторским тоном, что человек – единственный антиэнтропийный меха-

низм во вселенной, и потому, как ни крути, его работа – внести упорядоченность во всё сущее, включая создаваемую им самим социальную структуру. На это доктор ударился в эволюцию социальной жизни приматов, и спор снова разгорелся.

Костя с трепетным удовлетворением заметил, что положительные отзывы стали превалировать – его идеи не отвергались «учёным советом». Периодически к нему прилетали вопросы с разных сторон, и ему нравилось, что ничего не пришлось повторять – а значит, слушали внимательно и с любопытством. Хоть и казалось поначалу, что игра в преферанс им интереснее «иллюзорных» абстракций геймера.

– А всё же как быть с оступившимися? Они так и будут всем светить своими грехами? – Это народник снова поднял тему патрона.

– Если человек исправился, искупил свою вину, то он, вероятно, должен обладать правом на забвение своих проступков. Более того, если человек сумел превратить свою слабость в силу, достоинство, пустить её на общее благо – это отдельное достижение, достойное уважения. Конечно, здесь надо будет всё продумать, но это не нерешаемая задача.

– А если какой-то умник-программист, – спросил патрон, – захочет накрутить себе наград? Или, как Герострат, просто уничтожить всю систему данных?

– Вопрос защиты информации – это отдельная отрасль. Это как развитие меча и щита, снаряда и танковой брони.

Система защиты всё время совершенствуется, как и система нападения. Поскольку здесь будет вовлечено огромное количество народа, а значит, и компьютеров, я могу предположить, что данный массив информации можно будет выстроить по технологии, известной как «блокчейн». Это такой массив информации, который могут просматривать и использовать все заинтересованные стороны, но при этом ни одна из них не может контролировать его или изменять ранее внесённые записи. Новая запись – изменение статуса или репутации – вносится в дополнение к существующим, которые выстраиваются в хронологическую цепь, начиная от первой записи. Вся цепочка целиком – это и есть блокчейн, и хранится она одновременно на большом числе компьютеров, которые и используются для решения сложной математической задачи. Как только задача решается и правильность её решения подтверждается большинством участников сети, проведённые к тому моменту неподтверждённые записи объединяются в блок, который получает уникальную цифровую подпись и связывается с другими блоками, созданными до него, при помощи алгоритма. Взломать систему невозможно, поскольку её постоянно обновляемые копии хранятся одновременно на многих компьютерах. Если попытаться изменить прошлую запись на одном из них, то большинство участников системы откажется подтверждать запись, и блокчейн останется неизменным. Таким образом, защита обеспечивается не каким-либо специализированным органом го-

сударства, на который можно было бы оказать влияние или давление, а математическим алгоритмом.

– Вот спецслужбам будет головная боль для создания легенд своим сотрудникам! – съязвил Жерех.

– Ничего подобного, – спокойно и ехидно парировал патрон. – На каждую хитрую гайку с резьбой мы отыщем болт с винтом. И пока такая возможность не будет предусмотрена, никакая система не получит сертификации и дороги в жизнь.

– Вот я сижу и думаю: а не слишком ли мы стары, чтобы заниматься всем этим? – грустно молвил Астрофизик. – Не слишком ли мы отстали от жизни за своими классическими чертежами и схемами?

– Дружище, если бы не мы слушали молодого, а наоборот – сидели и бубнили ему, как устроена жизнь, – улыбнулся ему Директор, – вот тогда бы мы были старпёрами. А если мы сидим и внемлем ему, стараемся понять и продумать, как использовать его идеи – получается, что мы моложе него. Хотя перерыв нам точно не помешает, Костик свой речью выбил у меня пару пробок в мозгах. Кто-то будет кофе по-турецки? Или вы все по чаям решили?

Все поднялись и стали разминать затёкшие ноги. Только историк откинулся поглубже в кресло и прикрыл глаза. Юстировщик повернулся к Косте и сказал:

– А ты молодец, молодец. И я так понимаю, это не всё, это только по профнаправлению. Мой тебе совет – продумай пока, что ты ещё можешь сказать. Не факт, что ещё раз себе-

рётся такая аудитория. Попробуй добить сегодня. Это действительно нужно. И даже получается как-то интересно.

Очередная баранка хрустнула в руках программиста, и он отошёл подышать к окну в глубокой задумчивости. Народ занимал очередь в туалет.

Через пятнадцать минут партия в преф снова разгорелась, и казалось, все ушли полностью в игру, но как только с кухни вернулся последний участник – Юрист – и уселся на свой стул за спиной Директора, тот дал команду:

– Костя, не филонь, давай продолжай.

Парень посмотрел на мирно дремавшего историка и, не вставая с подоконника, открыл было рот, чтобы начать, но тут его перебил патрон с неприятно серьёзным выражением лица:

– А ты понимаешь, что одним росчерком государева пера твоя система из добровольной может стать обязательной, и мы получим элемент тотального контроля, а твоим электронным девайсом станет не телефон, а чип под кожей? Кое-кому страсть как хочется это сделать. Пока ещё это проводится в США, Швеции и прочих странах на добровольной основе. Нужен только весомый повод сделать это массово... у нас.

– Ставим сканеры чипов на всех перекрёстках и надеваем всем радиоуправляемые ошейники с электрошокером. – Жерех расхохотался, игнорируя серьёзный взгляд разведчика. – Конечно, любое изобретение может нести в себе опас-

ность для общества, но это не тот случай.

– Действительно, – опомнился Костя. – Использование информации от профессиональной деятельности и репутации не несёт угрозу личной жизни или личному пространству. Нет. «Фейсбук», «В контакте» и прочие соцсети используют для отлова уклонистов, должников, экстремистов – это есть. Блоггеров сажают даже за перепосты. Но если сделать регистрацию в них обязательной, это ничего не изменит. Гораздо опаснее применение вирусов, разрабатываемых государством, таких как, например, «Бундесвирус» – троян, разработанный спецслужбами Германии для тотального контроля граждан, включая даже подброс улики.

– В самом деле, ребята, давайте не перебарщивать, – вступился Юрист. – Есть Конституция, есть право на личную жизнь. Будет попытка нарушить – будем защищать.

– Да уж, – махнул рукой патрон. – Я не хочу драматизировать, я лишь хочу отметить, товарищи учёные, что мы в ответе за то, что изобретаем, и надо заранее продумывать последствия наших деяний, которые по частям или в извращённой форме могут быть использованы далеко не во благо общества. Примеров тому в истории, да и в моей жизни было предостаточно. А защищать пока что вы можете только то, что вам разрешат.

– Да, как говорится, «лучше перебдеть», – высказался председатель. – Но хочу заметить, мы в самом начале пути, так что давайте с оглядкой, но двигаться вперёд, тем более

что по безопасности на данном этапе мы получили вполне удовлетворительный ответ.

– Правда, – кивнул Жерех. – Дайте уже парню продолжить. Пусть уж выложится сегодня по полной.

Костя помолчал, собираясь с мыслями, и как-то неуверенно продолжил:

– Я говорил об одной из основных сфер жизни человека – о профессиональной. Но мы живём во дворе, имеем семьи, являемся членами городской общины, гражданами страны. Кто-то входит в состав попечительских комиссий, является членом академий. Как здесь применить статус? – Он взял паузу, ища поддержки.

– Ну давай вместе разберёмся, у нас тут не экзамен, – неожиданно пришёл ему на помощь Директор. – Вопрос смотрится громоздким. Может, начнём со списка наших гражданских обязанностей?

– Все наши основные гражданские обязанности отражены в Конституции, – вступил охотно Юрист. – Это платить налоги, нести воинскую повинность, то есть защищать Отечество, не вредить другим, уважать их права и свободы, ухаживать за детьми и давать им необходимое образование, заботиться о нетрудоспособных родителях, о природе, о культурном наследии. Естественно, соблюдать законы государства, Гражданский, Семейный, Уголовный и Жилищный кодексы и прочее. Это вкратце.

– Что-то легче не стало.

– Почему же? – начал Костик. – На сегодняшний день мы имеем статус «гражданин» или «резидент» и «нерезидент».

– Ага, – встрял лазерщик. – А могло бы быть как в церкви: оглашенный, христианин и воцерковлённый. Я имею в виду, как минимум, резидент по проживанию, кандидат в граждане страны, гражданин и, соответственно, почётный гражданин.

– Можно использовать такую же систему градаций, – кинул программист, – что я описывал ранее. Учитывать и исполнение воинской обязанности, включая переподготовку в запасе, и уплату налогов, и участие в общегражданских форумах-обсуждениях в интернете – это я, конечно, о возможном будущем. Участие в мероприятиях по поддержанию общественного порядка – например, в качестве дружинника или соседской взаимопомощи и охране. Параллельно идут семейный статус и семейные достижения, включая достижения детей в образовании и не только. Эдакие групповые семейные достижения...

Он задумался, подбирая формулировку свои мыслям, и его заменил доктор со своими:

– Наша участковая, к примеру, пашет как вол на работе, плюс трое детей. Хотя никому до этого дела нет, звонят, не задумываясь, среди ночи по любому чиху. Дети – умницы, отличники и чистюли. А муж, сколько его знаю, валяется на диване под сальным пледом и смотрит футбол по всем каналам. Благо для таких, как он, их с десяток сейчас. А по груп-

повым достижениям он всех нас обскачет... за счёт жены и детей.

– Пьющий, что ли?

– Нет, просто бездельник.

– Депрессивный, получается.

– Нет у него никакой депрессии. И не пьёт, – устало пояснил доктор. – Говорю вам: лентяй и бездельник. Он плитку кладёт, и, в принципе, неплохо. Тысячу раз предлагали ему работу, да ещё с какой зарплатой! Он соглашается – и не приходит. Или исчезает посреди работы. Бывало, она за него авансы возвращала. Просто откровенно паразитирует на жене. А развестись она не может – квартира его, досталась от матери. Хотя вся техника в квартире, мебель, ремонт, вещи – всё куплено на её деньги, большей частью неофициальные. Левачит, как может. Вот он ей и грозит, что в случае развода выпишет к чёртовой матери с детьми и с положенными ей половиной стиралки и половиной холодильника. А официально у него сплошь достижения: старшая дочь – красный диплом, средняя – золотая медаль, младшая тоже не отстаёт – олимпиаду по математике выиграла.

– А чаще, друг мой, бывает наоборот, – в той же тональности вступил Директор. – Муж вкалывает до прободения язвы, а жена – по салонам и тусовкам. Дома прислуга вкалывает. Жена наблудит и на развод подаёт, как гром среди ясного неба. А суд – всё пополам по закону.

– Ну если есть подтверждающие документы, – встрял

Юрист, – брачный контракт.

– Я тя умоляю, какие документы, контракты?! Наше поколение другими нормами жило. И не только наше. Вот наш звездочёт мне рассказывал про сына Габриэля, нашего общего друга. Парень – инженер талантливейший, как отец. Семью с пятью детьми тянул, благо всё время по загранке от завода ездил, при деньгах был. Потом случайно выяснил через экспертизу, что трое детей – не его! У него тяжелейшая моральная травма, так жена его же ещё и оболгала, имущество хапнула, детей забрала и содержание с алиментами выписала по суду. Вот у неё достижения, спору нет. А он думал ли, что ему под все бумажки надо подкладывать и брачный контракт с такими сценариями расписывать?

– Отцы, – вмешался патрон, – вас что-то понесло...

– Я вам тысячи историй расскажу, тысячи, – не унимался

Юрист. – Данное правовое поле несовершенно во всём мире. И может, Вы и правы – культуру договорных семейных отношений надо прививать с юности.

– Её ещё надо создать, эту культуру, – буркнул председатель.

– Что Вы имеете в виду?

– То, что понятие домохозяйки надо сертифицировать и категоризировать.

– Во как! – засмеялся с остальными Жерех. – И штрафы выписывать за подгоревший ужин и неглаженные рубашки, и за уклонение от секса тоже.

Директор счёл, что сказал уже предостаточно, пусть переваривают. Но его тему внезапно подхватил Костя:

– Я на работу только устроился, у нас был в отделе индус. Родители практически насильно женили его на представительнице другой семьи. А он условие выдвинул: помимо справки о девственности и репродуктивном здоровье – контракт с условиями, по которым невеста должна предоставить сертификаты о прохождении обучения на курсах шитья и готовки, об умении пользоваться всей бытовой техникой и химией, о знании детской и адаптивной психологии, массажа, фэн-шуй, об умении вести семейный бюджет, а также денежный депозит на случай бесплодия в течение пяти лет и прочее. Получил отсрочку на полтора года, но всё равно женился, так как все условия она выполнила. Теперь у него дом и двое детей. А у жены – образовательное учреждение, состоящее из набора различных курсов. Средняя продолжительность обучения – два года, плюс переаттестация и повышение квалификации. Очередь такая, что её за деньги продают. Выездные семинары и практикум. Техническое подразделение по развитию. В частности, они написали программу и методику внутрисемейных трансфертных цен и свою программу домашнего бюджетирования. Часть студентов – мужики, для них – слесарные, ремонтные курсы, энергосберегающие технологии, фитокурсы, та же готовка и многое прочее. Я так считал, полный курс всего этого года на три потянет, а по деньгам – второе образование. А расширенный на-

бор включает основы педиатрии, литературоведения, танцы. У них свои кросслинки с университетами...

– Короче, Смольный институт благородных девиц, – подытожил патрон.

– Не совсем так. Я ведь говорю: они разработали систему трансфертных цен и семейного бюджетирования. А обязанности, заложенные в контракте прислуги или гувернантки, автоматически удаляются из калькуляции хозяйки, но автоматически добавляется параметр управления прислугой. При согласии сторон чётко рассчитывается вклад каждого члена семьи, включая такие тонкости, как умение поддержать на достойном уровне беседу за ужином с деловыми партнёрами супруга. Есть проверяющие, знаете, такого же плана, как те, которые проверяют от государства подлинность, то есть нефиктивность, брака. Выпускниц её заведения не только активно разбирают замуж, но и с охотой принимают на работу гувернантками и домоправительницами.

– Вот ведь государственного ума баба! – одобрил Юрист. – Странно, что о ней в прессе не пишут.

– Писали. Вообще-то ругали. Феминистки называли её стартап «школой гейш». Как-то принято считать, что главное в семье – любовь, а всякие взаиморасчёты её оскорбляют. И те женщины, которые считают, что если уж и учиться, то на самостоятельную оплачиваемую профессию с возможностью построения карьеры, гармонично дополняются теми, для которых главное – выйти замуж, а там уж мы и так всё

умею, лишь бы муж зарабатывал.

– Вот я вам и говорю, – снова вступил председатель, – домохозяйка – это отдельная профессия, со всеми вытекающими, как то: обучение, сертификация, градация, переаттестация, повышение квалификации и прочее. И главное – система контроля. Не удивительно, что эта идея обрела жизнь именно в прагматичной Америке. А что твой индус, доволен или развёлся?

– Наш махарадж давно уволился и является полноправным совладельцем того учебного заведения и генератором многих идей. Когда я уезжал, он подготавливал аукцион между платёжными системами по внедрению своей новой программы. Согласно его концепции, платёжная система, обслуживающая розничные магазины, должна подписывать условия, по которым все наименования товаров условно стандартизируются и разбиваются по учётным категориям.

– А попроще?

– Совершая покупку в продуктовом магазине, вы получаете чек с наименованием товара, его ценой, весом и другими параметрами. Допустим, говядина, сыр, молоко, картриджи и стиральный порошок с количественными характеристиками. Закупаясь в другом магазине, который сотрудничает с той же платёжной системой, вы получаете чек с теми же категориями. В конце месяца вы имеете не просто выписку по карте, но и общее количество товаров по категориям и со сравнительными характеристиками, включая ту же кало-

рийность. Таким образом, вы можете учесть, сколько того же мяса, молока и сыра потребляете в месяц и в год. Это как раз коррелируется с их программой домашнего бюджета и автоматически разносится по нему. Платёжная система обеспечивает клиента прикладными данными, обеспечивая себе конкурентные преимущества и заодно обеспечивая государство и производителей необходимым статистическим материалом внутреннего потребления. Не пройдёт и пары лет, как вы будете пользоваться этим здесь, считая само собой разумеющимся.

Все переваривали информацию, выплеснутую на них программистом, особенно то, что относилось к домохозяйствам. Поэтому Костя снова нырнул в карты Жереха и, когда тот пошёл с вальта пик, спросил:

– Зачем это?

– Чтобы выбить у него даму пик, – мотнул он головой в сторону Конфитюра.

Тот стукнул по вальту тузом.

– А где же дама? – лукаво прищурился юстировщик.

– Уж полночь близится, а Германа всё нет, – загадочным тоном проговорил доктор.

– А дама пик уже здесь, – глубоким загробным голосом проговорил патрон и посмотрел страшным взглядом на Костю. – Она подходит к двери и, – он вытянул вверх палец левой руки, изображая звонящего, – она... звонит... в дверь!

В образовавшейся тишине резко раздался дверной зво-

нок, и Костя вздрогнул. Астроном заулыбался.

– Отдай даму, артист. – Жерех шмякнул десятку на стол.

– Да нате, – побил её дамой разведчик. – Даме кто-нибудь откроет?

Хозяин дома положил карты и мотнул головой Астрофизику:

– Пойдём, королевич, это за тобой, расклад уже и так ясен.

Костя впервые увидел жену астронома. На даму пик она никак не была похожа, очень миловидная и аккуратная женщина. Она поставила на стол дымящийся луковый пирог и сказала:

– Это вам выкуп за моего звездочёта, а его я забираю.

Она собрала использованные тарелки и чашки. Юрист с хозяином тут же подхватили остальную посуду и понесли на кухню. Астрочета удалилась к себе, но жена вернулась через незакрытую дверь, когда народ навалился с благодарностью на пирог, и, пройдя на кухню, стала мыть посуду. Некоторые вопросительно посмотрели на хозяина квартиры, но тот махнул рукой и пояснил:

– Это такая старая традиция у нас – каждый раз, когда у меня сборище с участием её супруга, она приходит помогать убирать за ним. Он каждый раз, кстати, уделывает мне плитку. – От воспоминаний молодости на его лице расплылась улыбка. – А я, между прочим, за это отгонял от него всяческих девиц в турпоездках, которые вечно таяли от его рассказов о звёздном небе у костра.

– Отгонял, поди, в сторону своей палатки? – язвительно спросил Жерех.

– Бывало и так, – снова заулыбался тот. – Но исключительно для гарантии, что благочестию моего друга ничто не угрожает. Вот такие у нас кооперативные отношения.

– Я пойду помогу, – сказал Юрист. – А то как-то неудобно.

– Они с Лидой познакомились ещё в детском саду, через дырку в беседке, – продолжил хозяин резиденции. – Через неё они год и общались – она была в группе на год младше. Когда пришло время ему идти в школу, она сама пришла к директору и печатными крупными буквами написала заявление на приём в первый класс. Родители тогда ничего не смогли сделать, она проявила небывалое упрямство. Всю школу вместе, за одной партой. Она его провожала на занятия в планетарий, он её – в музыкальную школу. Местные ребята поначалу его мутузили, но поняв, с каким характером имеют дело, стали звать его с собой в футбол. Там он и научился этому хардкорному стилю. Вот так. Когда они объявили о свадьбе после школы, никто не удивился. Всю жизнь вместе, рука об руку. Через что прошли, даже говорить не хочу. Видели, как он заулыбался, когда она в дверь позвонила?

Директор как-то тяжело вздохнул, но взгляд его был чист.

– Если бы передо мной не было такого примера с юности, я бы, наверное, смотрел на все эти супружеские дела, после всего того, что познал, с откровенным ужасом и отвра-

щением. Ан нет, любовь есть. Спокойная, чистая и очень... очень настоящая. А мы с вами про трансфертные цены. Я даже представить не могу, Кость, чтобы они что-нибудь подобное в своей семье допустили. Умом понимаю – надо, наверное, вводить такую систему, а душа говорит, что это дикость. Они так далеки от всего, о чём мы говорили! И каждому, наверное, хочется верить в юности, что его любовь – такая же настоящая, и мерить её в нормо-часах взаимной заботы как-то не хочется.

Он молча водил вилкой по пустой тарелке. Кто-то смотрел на него с пониманием, кто-то думал о своём. Самый извинительный и жалостливый взгляд был у Жереха, но молчать он не мог:

– Ну ты, ты же понимаешь, что это встретились старые души, у них своя... – Встретив укоризненный взгляд Директора, он мотнул головой. – Хорошо, хорошо. Это просто статистически редкий случай, из тех, что мы, прожившие немало, можем пересчитать по пальцам одной руки. Для остальных любовь – что гравитация – все чувствуют, но понять не может никто. Два человека, словно два объекта в космосе, устремляются навстречу друг другу под действием непреодолимой тяги и сшибаются, считая это апофеозом. А потом разлетаются. – Он поводил глазами по потолку, потом посмотрел на пустующее место астронома. – Разлетаются, как Земля с Луной – пардон, других примеров не знаю. И начинают танцевать вокруг друг друга, сходясь и разлетаясь.

Это сложный динамический процесс, небесная механика. И люди, люди должны учиться подстраиваться друг под друга, взаимодействовать между собой. – Тут он увидел умильный, язвительный взгляд доктора, у которого понятие любви было выстроено исключительно на физиологии приматов, засмутился и, скомкав последнюю фразу, проронил: – Тогда во вселенной появится ещё одна прекрасная танцующая пара.

– Ну ты и романтик, – всхотнул Директор. Его настроение стало возвращаться. – Мне прям понравилось. И знаешь, во вселенной и вправду восемьдесят процентов звёзд – двойные.

– Только мы живём у одиночной, – постучав по столу пальцами, сказал Чехонте. Весь его скепсис вылился в эту фразу. Поскольку все воззрились на него, он всё же решил продолжить: – Наши биологические, выражаясь Вашим языком, центробежные силы столь велики, что нам, как социальным животным, необходимо в полной мере использовать уникальность нашего разума, делать подпорки, связки, лангетки, правила и эти... хм... договорённости, чтобы хаотичное поведение в плену наших желаний выстраивалось в упорядоченное существование, достойное и уважительное. Поэтому я поддерживаю молодого человека. Надо выстраивать что-то на уровне наших домов и квартир. – И, посмотрев ещё раз на Директора, строго добавил: – Сам говорил, что участь человечества – снижать энтропию, упорядочивать ранее неизведанное. Когда-то, знаете, мыться было совсем не в

моде, даже богопротивно и аморально, но теперь-то мы рассматриваем это ровно наоборот.

– Честно говоря, с большим трудом могу себе представить эту картину и юридически, и экономически. – Это вернулся, проводив гостью, Юрист. – Это вам не завод с мастерами смены и штангенциркулями. Как вообще всё это можно прописать и замерить, это же семья, муси-пуси...

– Как раз очень даже можно, – улыбнулся ему Чехонте. – Некоторые нещепетильные и потому удачливые юристы прописывают своим звёздным клиентам количество обязательных соитий в неделю и в месяц. Не так ли?

– А-а, ты об этих...

– О них. Люди тоже не сразу пришли к применению таких условий в брачных контрактах. Ну а у кого любовь-морковь, такие пункты воспримут только с улыбкой.

– Я бы хотел кое-что сказать, – неожиданно встрял в затевающийся пересуд патрон. – Думаю, это важно, и не в последнюю очередь для Вас. – Он посмотрел на Юриста поверх своей огромной кружки, которую оккупировал у хозяина с их первой встречи. Но общественник спокойно воспринял этот взгляд ассасина и сделал заинтригованное лицо, приглашая выступить.

– Я уже высказывал эту мысль здесь в более усечённом составе. Постараюсь её ещё раз сформулировать, ибо она, в первую очередь, актуальна именно для Вас. Вы говорите: завод, мастера смен. Хорошая аналогия. Мы – я имею в виду

работающее население – часов восемь-десять в сутки проводим на работе, ещё от четырёх до пяти часов в разъездах, встречах, покупках и так далее. Соответственно, десять-двенадцать часов проводим дома или в заботах, связанных с семьёй и жилищем.

– Часов восемь спим...

– Верно, это восстановительная часть жизненного цикла. Пропорция резко увеличится, если добавить сюда субботу и воскресенье. Это только для работающих вне дома. А теперь добавим сюда детей, стариков, домохозяек, болеющих и отпуски. То есть получается, что львиную долю времени население проводит в стенах дома или в заботах о нём. Населения только у нас в товариществе три тысячи человек. Понимаете, какой громадный комбинат мы имеем прямо здесь, на месте?

– Да, но какой продукт или, как говорят, прибавочную стоимость производит Ваш комбинат? – искренне недоумевая, произнёс Юрист. Директор, знающий ответ, заулыбался.

– Народ, население, наши производственные силы, оборонную мощь и носителей культуры. Детей, понимаете? И как известно, пока это у нас получается лучше, чем то, что мы делаем руками.

Костик весело загоготал:

– Это разве работа? Это ж удовольствие, тут даже выходных не бывает.

– Это тебе пока смешно, вот займешь детей – осознаешь.

Не дай тебе бог ещё растить их одному... Сколько труда, сил, терпения, времени, денег надо вложить в одно-единственное существо, чтобы вырастить из него нормального человека и, извините за патетику, гражданина! И не факт, что в итоге лет через шестнадцать-двадцать ты не получишь в ответ фразу «как же вы все меня задолбали», потому что принуждение и дисциплина – сложная и необходимая часть этой работы.

– Да, мне, как отцу трёх дочерей, в одном сетевом заведении хозяин-турок выдал золотую дисконтную карту, – весело вспомнил довольный юстировщик. – Оказывается, по исламу я уже обеспечил себе место в раю. И поверь, Костя, я считаю это справедливым. В шестнадцать проблемы не заканчиваются, а мне кажется, только наоборот...

– Кстати, я в своих подсчётах забыл работающих на дому. – Патрон мотнул головой в сторону программиста. Затем перевёл взгляд на мирно спящего под пледом Историка: – И писателей.

– Я тоже половину времени теперь работаю на дому, – согласился доктор. – Книги, записи, интернет и телефон – вот что мне в основном нужно.

– Конечно, и с каждым годом дистанционно работающих и обучающихся будет всё больше и больше.

– Я оценил Ваш посыл, размер и загруженность фабрики, – закивал Юрист. – Но всё же не совсем пока понимаю...

– Наш астроном убедительно доказывает всем, что человек, гражданин – это основа государства, её основной тру-

довой, оборонный и культуронаследственный ресурс, основа основ. И здесь, на дому, происходит бóльшая часть его изготовления и обработки. Школа и институт – это наша кооперация. Ответственность за качество несут родители и, конечно, окружающее общество. И сколько брака мы имеем – это непостижимо! Что делать? Как устранить брак? Чему нас учат основы современного производства?

Вслед за Кассандром все перевели взгляд на Директора.

– Ну, это в первую очередь современные методы контроля и измерений, правильное выставление контрольных точек на технологической карте, своевременная обработка и анализ контролируемых данных, матрица влияния технологических факторов, применение высокоточных автоматизированных комплексов, применение...

– Достаточно, окей, спасибо. – Патрон был доволен. – Главное Вы уже сказали – пошаговый контроль. От зачатия мамашу ведут доктора, анализируя плод на предмет всевозможных дефектов и отклонений. Но через пару лет от рождения этот процесс становится размытым и вялым. И вдруг мы получаем забулдыгу, психопата, преступника и асоциального типа. Вдруг?! Откуда?! Куда смотрела школа, общественность? А ведь всё происходит здесь, за этими стенами! Поддержка населением Третьего рейха базировалась не только на всеобщем чувстве реваншизма, но и на работе тайных агентов, которые собирали информацию о жизни простых людей. И вдруг мёрзнувшая семья получает посылку от фю-

пера с тёплым пальто и носками, старик – новую трость и трубку взамен треснувших старых... Я, наверное, не туда...

– Туда, туда. Теперь я понял, к чему это Вы. – Глаза Юриста стали холодными и колючими. – Хотите создать институт домашних соглядатаев, чтобы под благовидным предлогом отслеживать процесс роста людей и предупреждать появление нестандартных, «социально неугодных» и инакомыслящих. Надоело шарить по соцсетям, вылавливая в мутоте неугодных?

– Если этим буду заниматься я и парни из нашего ведомства, то так и будет. А что Вы хотели? Когда взрывают дома и театры, стреляют, давят народ на улице всякие полоумные упыри и террористы, все начинают кидать камни в нас: на кой чёрт вас держат, чем вы там занимаетесь вообще? Пока никто такой задачи не ставил, но уже завтра, скорее всего, поставят. Время диктует. Вот ответьте мне на вопрос: зачем Вы столько времени провели на кухне, беседуя с женой звездочёта?

– Я что-то не понимаю Ваших намёков. – Брови народника агрессивно опустились вниз. У Директора тоже округлились глаза.

– Да остыньте Вы, я ни на что не намекаю. Зачем?

– Люди – это мой интерес. Судьба и мысли каждого – для меня как чтение книги...

– Вот! Я как раз к этому и веду. На каждом производстве есть мастера, контролёры, работники службы качества.

И у нас здесь должно быть так же. Я прекрасно осведомлён, сколько времени Вы проводите в разговорах с людьми, сколько Вы им помогаете и проявляете заботы. Я глубоко уважаю Ваш труд и считаю, что населению этих домов крупно повезло, что среди них есть такой человек. И нам, сидящим здесь, тоже редко повезло, ибо Вы – человек будущего, которое мы строим. Тот элемент, который пришлось бы придумывать и доказывать возможность его существования.

Воздух в комнате сразу оттаял. Юрист выпрямил плечи и сменил гнев на милость:

– Спасибо, конечно, прям почувствовал себя юбиляром на банкете, но всё же?

– Так вот, если этой работой будет заниматься моё ведомство, то мы действительно получим институт соглядатаев, тоталитарное государство с фильтрацией и предупредительным исправлением всех, выходящих за стандарты. Этой работой должны заниматься Вы и люди Вам подобные, для которых жизнь окружающих представляет неподдельный интерес, кто воспринимает чужие проблемы и радости как свои. И слава богу, в России такие люди всегда были.

Патрон перевёл дух и продолжил:

– Необходимо уже сегодня, на опережение, создавать институт социальных работников из медиков, психологов и не знаю кого ещё там. По одному на участок, как участковый врач. И это как раз вяжется с той теорией, что выдвинул наш молодой друг. Это те люди, которые на законных осно-

ваниях и по регламенту будут ходить по домам, проверять внутреннюю ситуацию в семьях, собирать чаяния, жалобы и предложения людей, состояние детей и пенсионеров, условия их проживания. И если при этом они будут нести функции экономического контроля работы и распределения обязанностей домохозяйств... Да и бог бы с ними! В конце концов, это же «производство».

Народ устало начал обдумывать слова Конфитюра. Юрист же выдохнул:

– А Вы меня чуть не напугали.

– Простите, не всегда удаётся и мысль сформулировать, и не упустить чего, и продумать, как её воспримут. Так вот, информации от этих работников нам будет вполне достаточно. Я имею в виду и органы безопасности. У нас с Вами пересекающиеся интересы, и нам, конечно, будет интересно получить как можно больше и залезть поглубже. Но в нормальном гражданском обществе мы будем кружить с Вами в танце, как та сладкая парочка, что описал нам господин лазерщик. То прижимаясь, – он улыбнулся, – то отталкиваясь.

– «Це дило треба разжувати», как говорили наши украинские друзья, – подытожил хозяин, развалившись на стуле. – И думаю, здесь действительно важно не упустить время.

– Да, время важно, – основательно произнёс патрон. – Вот так всегда, а? – Он улыбнулся Директору. – Начнёшь с малого и насобираешь себе забот полон рот.

– Нам не привыкать. – Он глубоко вздохнул. – Как спа-

лось, уважаемый?

Его вопрос был обращён к историку, который открыл глаза ото сна и не спеша осматривал окружающих:

– Простите старика, сморило. Вы знаете, мне даже сон приснился, что я с вами участвую в первых Олимпийских играх – там, в Олимпии, при Ифите и Ликурге. Да-а. Забавно. Наш парень-то, – он кивнул на Костю, – забросил диск подальше всех. Наверное, потому, что днём он нам рассказывал про игры и их элементы.

Он тяжело встал на затёкшие ноги и, опираясь на стол, стал продвигаться к выходу.

– А знаете ли вы, что вся современная европейская цивилизация, которая выросла из древнегреческой, обязана пронизывавшему всё соревновательному духу – антагонизму? В этом её коренное отличие от прочих цивилизаций. И в этом – причина её бурного развития, успеха осевого времени. Игра, да, игра. – И он поучительно указал пальцем в сторону программиста. – Я, с вашего позволения, пойду...

– Мне тоже бы пора, – сказал доктор. – Я если не высплюсь, то потеряю следующий день.

– И меня по мессенджеру закидали друзья гневными вопросами, – извинительно произнёс Костя. – Пора брать недельную цитадель. – И он по-детски улыбнулся.

Хозяин помог одеться каждому, а негнущемуся историку и надеть ботинки. Все тепло попрощались, и трое гостей покинули квартиру.

– Ну что, эскулап ушёл, теперь ругать никто не будет, – весело подмигнул Жерех.

– Дети и старики тоже, – поддержал его Конфитюр.

Хозяин понятливо кивнул, и на столе, смещая чашки, появились бутылка старого французского коньяка и початая коробка гаванских сигар.

Мягкий снег лип к подоконнику и стеклу, из-под рамы подвывало. На улице доктор в шляпе провожал под руку историка, закутанного в суконный башлык, отчего он был похож на отставного царского полковника. А в маленькой уютной квартире снова разгоралась игра в преферанс.

Так прошёл первый совещательный день концессионеров, и то было начало.